

АГАТА ГЕЦ

ИЗМЕНА
ПРЕДАТЕЛЕЙ
НЕ ПРОЩАЮТ

Прихожу домой радостная и счастливая! Ура! Все подтвердилось, у нас будет малыш! — Я так рад, что ты беременна! Я так долго этого ждал! — слышу с кухни голос мужа. Ой! Мой муж телепат? Откуда он это узнал? Улыбаюсь. Достаю тест из сумки. — И я тоже, милый! Ты не представляешь, как я обрадовалась, когда узнала, что жду ребенка! Иди ко мне, ну? Вот только эти слова произношу не я, а моя сестра. Моя Ленка. Добавляйте в библиотеку, чтобы не пропустить новые главы.

Глава 1. Марина

— Я беременна... Я беременна! Я бе-ре-мен-на...

И, наверное, школьный туалет не самое лучшее место, чтобы об этом узнать.

Касаюсь головой стены и медленно выдыхаю. Пальцы сжимают тест, и я замечаю, что руки дрожат от радостного предвкушения счастья. Я беременна! Наконец-то! Я так долго этого ждала. Сердце громко стучит и нежное тепло растекается в моей груди.

Беру салфетки и аккуратно завернув тест, бережно опускаю в карман пиджака. Моя рука непроизвольно тянется к плоскому животу, который скоро округлится.

Надо будет сменить гардероб. Наверное, куплю себе пару широких сарафанов.

Сердце постепенно уравнивает ритм. Выдыхаю и возвращаюсь в реальность. Слышу голоса детей. Перемена в самом разгаре. Выхожу из учительской уборной и оказываюсь в гомоне голосов. Смотрю на детей с растерянной улыбкой. Скоро и у меня будет такой же мальчишка или девчонка. Рука тянется к телефону написать мужу, но я останавливаю себя. Сделаю сюрприз вечером! Сегодня же после уроков расскажу все Глебу. Представляю, как он обрадуется. Мы женаты уже три года, и четыре года вместе, но... Все это время было какое-то непонятное «но», хотя мы оба здоровы. Вернее, было. Вот уже как две недели я странно себя чувствовала, но все боялась делать тест. Я так надеялась увидеть эти заветные две полоски, и каждый раз разочарование от их отсутствия становилось все сильнее. Но сейчас все изменилось. Надо написать Ленке, моей сестре. Жаль маме не рассказать. Она погибла десять лет назад прямо перед Новым годом, и мы с младшей сестрой остались вдвоем.

Провожу рукой по глазам — хватит вспоминать дурное. Пора возвращаться в сейчас. Сегодня моя жизнь меняется навсегда.

Домой прихожу где-то через час. Пришлось еще заскочить в магазин, чтобы приготовить праздничный ужин. И надо дозвониться до Ленки. У нас вечно с этим проблема — хоть обзвонись, то она не слышит, то телефон выключен. Вот и сегодня уже звонила ей раза три, так хотела поделиться новостью. Но она не отвечала. Ладно, позвоню вечером. Может позвать ее на ужин? Посидим втроём.

Лифт открывает двери на моем этаже. Мы живем в квартире в новой многоэтажке. У мужа свой бизнес, он как-то предложил купить дом, но я отказалась. До моей работы далеко. Надо сегодня предложить ему снова подумать о доме. Открываю тамбур, заносу сумки. Кажется, пора прекращать носить тяжести. Вот сегодня так и пошучу: это последний ужин, когда я носила сумки сама, теперь мне тяжелое носить нельзя. Он, конечно спросит, что случилось, и тут я достану тест. Улыбаюсь, уже представляя, как обрадуется Глеб, и замечаю, что дверь в нашу квартиру приоткрыта. Странно. Я уходила последней и точно помню, что запирала замок. Может он уже лома? Приоткрываю дверь и захожу в квартиру.

Взгляд падает на черные туфли с высокими каблуками и ярко-красной подошвой. Ленка, что ли, у нас? Точно! Ее сумка висит на вешалке. Отлично! Поделюсь сразу с двумя близкими людьми. Ставлю пакет с едой на пол, а сумку с тетрадами — под тумбочку в прихожей. Наверное, надо покричать, что я дома. Или лучше достать тест и сразу войти с ним? То-то они обрадуются. Достаяю его из кармана и иду на кухню.

— Я так рад, что беременна! Я так долго этого ждал! — слышу с кухни голос мужа.

Ой! Мой муж телепат? Откуда он это узнал? Улыбаюсь, готовясь произнести заветные слова.

— И я тоже, милый! Ты не представляешь, как я обрадовалась, когда узнала, что жду ребенка! Иди ко мне, ну?

Вот только эти слова произношу не я, а моя сестра. Моя Ленка.

Глава 2. Марина

В первую секунду я даже не могу понять, что это значит! И тут до меня начинает медленно доходить оглушающий смысл этих слов. Тело наливается свинцовой тяжестью, и кажется, меня парализует от понимания услышанного. Я делаю вдох и воздух застывает в груди. Страшный холод накрывает меня с головы до ног. Я медленно выдыхаю и тело отвечает жаром. Где-то в голове гулко стучит сердце.

Это не я сейчас говорю, своему мужу, что жду ребенка. Это не я сейчас делюсь с ним радостью. Это не я стою с ним на нашей кухне. Это моя сестричка. Моя любимая Ленка. Та, кого я растила с детства, когда мы остались вдвоем. Та, которой я всегда помогала и всегда была за нее горой.

Шуршание одежды. Звук поцелуя. Ватными ногами, шаг за шагом, я вхожу на кухню, чтобы увидеть то, что не хочу видеть, понять то, что не хочу понимать.

Мой Глеб, мой муж, отец моего ребенка целуется с моей сестрой. Она сидит на нашей барной стойке, и ее длинные ноги обхватывают его крепкий зад. Его красивые, мускулистые руки, крепко поддерживают ее спину, и вот одна его рука скользит под юбку моей сестры, и мне видно кружевной край чулка.

Они не видят меня. Они не слышат меня. Зато я вижу *их*. И мне кажется, я хочу умереть в эту секунду, ибо каждой клеточкой тела, я чувствую боль. Словно огромный, острый нож входит мне в сердце и проворачивается там с каждой секундой.

— Зай, — Ленка отлепляется от моего мужа — ну и что, как мы теперь? Когда все скажем нашей клуше? Она же расстроится. Даже жаль ее чутка. Что думаешь?

— Да пошла она! — Глеб утыкается в шею моей сестры — Я сейчас так счастлив! Я так рад!

Он гладит ее бедро и Ленка запрокидывает голову назад.

Я смотрю на них и чувствую, что боль сжимается в точку и превращается в холодную ярость. Интересно, они занимались сексом на нашей кухне? Думаю, да. На барной стойке сидит она так, словно делала это много раз. И так спокойно обнимает его ногами. *Так, словно она уже делала это много раз*. Наконец, Ленка открывает глаза и видит меня.

— Ой! — пищит она и пытается отстраниться от моего мужа.

Глеб оборачивается.

И я делаю выдох.

— Я тоже рада за тебя, милый. И за тебя, сестричка. — Говорю я, стараясь держать себя в руках.

Странная гримаса искажает красивое лицо моего мужа.

— Ты что так рано? — Он смотрит на меня холодными пустыми глазами. Поворачивается ко мне и закрывает Ленку своей спиной.

— А мне кажется, я слишком поздно. — тихо говорю я.

— Конечно поздно! — вспыхивает муж моментально. — Конечно ты поздно спохватилась! Что ты смотришь на меня? Я мужик! У меня есть потребности! Посмотри на себя! Да ты же вечно сидишь там в этой своей школе. Утром встаю — ты в школу. Вечером — ты еще в школе. Да я забыл, как потрахаться нормально! У тебя то полночи тетради, то подготовка к тестам! Да с тобой... Да с тобой даже в ресторан не выйти!

— Да ты меня и не приглашал... Последний раз... — начинаю я.

— Что последний раз? Да ты сорвалась в школу свою, потому что у тебя ученик ногу сломал! Ты только и думаешь, что о других детях. Посмотри на себя!

Мысленно окидываю себя взглядом и понимаю, что выгляжу ничуть не хуже моей сестры. Мы с ней очень похожи, только она младше меня на пять лет и краситься в блондинку.

— Марин, смирись! — Ленка поправляет юбку и спрыгивает с барной стойки. — У нас с Глебом будет ребенок, он так долго этого ждал.

Она становится рядом с моим мужем и обвивает своими руками его крепкую шею.

— Мы с Глебушкой любим друг друга, да котя?

Муж кивает, не спуская с меня взгляда.

— Ну так бывает, Марин! — продолжает Ленка, уже в мою сторону. — Ну не уследила ты за мужиком, а он вон у тебя какой классный! Глеб прав, ты не обижайся. Ну какая из тебя жена бизнесмена? Не в ресторан с тобой не выйти, ни в приличное общество. Глеб говорит, и в постели с тобой скучновато стало. И вообще, жена бизнесмена не должна работать, тем более в какой-то там школе. А ты и выглядишь, как серая мышь и работа у тебя скучная. Скучная работа для скучной тебя.

— Ах ты дрянь, — мой голос начинает наливаться сталью. — После всего того, что я для тебя сделала! Это я попросила Глеба взять тебя на работу к нему, потому что тебя везде выгоняли! Да ты же больше двух месяцев нигде не задерживалась!

— Зато я тут задержусь! — она окидывает взглядом мою кухню. — И не все созданы для работы, как ты! Кто-то должен быть просто красивым и счастливым!

— Счастливым? За чужой счет? — Я смотрю ей прямо в глаза и чувствую, как полыхают мои щеки.

— За какой чужой счет? — вклинивается в разговор мой муж. — Тут все мое. Тут твоего вообще нечего нет.

— Это и моя квартира тоже! Мы покупали ее вместе. — я перевожу взгляд на мужа.

— До брака! Мы покупали ее до брака. И я оформил ее на себя. Неужели ты думаешь что я такой идиот, чтобы это не сделать? А ты, ты даже не удосужилась проверить документы! Ленка права: ты — клуша!

Меня второй раз накрывает ледяная волна. Получается, он предал меня гораздо раньше? Он что, сразу планировал меня предать?

— Убирайся отсюда! — кричит на меня моя собственная сестра. — Ты слышала? Ты вообще не знаешь, что надо нормальному мужику! Ты даже ребенка родить не можешь! Ты пустышка! Надменная дура, которая считает, что она умнее всех!

— Да как смеешь?! Я же тебя с детства растила! Я же для тебя... — кричу я.

— Да ты мне завидовала всю жизнь! Пока ты за книжками своими сидела, я хоть с парнями тусовалась! А ты всю жизнь никому не нужна была! Единственное, в чем тебе повезло в жизни, это с мужем! И того ты сейчас потеряла! Поняла? — истерит моя родная сестра. — У нас будет ребенок! У нас! Слышишь?!

Она визжит на меня и ее красное личико мелькает перед моим лицом. Я смотрю на нее с каким-то диком ужасом. Я вижу ее словно впервые. Эти искаженные злобой глаза. За что она так ненавидит меня? И это мой единственный родной человек на земле? И она за моей спиной спала с моим мужем?! В моем доме, где я всегда была ей так рада! И она сейчас поливает меня грязью?! Я очень хочу остановить ее крик и заносу руку, чтобы дать ей пощечину. Вдруг резкая боль на запястье останавливает меня. Мой муж сильно хватает меня

за руку и притягивает к себе.

— Не стоит поднимать руку на мать моего будущего ребенка!

Он резко отпихивает меня от себя. Я смотрю на него и понимаю, что это больше не мой Глеб. Ленка приглаживает свои волосы.

— Котя, спасибо! Ты меня защитил от этой ненормальной в нашем доме.

В нашем доме? Прекрасно! Ну что ж, раз это ваш дом, то ты должна быть в курсе, что у меня стоит вот тут на плите в кастрюле с длинной ручкой.

Скоро каникулы. И мы с ребятами решили делать карнавал в честь окончания года. А что надо для карнавала — конечно же маски. И делали мы их сами. Из папье-маше. Я сварила две кастрюли клейстера. Одна нам пригодилась на уроке. А вторая сейчас стоит на плите.

— Ваш дом? — переспрашиваю я сестру, — а что у тебя тут? В *твоем* доме?

— Откуда я знаю?! — визжит сестра.

Я даже не подозревала, что она такая истеричка.

— Смотри! — говорю я и беру ковш холодного клейстера и резко выливаю на нее.

Глеб отпрыгивает в сторону, и вся клейкая масса летит на волосы, лицо, шею моей сестры. Там крахмал. Он не ядовит. Отмоется.

А мне кажется, никогда не отмыться от той гадости, что я увидела сейчас.

И я выбегаю из квартиры.

Глава 3. Марина

Я выбегаю из квартиры, но бегу не в лифт, а наверх к техническому этажу.

Прижимаюсь спиной к стене и зажимаю руками рот, чтобы не начать кричать от скопившейся боли. Понимаю, что это было правильное решение.

Слышу, как распахивается дверь тамбура и оттуда несется моя сестра.

— Котя! Котя, вези меня в больницу срочно! — верещит Ленка. — Я не знаю, что это! Что со мной, котя?

— Милая успокойся, — бормочет Глеб и я слышу звук лифта.

— А вдруг это навсегда останется на моем лице? А вдруг я останусь без волос? Ты будешь меня любить, котя?

Лифт открывается. Окончание фразы я не слышу.

«Да, Лена, мозгов у тебя точно нет, надо просто умыться...» — думаю я. И сразу одергиваю себя. Это не у Лены нет мозгов, а у меня, ведь даже сейчас я думаю о других, а не о себе.

Я медленно сползаю по стене, и утыкаюсь лицом в колени.

Глеб, мой Глеб...

Мы познакомились в институте на третьем курсе. У нас намечался новогодний бал в костюмах, но беда всех педагогических институтов — отсутствие парней, вот кто-то знакомый из деканата и попросил его к нам заскочить, потанцевать. Он к тому времени уже закончил что-то экономический вуз и работал в фирме отца.

Я была в костюме Золушки, который сделала из свадебного платья мамы, а он был в плаще и представился Суперменом.

Мы танцевали с ним весь вечер, потом он пошел провожать меня домой. Падали снежинки, в парке светили фонари, и я впервые поцеловалась.

Он был моим Супергероем — парень из другой жизни. Красивый, успешный — девчонки на курсе тогда шутили, что мне и правда повезло, как Золушке, встретить своего принца.

Летом на мой день рождения, он сделал мне сюрприз. Мы полетели в Турцию, и я оказалась с ним наедине в шикарном номере, украшенном свечами, с бутылкой шампанского, а вся кровать была усыпана лепестками ярких цветов. Я даже представить себе не могла, что такое бывает не в кино, а в жизни. Он протянул мне бокал. Мы зажгли свечи и это было так красиво, как в самых романтических фильмах, мы целовались и кружились по комнате и в какой-то момент упали на кровать... И тот рассвет, я встретила со своим первым мужчиной, с моим Глебом.

Поле нашей свадьбы родители Глеба решили, что им надоел прохладный воздух нашего города и они переехали к морю, оставив фирму ему.

Ту самую фирму, в которую я просила его взять мою сестру. Глеб еще хвалил Ленку все это время, говорил, что с работой она превосходно справляется, хоть и без образования.

Ну да, для такой работы образование и не надо. Ну сестричка! Спасибо тебе...

Хватит сидеть! Я вытираю слезы встаю. Надо уходить отсюда. Надо идти. Но куда? К кому? Все это время Ленка и Глеб были для меня самыми близкими людьми. И в одну минуту я семьи, сестры и дома.

Я доверяла своему мужу. Я действительно отдала ему деньги на покупку квартиры. Я и

подумать не могла, что он может обмануть меня. Зачем? Он хорошо зарабатывает. Я уверена, что он и без моих денег смог бы купить квартиру. Какая же я была дура. И что теперь?

Для начала я хочу уйти из этого дома. Я спускаюсь вниз, на свой этаж. Быстро вызываю лифт, не хочу встречаться сейчас с соседями. Надо проскочить мимо консьержки на свежий воздух. Выхожу из лифта, делаю пару шагов.

— Марина Игоревна, у вас дома все в порядке? — консьержка высовывается из своего окна. — Ваш муж с вашей сестрой выбежали минут пять назад, она так кричала. Стряслось что?

Наша консьержка и по совместительству, бабушка одной из моих учениц, замечательная женщина, что же мне ей сказать.

— Она... — придумываю на ходу, — помыла голову не тем шампунем. Испугалась за прическу.

— А с вами-то все в порядке? На вас лица нет. Устали так сегодня, с нашими шалопаями, да?

— Да. Все хорошо. — силось улыбнуться. Не буду же я ей все рассказывать. Мерзко таким делиться. Закусываю губу, чтобы не расплакаться. Скорее бы на свежий воздух. Там можно плакать.

— Аааа... Ну ладно. — протягивает консьержка мне в спину.

Выхожу на улицу.

Ну вот и все. Можно свернуть за угол дома и дать волю слезам, но плакать уже нет сил. Медленно бреду по улицам. Понимаю, что в голове нет ни одной мысли. Только чувство боли, распирающее изнутри. Что дальше? Как мне жить? Что мне делать? Я не знаю...

Иду какими-то улочками, куда-то сворачиваю. Мимо проходят люди, катятся велосипедисты, бегают дети. Мир продолжает существовать, у людей все хорошо, это только моя жизнь кончена. Обхватываю себя руками, кажется меня колотит дрожь.

Вдруг из сонного состояния меня вырывает резкий звук. Я знаю, что это за звук, но не сразу понимаю, откуда он. И через секунду до сознания доходит, что это был звук торможения колес электросамоката. Громкий визг. Чей-то крик. Удар!

«Мой ребенок!» — думаю я и оказываюсь на асфальте.

Глава 4. Марина

Ко мне со всех сторон подбегают какие-то люди, слышу голоса, мне протягивают салфетки, воду.

— Девушка! Все в порядке? — кто-то прикасается ко мне.

— Раскатались идиоты!

— Ездить научился, а тормозить нет?!

— Извините, пожалуйста — говорит какой-то парень, — я просто вас не заметил!

— Не заметил он! — орет женщина, и, кажется замахивается на него своей сумкой.

Снова голоса и крики. Осматриваю себя. Упала на попу, ободрала ладони, и кажется подвернула ногу, сломав каблук. Машинально тяну руку к животу. Прислушиваюсь к ощущениям. Все в порядке. Просто знаю, что все хорошо. Успокаиваюсь и пытаюсь подняться.

— Встать можете? — обращается ко мне моя защитница с сумкой. — Может скорую вызвать?

Медленно встаю, держась за ее руку. Благодарю и оказываюсь от скорой.

— Марина Игоревна?

Отчетливо слышу свое имя среди голосов толпы. Оборачиваюсь. На проезжей части у зебры стоит большая черная машина. Ее водитель окликает меня. Первый раз его вижу.

— Марина Игоревна! — водитель говорит уже уверенней. Включает аварийку и бежит ко мне на тротуар.

Толпа расступается и пропускает его ко мне. Высокий темноволосый мужчина, лет тридцати-семи. От него идет ощущение спокойствия и уверенности. Наверное, кто-то из родителей учеников, увидел меня и решил прийти на помощь.

— Как же вы так? — протягивает ко мне сильную руку. — Идти можете?

— Да, наверное... не знаю... — Делаю шаг и чувствую резкую боль. Почти теряю равновесие и падаю ему на грудь. Он подхватывает меня и наши взгляды встречаются. Какие у него глубокие темные глаза. Его теплые ладони держат меня за плечи.

— Давайте вот так! — говорит мужчина и легко берет меня на руки. — Разойдитесь, пожалуйста! Все в порядке.

Он берет меня на руки, и я прижимаюсь к его широкой груди.

Когда-то и Глеб носил меня на руках, вспоминаю я. Но это уже было так давно. В той, другой жизни.

И в ту же секунду, меня пронзает острая, как игла мысль, все — эта дверь закрыта. Простить предательство, я не готова.

Я кладу руку на плечо моего спасителя и прижимаюсь к нему. Мне становится неловко, что я создала столько проблем постороннему человеку, но я очень благодарна ему сейчас.

Толпа расходится, и он быстро, буквально в три шага, доносит меня до машины. Аккуратно ставит на землю и открывает дверь. Я сажусь.

— Что случилось? — в его голосе столько тревоги.

— Самокатчик. Сама виновата, — я оправдываюсь, — шла в своих мыслях, задумалась и не заметила. Вот ногу подвернула.

— Может в травму? Вдруг перелом?

— Нет, — осторожно шевелю пальцами на ноге, — просто потянула связки. И каблук

сломала. Туфли на выброс.

— Позвольте!

Он аккуратно приподнимает мою левую ногу и ощупывает лодыжку.

«Какие у него сильные и красивые пальцы» — вдруг думаю я и резко обрываю ход своих мыслей.

Он снимает мою туфельку, и осматривает стопу, нежно проминая мне ногу. Странная дрожь вдруг пробегает по моему телу, я понимаю, что начинаю краснеть. Он держит мою ногу на уровне своего паха и пальцы моей стопы почти касаются ремня его брюк. Он поднимает на меня взгляд и, кажется, замечает мой румянец.

— Вы правы, растяжение есть, перелома вроде нет.

Он опускает мою ногу.

— Поехали! — говорит он бодро и идет на водительское место.

— Куда? — спрашиваю я, когда он садиться рядом.

— Ну, во-первых, вы куда-то же шли, когда вас сбили? Я могу вас довезти. А во-вторых... — Он смотрит мне на ноги. — Вам ведь нужны новые туфли! Не могу же я позволить, чтобы любимая учительница моего сына ходила по вечернему городу в одной туфле. Это только в сказках так удобно убегать.

А он улыбается. И я позволяю себе взглянуть в его лицо: темные волосы, яркие глаза, красиво очерченный рот, широкие плечи... Дорогой синий костюм. Кто же это? Перевожу взгляд на пальцы — чего-то не хватает. Кольца!

— Простите, а вы папа...

Делаю паузу и предлагаю ему представиться самому.

— Я — папа Васи Артемьева.

О, боже, это он...

Глава 5. Марина

— Вы?! — с изумлением говорю я и мне тут же делается неловко за мой возглас. Видимо это отражается у меня на лице, потому что мужчина начинает смеяться.

— Да, я! Алексей! — он смотрит на меня смеющимися глазами. — Алексей Васильевич! Я на самом деле понимаю ваше удивление. Мое единственное появление в школе было поистине... Провальным, да?

Он так искренне улыбается мне, что я невольно улыбаюсь в ответ, вспоминая эту историю.

Вася Артемьев очень, как бы это помягче сказать, интересный ребенок. С ним никогда не бывает скучно. Все три года на собрания и праздники ходила только бабушка Васи. Я только знала, что отец у него рабочий, а в графе «мать», в личном деле, был пропуск. Этой осенью у нас был школьный праздник, на который первый раз пришел его отец. И, наверное, со времен строительства нашей школы, в ней никто не появлялся в таком грязном рабочем комбинезоне. Отец Васи запачкал весь коридор от входной двери до моего кабинета, наша техничка мне это припоминала, почти две четверти. И вновь собрания и концерты посещала только его бабушка.

— Я строитель. — улыбается Алексей. — Ну вернее, руковожу строительной фирмой. Работаю много, допоздна. Васька с бабушкой живет. Она говорит, что так лучше. Да я и не спорю уже. А тут этот праздник осенью. Ну мать и разозлилась, что она ходит, а я нет, мол до сына дела нет. И Васька туда же, папа приди, ты обещал. А у меня такой аврал был в тот день! Комиссия приехала на объект, а подрядчик бетон не везет, у жены прораба еще и роды начались, представляете? Ну я его отпустил конечно и пришлось самому на стройку двигать, а там грязи по колено. Не в костюме же ехать, по грязи бегать! Схватил рабочее. Приезжаю, аврал! Подрядчик задерживает машины. Комиссия бесится. Все нервничают. Мать звонит. Васька ревет. Я опаздываю. Пришлось ехать в чем был! Даже два штрафа словил, чтобы успеть. — Смотрит на меня и делается серьезным. — Вы не подумаете, я очень аккуратно вожу. Просто сыну обещал.

Я искренне смеюсь над его историей.

— Что, навел я шороху в вашей чистой школе? Мать говорит, техничка ей до сих пор припоминает.

— И мне. Немного. — уклончиво отвечаю я.

— За Ваську спасибо вам. Сейчас к ним заезжал. Он доволен, как кот! Говорит вы ему четыре по русскому поставили. Вы если что с ним поостроже! Не натягивайте ему оценки!

— Это он сам молодец! — начинаю защищать ученика. — Он вообще у вас очень сообразительный! И хороший. Торопиться только много, это да. Сначала сделает, а потом только думает.

— Это да. Весь в меня! Я вот тоже с поставщиком бетона поторопился, а он мне в тот день чуть контракт не сорвал. — Смотрит на меня задумчиво Алексей. — Потом я узнал, что у вашего мужа бетонный завод, «Бест Вест» — ну, думаю это же знак просто! Если моего сына учит такая замечательная девушка, а у ее мужа бетонный завод, а мне нужен бетон... Ну вы понимаете, да?

Сбивается он и снова смотрит не меня. Наверное, я меняюсь в лице при упоминании мужа.

— Все в порядке? Нога? — спрашивает Алексей Васильевич и тут же становится серьезным.

— Нет, все хорошо. — успокаиваю я.

— Вот, о чем я... Ах, да! Заключили мы контракт с вашим мужем перед новым годом. Кстати, Марина Игоревна, что же вы так? Совсем никакие корпоративы не посещаете, да?

— Что простите? — не понимаю я.

— Ну как же, мы в честь заключения сделки корпоратив делали, фуршет, все дела — Глеб говорит вы заняты. На Новый год двумя фирмами собирались — опять вас не было. В феврале на спортбазу поехали на лыжах покататься, в сауне полежать — опять без вас.

Сжимаю пальцы. Ах вот значит, как... С сентября Ленка в фирме у мужа, и у них видимо началась интересная жизнь, о которой мне нечего не известно. Для меня мой муж все время был на работе, а на самом деле у него было очень много ярких событий в это время. Без меня. Интересно на лыжах он катался тоже с Ленкой? Сауна, фуршеты... Хорошо ты устроилась Лена!

— В марте, — продолжает Алексей, — даже на балет руководством ходили в честь праздника. Глеб говорит вы опять в школе заняты. Ну вы бы выбрались хоть разочек, а?

Чувствую, как бросает в жар. Интересно, он ездил с ней прямо за моей спиной? Да или нет? К горлу подступает ком.

И словно прочитав мои мысли Алексей продолжает:

— Выбирайтесь! Скоро лето, школы не будет! Отдохнете. А то Глеб вечно со своей секретаршей приходит. Как ее... забыл...

— Лена, — говорю я и понимаю, что не могу больше сдерживать слезы.

— Ага, точно! Леночка! Глеб ее хвалит, говорит, что она все успевает...

— Леночка, — перебиваю я, — успевает очень многое. Вы знаете, я много узнала о ней сегодня. Вы правы, она действительно все успевает. Она успевает быть и секретарша моего мужа. И ждать ребенка, тоже от моего мужа.

Машину резко качнуло вправо.

— Вот такая у меня талантливая младшая сестра!

— Что?! — Алексей смотрит на меня в изумлении широко раскрыв глаза.

— Там человек! — кричу я, показывая на темное пятно перед капотом на дороге, — человек!

Машину еще раз резко качает вправо. Но я не вижу, что происходит дальше. Я падаю в темноту.

Глава 6. Алексей

Резко давлю на тормоз и сворачиваю к обочине. Действительно, впереди на дороге темная тень. Человек? Выглядываю из окна. Уличная собака мечется перед машиной.

— Пошла! — Отгоняю собаку, махнув рукой из окна и поворачиваюсь к Марине.

Она лежит на пассажирском сиденье, ее голова откинута назад, руки безвольно свесились.

— Марина! — трогаю ее за плечо. — Марина Игоревна!

Касаюсь пальцами ямки под ее маленьким ушком — пульс есть. Видимо обморок. Так, сейчас. Беру телефон, листаю записную книжку. Ага, вот. Нажимаю на вызов и пока слушаю гудки, пытаюсь решить, как лучше поступить.

— Алло?

— Борис Маркович, вечер добрый! Арсеньев.

— Да, Алексей Васильевич, слушаю вас. Что стряслось? Василий опять что-то учудил или матушка ваша приболела? — по-деловому спрашивает наш семейный врач.

— Да нет, тут... Учительница Васи. Я ее вез, тут собака выскочила перед машиной, и сейчас она в обмороке.

— Эм... Алексей Васильевич, я же семейный врач, а не ветеринар, — медленно тянет доктор, — впрочем есть у меня коллега и по живности, сейчас найду его номерок...

— Да нет же! — начинаю злиться на свою сбивчивость. — Марина, учительница Васи, она в обмороке. — Смотрю на Марину. — В себя не приходит.

— Так, понятно — голос в трубке становится собранным. — Еще какие-то симптомы есть?

— Она ногу еще подвернула сегодня, самокатчик сбил.

— Ну от растяжения в обморок не падают, хотя испуг может накопиться. Еще потрясения были?

— Были. Она сегодня узнала об измене мужа. — Опуская подробности говорю я.

— Так-с, картина выясняется. Обморок и последующий сон, как реакция на сильный стресс. Сознание выключилось, и так сказать, ушло на перезагрузку.

— Куда нам? В больницу?

— Если внешних повреждений нет, то в больницу не обязательно. Где могу ее осмотреть? Куда подъехать? — по-деловому уточняет врач.

Куда... Кажется, Марине идти было некуда. Во всяком случае адреса подруги и родственников она не называла. Значит ко мне.

— Подъезжайте к нам в посёлок. Охрана вас знает, а Степана я предупрежу, он вам ворота откроет. — Смотрю путь на навигаторе. — Мы там будем через двадцать минут. Если она в себя придет, вы ей щиколотку осмотрите, ну а если еще не очнется — то на месте решим. Скорая туда быстро доедет, если что.

— Не переживайте, Алексей Васильевич, я думаю это обморок. У впечатлительных девушек это бывает. А тут столько событий за день. Выезжаю к вам. Скоро буду.

Заканчиваю разговор и смотрю на Марину. Она дышит ровно, похоже спит. Аккуратно давлю на газ.

Да уж! Даже не думал, что этот вечер будет настолько полон разными событиями. А хотел только к матери заехать, Ваську проведать.

Охрана поднимает шлагбаум для въезда в наш поселок едва завидев мою машину.

Еду по территории нашего закрытого поселка, впереди уже виднеется высокий каменный забор и железные ворота. Обычно паркуюсь у ворот, но сейчас подъезжаю по плиточной дорожке прямо к крыльцу. Степан быстрым шагом идет от сторожки ко мне. Из дверей выходит встревоженная Людмила, моя домработница и жена Степана.

— Людмила, гостевая на первом в хорошем состоянии?

— Обижаете, Алексей Васильевич. Как всегда, в доме все приготовлено. Хоть на первом, хоть на втором, хоть на третьем. Там правда душновато, но могу окна открыть.

— Не надо. Нам на первом подойдет.

Открываю дверь машины со стороны пассажирки и понимаю, что мне надо отсоединить ее ремень безопасности. Невольно скольжу рукой по Марининым коленям и касаюсь ее бедра. Поднимаю глаза и понимаю, что губы девушки в сантиметре от моих.

В голове ментально проносятся много ярких картинок, которые тут не к месту. Останавливаю поток мыслей и аккуратно поднимаю Марину. Второй раз за сегодня. Но сейчас она ослабленно лежит у меня на руках. Людмила суетится и что-то причитает. Степан открывает входную дверь.

Переступаю порог дома, прижимаю Марину к себе. Мой пульс убыстряется. Уже второй раз за один день, она так близко ко мне. Вдыхаю запах ее волос. Смотрю на тонкую пульсирующую вену на шее.

Эти полгода я так часто думал о ней, потом заставлял себя не думать, и вот сейчас она в моих руках. А прямом смысле. Лишь бы с ней все было хорошо!

Людмила оббегает меня и открывает дверь в гостевую спальню. Кладу Марину на кровать.

— Там Борис Маркович приехал. — слышу голос Степана. — Руки моет и идет.

Отлично. Людмила вздыхает рядом. Не спрашивает. Знает, что надо потерпеть, и сам все расскажу.

— Ну что ж, — врач заходит в комнату бодрым шагом. — Это больная? Людмила включите верхний свет и всех посторонних попрошу на выход.

Степан с Людмилой выходят. Я задерживаюсь в дверях. Марина выглядит такой хрупкой, такой беззащитной на огромной гостевой кровати в свете люстры. Вдруг отчетливо понимаю, что не хочу оставлять ее одну.

— И вы тоже, Алексей Васильевич! — продолжает врач.

— Возможно, мне лучше остаться, — неуверенно говорю я.

Борис Маркович секунду смотрит на меня и поднимает бровь:

— Вы уверены, что хотите присутствовать при осмотре посторонней женщины?

Глава 7. Алексей

— Может чайку? — хлопочет Людмила, когда я выхожу из гостевой спальни и закрываю за собой дверь. — Или что по крепче?

— Чай. — говорю я и иду за ней в столовую. — Вдруг сейчас снова за руль и в больницу.

Людмила шумит баночками и достает три чашками. Степан присаживается рядом. Да, они мои работники, но не слуги.

— Так что же случилось? — не выдерживает мой сторож. Он же садовник и мой главный мужской помощник по дому и хозяйству.

— Это Марина Игоревна. — начинаю я, — учительница Васи.

— О, та самая? — восклицает Людмила.

— В смысле? — спрашиваю я и отчего-то тушуюсь.

— Так Васятка же часто говорит о ней. Марина то, Марина это, наша Марина. Она же у него началку ведет, да?

— Да... — Ловлю на себе заинтересованный взгляд Людмилы. — Да, это она. Ее сегодня в парке сбил самокатчик. Она упала, подвернула ногу. Я от своих ехал, смотрю толпа на тротуаре, и все кричат. Пригляделся — там Марина Игоревна. Решил подвести ее и нам собака какая-то под колеса бросилась. Вот она сознание и потеряла.

Людмила вздыхает и качает головой. Слышу шаги в коридоре и к нам в столовую заходит врач. Людмила тут же достает ему чашку. Мы молча смотрим на него.

— Все в порядке. У пациентки действительно был обморок, сейчас он перешел в глубокий сон. Это бывает. — Он делает глоток и продолжает, — перелома нет. Только растяжение. Ногу я ей перебинтовал. Пусть спит, я думаю сон продлится до утра, или даже до середины завтрашнего дня. Как проснется — строго постельный режим. Хотя бы на пару дней. Ну, как раз впереди праздники, есть время отлежаться и постараться ногу не тревожить. Если отек спадать не будет — тогда на рентген, на всякий случай. Но, на первый взгляд, все в порядке. Так что через два-три дня, будет ваша учительница бегать, как и прежде. И если какие-то вопросы будут — сразу звоните.

— Спасибо, Борис Маркович! — благодарю врача. — Я вас провожу.

— Нет, нет! Отдыхайте. У вас тоже был стресс. Я бы вам даже рекомендовал чего-нибудь покрепче чая, в разумных дозах, конечно, и отдыхать! Доброй ночи!

— Я провожу — поднимается Степан за врачом, — и заодно ворота закрою.

— Спасибо, — я тоже встаю и иду в коридор.

— Алексей Васильевич, ужин готовить? — спрашивает Людмила. — Что хотите?

— Нечего. Я не голоден. Если что, я у себя в кабинете.

Направляюсь в кабинет на первом этаже, но решаю свернуть в гостевую спальню, посмотреть, как Марина. Тихо приоткрываю дверь и захожу в комнату.

В углу тускло горит ночник. Маринины вещи сложены в кресле: юбка и пиджак, блузку врач предусмотрительно с нее снимать не стал. Только расстегнул ворот пошире.

Она лежит на высокой подушке, прикрытая одеялом. Я слышу ее ровное дыхание и медленно подхожу к кровати. Ловлю себя на мысли, что снова хочу прикоснуться к ней. Взять ее ладонь в свою руку, погладить тонкие пальцы. Останавливаю себя. Она может очнуться, лучше пусть спит. Марина шевелится во сне, и я отстраняюсь. Мой взгляд падает

на ворот блузки, который так заманчиво приоткрыл ее грудь. Нежная белая кожа словно светиться в темноте.

Дверь тихо открывается, и я делаю резкий шаг назад. На пороге стоит Людмила с подносом.

— Водички принесла. — шепчет она. — Вдруг ночью очнется. Да вы идите, ложитесь. Я посижу, посижу рядом. Мне не сложно. Если проснется, расскажу где она. Или вас позову.

— Да, — соглашаюсь я, — если она проснется, будите меня. В любое время.

Иду к дверям и останавливаюсь.

— Людмила, посмотрите ей что-нибудь из вещей, вдруг она захочет переодеться, когда очнется.

Людмила кивает и вежливо, но настойчиво выпроваживает меня из спальни.

Захожу в кабинет, открываю бар, беру стакан. Так, что там доктор прописал? Наливаю себе виски на два пальца и сажусь в кресло перед камином. Делаю глоток, терпкий вкус расплывается по горлу и опускается в желудок.

Почти полгода эта женщина не выходила у меня из головы. А сейчас она спит в моем доме, на моей... ну ладно пусть не на моей, кровати, но все равно в двух шагах от меня.

Интересно, то что она сказала в машине, это правда? Неужели Глеб может поступить с ней так? Я мало его знаю, но и на истеричку она не похожа. Если это правда, то...

То, что? Воспользоваться ситуацией? Войти в спальню, разбудить ее и сказать, что потерял из-за нее покой? Сын прожужжал все уши, о том какая она замечательная. И с тех пор, как увидел ее в школе, чувствую себя полным идиотом. Идиотом, потому что влюбился в замужнюю женщину с первого взгляда, как школьник!

Тру глаза. Да я даже влез в сделку с ее мужем, в надежде лишний раз встретиться с ней. На моей территории.

И вот она — под моей крышей.

Опрокидываю в себя виски.

Как говорилось в одном фильме «Я подумаю об этом завтра», там правда женщина говорила это, но какая разница. Думать надо на свежую голову, а еще лучше не одному.

Нужно Ромке позвонить, он у нас лучше разбирается в женской психологии. Достаяю телефон, листаю контакты и машинально замечаю часы на экране.

Пятница, глубокий вечер, он наверняка в баре, клеит очередную «девчулю» на выходные.

Я давно уже перестал вникать в их имена: Маши, Оли, Юли, Лены...

Хм... Лена... Что-то есть знакомое в этом имени. Я точно слышал это от него недавно.

Еще раз смотрю на часы и палец зависает над кнопкой вызова.

Глава 8. Глеб

Я возвращаюсь домой около двух часов ночи. Сажу в машине и не поднимаюсь к себе. Отдыхаю от этого вечера и собираюсь мыслями перед встречей с женой.

Вначале думал остаться у Ленки, но в конце вечера, понял, что устал от нее и хочу отдохнуть. Леночка конкретно задолбала.

Сначала она орала, как полоумная, всю дорогу по пути в травматологию, что если останется уродкой, то лучше ей умереть. Потом устроила скандал, потому что, врач не смог принять ее без очереди.

Ее визгливое: «Котя, они все дураки!» до сих пор звенит в голове.

Повез ее в платную клинику.

Закуриваю. Выпускаю струю дыма в открытое окно. Кажется, девочки на стойке регистрации ржали нам в спину, когда мы с Ленкой пошли в кабинет к хирургу.

Стряхиваю пепел на асфальт. Делаю затяжку. И глаза хирурга, который вообще не понимал, что от него хочет визжащая Ленка, я не скоро забуду. Правда она и на этого врача наорала, когда он сказал, что все с ней в порядке и просто надо умыться.

Умыться, мать твою! У нее на это даже мозгов не хватило! И я тоже дурак, повелся. Хотя крику было, словно с нее и правда кожа пластами отходит.

Интересно, она и раньше столько верещала, а я просто не замечал или сегодня день такой?

Потом был какой-то салон, проторчали часа на три. А на счет за новую прическу можно было с мужиками в баре посидеть на эти деньги. Причем большой компанией.

Поехали к ней домой, и она снова начала что-то говорить про сестру, хотя я уже не слушал. Не мог. Скинул ее в съёмную хату, сказал, что надо дома собрать вещи жены, чтобы Ленка въехала и свалил.

Я смотрю на часы. Почти пол третьего. Весь день без обеда, без ужина. Жрать охота. Голова раскалывается. Сейчас еще Маринка наверняка дома плакать будет. Выбрасываю окурки в окно.

Зачем я в это все ввязался!

Нет, ну то есть, понятно конечно, почему, но я же не думал, что это будет такой вынос мозга.

Ленка конечно огнище! Эти грудки навькат, эта попа в мини-юбках, эти длинные ноги на огромной шпильке. Девка — праздник! Готовая всегда везде на все. Чего только стоит ее выходка во время совещания! Замы подразделений завода мне в кабинете доклады делают, и Ленка мне приятно делает, но под столом. И главное, грамотно так все делала — почти час меня держала в напряжении, и только когда все свалили, наше с ней совещание тоже завершилось.

Маринка, конечно, бревно после Ленки.

Нет, с Маринкой тоже не плохо, к тому же я у нее был первый. Всякие чулочки, бельишко Маринка тоже носила, но такой безбашенности, как у сестры за ней никогда не водилась.

Ленка на меня еще раньше заглядывалась. Она всегда мне говорила, что я мужик видный, сеструхе повезло, вот бы и ей *такого*. Потом начала к нам домой в таких нарядах приходить последнее время, что я наедине с Маринкой часто ее вспоминал.

Ну а как ко мне в фирму прошла, вообще расцвела! На нее пол завода нашего смотрит и в разных видах представляет! А может и весь завод. А она моя! И в разных видах ее только я!

На корпоратив не стыдно вывести. Когда контракт с Артемьевым подписывали, его зам чуть дырку глазами в ней просверлил. Наверняка тоже думал о ней потом... пару раз. Да и Артемьев небось сам запал на Ленку. То на корпоратив мне пригласительный скинет, то в балет какой-то дурацкий. На черта ему сдался этот балет! На Ленку наверняка посмотреть хочет.

Один минус — Леночка тупая как пробка. Нет, это даже хорошо, что дура. Любовница и должна быть душой. Зачем умная любовница нужна? Жена должна быть умной, а для любовницы мозги — это вещь вредная.

Хотя без мозгов вот что вышло! Ребенок! Это конечно засада. Вроде же на таблетках сидела все это время. Пришла сегодня, ресницами своими хлопает, бэбик говорит будет! Ты же так хотел, так хотел!

Ну нет нее же!

Отец с матерью всю плешь проели, когда дети, когда дети. У этих уже внуки, у тех уже двое. А вы что, как? Что твое здоровье, что Мариночка, может вам в отпуск съездить? Кому наше дело оставишь? У отца есть загон, что бизнес по наследству передавать надо.

А тут уже три года женаты и никаких наследников.

Ну и что мне теперь делать? Разводиться? Жить с Ленкой? Но как с ней жить?

Одно дело по спортбазам по углам ныкаться, а другое рубашки гладить и еду готовить. Готовить она не умеет. Один раз у нее поел, врал Маринке, что в рестике траванулся.

С ребенком она сидеть не будет. Сразу заявила, что хочет няню. Надо думать, что делать дальше. Не так я себе это все представлял.

Маринка она... удобная что ли. Еда есть, уборка есть, опять же поговорить с ней можно. Совет какой даст, выслушает.

Зачем я так сегодня вспылел? Растерялся, как дурак, когда Ленка про ребенка сказала. Даже подумать нечего не успел, как Маринка вошла. Ленка тут еще на столе с ногами вокруг моей задницы. А лучшая защита — это нападение. Что мне еще надо было сказать?

Черт, черт, черт! Стучу по рулю, что есть силы!

Ну почему нельзя, чтобы все осталось как раньше?

Вечером жена, днем Ленка. Дома скажу, что устал, так Маринка еще и массаж мне сделает, пожалеет, что на работе устаю. Ужин приготовит!

Ребенок этот!

Лучше бы от Маринки. Вот если бы жена родила пораньше, я бы и на Ленку не посмотрел. Наверное. Не знаю. Маринка бы и растила, и стирала, готовила. А Ленка оставалась бы на работе, после совещаний пар выпустить. Идеально!

Захожу в подъезд.

Главное, чтобы еще Маринка мне сейчас мозги не делала. Хотя наверняка, она уже спит. Или делает вид, что спит. Вообще по фиг. Завтра с ней поговорю.

Открываю дверь. В квартире темно и пусто.

Не понял... Где Маринка?

Иду на кухню. Кастрюля валяется на полу. Значит жена не возвращалась. В гостиной пусто, иду в спальню — пусто.

Беру телефон. Ни одного пропущенного.

Это что за фокусы? У кого может быть моя жена? У нее нет друзей в нашем городе. У

нее вообще никого нет, только я и сестра. Не у Ленки же она сейчас. Набираю номер жены. Гудки, трубку никто не берет.

Обвожу взглядом комнату. Маринка эти шторы так долго выбирала, чтобы мне свет в глаза по утрам не бил. Вазу эту синюю, из Чехии тащили через границу. У нее всегда был отменный вкус. Ваза тут и правда хорошо смотрится.

Так, где может быть моя жена? Может у кого из родителей учеников ночует... Хотя нет, вряд ли... она же гордая. Ни за что не расскажет, что муж сеструху на ее глазах лапал.

Вспоминаю всю эту сцену и содрогаюсь от отвращения. Странно, до этого момента меня вообще это не беспокоило: хоть на нашей кухне, хоть в ванне, хоть в спальне. А сейчас вспоминаю и мерзко. Ленку что ли с другой стороны увидел, не знаю...

Гадостей Маринке наговорил... Где, мать ее, Маринку, носит? Набираю номер еще раз. Не берет! Тишина.

У кого она могла остаться ночевать? В гостинице? Иду в кабинет, открываю ящик с документами. Ее паспорт на месте. Значит не гостиница!

Больница? Морг? Менты? Куда звонить то?!

Где черт возьми, моя жена! Она должна быть тут! Дома и рядом со мной!

А что если у нее кто-то есть? А что если она сейчас *не одна*?

Глава 9. Марина

Я медленно открываю глаза и вижу перед собой незнакомый потолок. Где я?

Приподнимаюсь на кровати и понимаю, что лежу в большой просторной комнате, укрытая одеялом. Моя нога плотно забинтована и из одежды на мне только блузка и белье. Провожу взглядом по комнате и нахожу свою юбку на спинке кресла в котором, свернувшись под пледом, спит женщина среднего возраста. Кто она?

Пытаю восстановить события вчерашнего дня. Так, что я помню: омерзительную сцену на кухне, парк, самокатчика, потом я села в машину к Алексею и...

Мы кажется вчера сбили человека! А я, видимо, потеряла сознание.

Однажды в детстве, я уже падала в обморок и спала почти сутки. После смерти мамы. Вероятно, и сейчас со мной случилось что-то подобное. Последний человек, который был со мной — Алексей Васильевич, значит, я или у него дома или у его знакомых. Это точно не в больница.

Сажусь на кровати, стараюсь сделать как можно меньше шума. Надо выйти и осмотреться. Хотя куда же я пойду в одной блузке?

Вдруг замечаю пижаму, халат и тапочки аккуратно сложенные в углу кровати. Уже что-то! Переодеваюсь, стараясь не шуметь, и иду к балконной двери, с противоположной стороны комнаты.

Оказывается, это дверь с выходом на террасу. Капли росы лежат на траве, значит сейчас раннее утро. На улице никого нет. Я медленно бреду в своих мыслях по гравийной дорожке, огибающей дом, вглубь сада.

Итак, я провела ночь на первом этаже большого трехэтажного каменного особняка. Что ж, надо найти его хозяина или вернуться и разбудить женщину. Думаю, она расскажет, как я тут оказалась, где мои остальные вещи и телефон.

Телефон! Там наверняка куча пропущенных звонков от мужа. Хотя... почему я так уверена, что он звонил? Может он не пришел ночевать и остался у Ленки. Им теперь много чего надо обсудить вдвоем.

Да и мне надо понять, что делать дальше... Скоро конец учебного года. Нужно как-то доработать и что-то решать.

Когда мы с Глебом решили пожениться, его родители предложили подарить нам квартиру, но мне не хотелось быть нахлебницей. Поэтому мы с сестрой продали нашу двушку. Купили ей квартиру поменьше, а я свою часть денег вложила в наше совместное жильё с будущим мужем. Я всегда знала, что мой муж из богатой семье, зачем ему мои крохи, если он глава завода?

Перед самой поездкой в ЗАГС ко мне приехал его отец и попросил подписать какое-то документы. Я сразу согласилась. Дура! Теперь я даже не знаю, что это были за документы! Я даже не посмотрела, что подписываю! Что тогда сказал мой будущий свёкр? Что это моя защита в будущем? Моя или *его*? Я не помню!

Как я могла быть такой доверчивой!

Прожить вдвоем с ребенком на зарплату учительницы начальных классов и еще снимать жильё — это нереально. Да и как я смогу работать и быть с малышом? Значит, я остаюсь без работы. Тогда на что снимать квартиру? Куда нам идти? У меня же никого больше нет! Никакой помощи!

Ком боли и обиды, который сжимал мои легкие вдруг прорывается, и я слышу свой собственный сдавленный всхлип. Я стою в арке из деревьев, посреди сада и рыдаю. Мне страшно! Я не знаю, как жить! Я не хочу больше жить! Как можно жить в мире, где самые близкие люди могут за твоей спиной делать такие гадости? Как можно привести малыша в такой жестокий мир? Что я ему дам?

Я размазываю слезы по щекам и радуюсь, что меня сейчас никто не видит. Мои плечи трясутся, я обнимаю себя, чтобы унять дрожь. Руки скользят по плечам и сами останавливаются на животике.

Мой малыш! Моя маленькая крошка, ты еще не пришел в этот мир, а я уже не могу тебе нечего дать! Как я смогу нас обеспечить?

Я не могу защитить даже себя одну, как я смогу защитить нас двоих? Разве я достойна быть матерью?

Дура! Я действительно тупая клуша!

Так долго этого ждала, так надеялась, верила, мечтала о ребенке и что сейчас? У меня нет крыши над головой, я не знаю, что я буду завтра есть, где спать! Я даже не знаю, чьи вещи на мне надеты!

И вдруг и острая, как бритва мысль, разрезает мое сознание и охватывает меня ужасом.

А могу ли я в таких обстоятельствах оставить малыша?

Глава 10. Глеб

Ночью почти не спал. Пару раз, сквозь сон, мне казалось, что слышал, как отпирается входная дверь и просыпался.

Маринка так и не пришла. Я иду в душ. Включаю напор на полную, становлюсь под теплые струи душа. Выдавливаю гель и провожу ладонью по накаченной груди. Годы в спортзале не прошли даром. Люблю женские восторженные взгляды и зависть в глазах мужиков.

Тропический запах заполняет душевую кабинку. Этот гель мне выбирала Маринка. Ее любимый запах.

Ну где ее носит? Может гуляла по городу всю ночь, хотела, чтобы я волновался. Ну что ж в таком случае мне будет что ей сказать.

Хотя если я ей предьявлю, но и ей есть чем мне крыть. Беру с полки большое мягкое полотенце, оборачиваю вокруг бедер. Что странно, совсем сейчас не думаю о Ленке. Хотя до этого думал о ней в душе особенно часто. Ладно сейчас быстро перекушу и поеду за новым телефоном.

Иду на кухню, первые пару секунд смотрю на кухонный стол и не понимаю где завтрак. Я так привык, что завтрак должен быть на столе после моего выхода из душа, что даже забыл, что его всегда мне готовила жена.

Открываю холодильник, достаю два яйца. Задумчиво смотрю на полку. А где вообще у нас сковородки?

Да, не затем я женился, чтобы сам себе утром омлеты готовить.

А ведь Ленка даже этого нормально сделать не может. Морщусь, как от зубной боли. Почему-то сейчас мысль о ней мне неприятна.

Иду в комнату, поднимаю с пола остатки телефона. Экран в дребезги. Все равно пробую набрать жену, но он вообще не подает признаков жизни.

А если Маринка звонила ночью и звонки не проходили на сломанный телефон?

Надо купить новый.

С кухни доносится горелый запах. Черт! Вбегаю на кухню, хватаю сковородку, ищу тарелку. Да где все на этой кухне! Понимаю, что неудобно взялся за ручку, делается горячо, пытаюсь скинуть пригоревшую яичницу на тарелку, но она соскальзывает мимо и падает мне на ногу!

Да что за...! Замахиваюсь сковородкой, чтобы швырнуть ее на пол, но вовремя останавливаюсь — делать ремонт пола на кухне я не готов.

Просто выпью кофе, а позавтракать можно и в кафе.

Спустя полчаса подруливаю к первому магазину, где можно поменять телефон.

— Мне вот такой же, — кладу разбитый телефон на прилавок, — но можно последней модели.

— Ой, это будет дорого, — хлопает ресничками продавщица.

— Я разве что-то спросил про цену? — поднимаю бровь.

— Я просто предупредить. А то знаете, иногда берут, а потом удивляются. Хотя, — окидывает меня кокетливым взглядом, — для такого импозантного мужчины как вы, цена роли не играет.

Кладет коробочку на прилавок и призывно улыбается. Спасибо не сегодня. В другой

день я бы может даже и поулыбался ей в ответ, взял ее номер, но не в этот раз. К тому же у меня уже есть такая, с длинными ресницами и коротким мозгом. И с ребенком.

— И с ребенком, твою мать! — бормочу я.

— Что? — продавщица округляет глаза.

— Это я не вам, девушка. И симку из старого телефона сразу вставьте в новый.

Не глядя на дисплей кассы, прикладываю банковскую карточку к терминалу оплаты.

— А скажите, если я разбил телефон, и мне ночью не дозвонились, на новой трубке отобразятся звонки?

— Не знаааю, — тянет продавщица, — хотите, я у менеджера спрошу?

— Не надо. — протягиваю руку к новому телефону. — Давайте телефон.

— А может вам надо показать, как тут записная книжка работает, хотите продемонстрирую? Вдруг у вас не все номера есть? — делает она последнюю попытку познакомиться.

— Не надо девушка, — вздыхаю, — все у меня есть. И даже больше чем надо.

Продавщица обижено поджимает губки и протягивает мне телефон.

Иду к машине и листаю список входящих звонков. Нет. От Марины нечего не было.

Пиликает смска. «Вам звонили...»

Отлично! Значит она звонила ночью. Не вижу номер, и быстро разблокирую телефон чтобы посмотреть.

Но это не Маринка. Это мой отец. Семь пропущенных с утра.

Только разговоров с отцом мне не хватало. Почему он столько раз звонил?

Глава 11. Марина

«Хватит стоять и рыдать от бессилия!» — говорю я себе. Неужели я готова отказаться от материнства из-за каких-то идиотов? Ну уж нет! Я не собираюсь сдаваться просто так.

Я вытираю слезы рукавом большого синего халата. Явно мужского. Я дарила похожие халаты Глебу, но он все равно всегда выходит из душа завернутым в полотенце, у него, конечно потрясающая фигура, но полотенца я потом обычно собирала по всей квартире: то в кабинете, то в гостиной, то в спальне.

Так, стоп! Хватит вспоминать былое, мне следует подумать о настоящем.

Столько нерешенных вопросов...

Медленно иду по дорожке. Разумеется, у нас будет развод. Я не смогу простить такого предательства по отношению ко мне.

Но у нас с Глебом будет ребенок. Я слишком долго его ждала; не могу и не хочу допустить даже мысли об отказе от моей будущей малютке!

Интересно, как отреагирует Глеб, когда узнает, что я тоже беременна? Как бы мне хотелось не рассказывать ему про малыша! Сделать мою тайну под сердцем только моей, но... он отец ребенка. Он имеет право знать, пусть даже у него скоро будет не один наследник, а два.

Чувствую, как губы снова предательски начинают дрожать. У него *уже* есть ребенок. У Ленки еще не видно живота, мы что и рожать с ней будем в одно время? Как это мерзко! А может все-таки лучше вообще ему нечего ему не рассказывать?

Но как я справлюсь одна?

Его родители так хотели внука, и свекровь часто говорила, что будет готова помочь мне с малышом, но что сейчас? Что будет, когда мы разведемся? Помогут ли они мне или тоже укажут на дверь?

Интересно, как вообще они отреагирует, когда узнают, что скоро у них будет два внука от двух сестер? Я не представляю!

Куда я могу пойти сейчас? У меня нет подруг в городе — все свободное время я проводила на работе и потом спешила домой к мужу или к сестре.

Снять гостиницу будет очень дорого...

Вообще у нас в школе была подсобка для дворника с отдельным входом, можно поговорить с директором, может, он войдет в мое положение... Какой кошмар! Я представляю какие начнутся пересуды за моей спиной! Но с другой стороны, это лучше, чем остаться ночевать в парке.

Я встряхиваю головой. Надо решать проблемы по мере их поступления.

В своих мыслях я не замечаю, как выхожу к небольшой спортивной площадке и останавливаюсь в нерешительности, заметив на турнике полуобнаженную мужскую фигуру. Видимо, он скинул футболку и остался в спортивных шортах.

Мужчина не видит меня и продолжает свою утреннюю тренировку. Его крепкие руки уверенно держатся за перекладину, и он легко и спокойно делает упражнения. Я вижу, как работают мускулы на его обнаженной спине, напрягаются вены на руках. Отчего-то чувствую, что кровь приливает к щекам, словно я вижу что-то запретное.

Он легко подтягивается, переворачивается через перекладину, и я не успеваю отступить в тень деревьев, как мужчина поднимает на меня взгляд, и я узнаю Алексея.

Он спрыгивает с турника, делает ко мне пару шагов:

— Доброе утро, — кричит мне, и кажется только сейчас понимает, что не одет. Алесей быстро направляется к соседнему тренажеру, и натягивает на себя верхнюю часть формы; впрочем, его футболка не скрывает, а скорее подчеркивает все мускулы его влажного от тренировки тела.

— Доброе утро, — говорю я, почему-то стесняясь посмотреть ему прямо в глаза.

— Как вы? Как нога? Вообще врач сказал, что вам надо лежать минимум два дня, а вы уже встали.

— Меня осмотрел врач? — удивляюсь я.

— Вы вчера упали в обморок, и я попросил нашего семейного доктора вас проверить.

Алексей улыбается, глядя на меня, чем смущает меня еще больше, и я кутаюсь в халат. Странная мысль пробегает у меня в голове. Интересно, а *он* был при осмотре? Гоню эту мысль прочь.

— Я очень волновался, — глухо говорит он и не сводит с меня взгляда.

— А человек? — пытаюсь я сменить тему.

— Человек? — не понимает он.

Я беру себя в руки и говорю уверенней:

— Человек, которого мы сбили? С ним все хорошо?

— Ах это! — белозубо улыбается Алексей. — Не волнуйтесь. Это была собака и она тоже жива и здорова. А вот ваше здоровье меня волнует гораздо больше. Вы не ответили, как вы.

В его взгляде столько участия, а я невольно пытаюсь вспомнить, когда мой муж смотрел на меня так последний раз.

— Со мной все хорошо. Я немного хромаю, но все в порядке, спасибо.

Его рука осторожно касается моего подбородка, он приподнимает мою голову, и я смотрю на него снизу вверх.

— У вас красные глаза. Вы плакали?

Я собираюсь с силами и делаю вдох, чтобы ответить. Алексей видимо чувствует мою неловкость, он убирает руку от моего лица и опережает меня:

— Прошу прощения, это был бестактный вопрос. Как вам спалось у меня в доме? — меняет он тему.

— О, замечательно! Вы очень добры. Надеюсь, я не сильно нарушила ваши планы... мне так неловко, что я...

— Все хорошо, — успокаивает Алесей.

— Ой, вы знаете, я утром в кресле увидела женщину...

— Это Людмила, моя домработница. Она же кухарка. Тут живу я, Людмила и Степан — ее муж, мой садовник и охранник. Обопритесь на меня, вы хромаете.

Я беру его под руку и непроизвольно прижимаюсь к горячему торсу. Моя ладонь покоится на его крепком локте.

— Чай или кофе? — заглядывает он мне в глаза.

— Ч-чай, — сбиваюсь я. Да со мной такое?

Вдруг Алексей подхватывает меня на руки, и я от неожиданности крепко обнимаю его за шею. Наши губы оказываются в миллиметре друг от друга.

Глава 12. Алексей

Конечно, Ромка ответил только утром.

«... Семьдесят — два, семьдесят — три, ...» — считаю про себя подходы на турнике, когда в ухе пиликает звонок.

Касаюсь наушника, но не останавливаю упражнение.

— Кому не спится в ночь глухую? — слышу голос Ромки. — Ты чего вчера хотел?

— Поговорить, — отвечаю я.

— А я думал ты все-таки в бар решился выбраться. Слууушай, я вчера с такой девочкой познакомился — улет! Молоденькая, сочненькая, свеженькая! Мммм... Второй курс! У нее кстати подружка есть. Давай сегодня ко мне? Потусим вчетвером?

— Не, Ромыч, без меня. Я вообще спросить тебя хотел...

В голове автоматически продолжаю держать счет, и обдумываю, как уточнить нужную информацию.

— Хотел, — спрашивай, — зевает Ромка.

— Ты секретаршу Глеба помнишь? — начинаю я.

— Рогальского? Директора завода «Бел Вест»? — уточняет Ромка.

— Его самого!

— Конечно, помню!.. Как там ее... Ща... Людочка!

— Леночка, — поправляю я.

— Точно, Леночка! Ну, допустим, помню. А что? Ты решил на Леночку запать? Она вроде не в твоём вкусе... — тянет Ромка.

— Ну, зато в твоём! Так что скажешь?

— Слушай, — Ромка мнётся, — скажу, как другу — она, конечно, горячая девка, но не рекомендую.

— А что так? — удивляюсь я.

— Да, ты знаешь, у меня на девок нюх! А эта... вроде горяча, все при ней, но как-то слишком уж. Не советую. Понимаешь?

— Если честно, нет. Вообще не понимаю, что ты имеешь в виду.

У Ромки действительно есть нюх на женщин. Что они в нём находят — не знаю. Но главное, Ромкины приключения всегда оканчивались для него хорошо, а для девушек быстро, и он даже вроде как умудрялся со всеми оставаться в хороших отношениях. Это прям талант!

— Ну ок, — вздыхает Ромка. — Помнишь корпоратив после подписания контракта, когда Глеб ее первый раз притащил? Я тогда на нее запал, то сё, потанцевать, вино-домино, но она так на меня кинулась, что я еле от нее отбилась в туалете.

— Прям отбивался? Ты? Это что-то новое.

— Ну... я *в устной форме* с ней все обговорил в туалете по-быстрому, но чуйка подсказала, с ней дело не иметь. Уж больно она на все была готова. Я люблю горячих штучек, но тут самому обжечься можно. Словно там подвох был.

— И что? Ты с ней больше не встречался?

— Нет, ну на вечеринках виделись, но уже «привет — пока». Я так понял, что она с Глебом Рогальским замутила.

— Блин, а что мне не сказал? — завожусь я.

— А что надо было? — искренне удивляется Ромка.

Действительно, откуда он знал. Я же никогда ему не говорил про Марину.

— Это все? Или еще что-то знаешь?

— Ну вообще, — мнется Ромка, — ты знаешь, я слухи не одобряю...

— Хорошо ломаться, Ромыч! — прерываю я.

— В общем, девочки по офису судачили, что она много кому глазки строила. Мой зам вроде как мимо тоже не прошел.

— Арсен?

— Да, был шумок, что видели их вместе в машине за офисом. Но я если честно не вникал. Просто отметил, что правильно ее слил, и все. Так что, дружище, ну ее, эту Ленку! Давай ко мне! Девчонок позову, а то ты вечно сливаешься.

— Вот и сейчас без меня. — перехватываю перекладину поудобнее. — До связи!

Ромыч разъединяется, а я ловлю на себе чей-то взгляд. И мои мысли меняют направление.

Больше всего на свете не люблю чувствовать себя идиотом.

Увидел ее на площадке, и ступешался, как школьник, на первом свидании. Когда она стояла рядом, такая хрупкая, с красными глазами, завернутая в мой халат, еле сдержался, чтобы не привлечь ее к себе, вытереть все остатки слез и покрыть ее лицо поцелуями. Да что со мной такое! Я же взрослый мужик! Могу держать себя в руках!

Не могу! Не выдержал. Подхватил ее на руки, и сразу понял, что что совершаю ошибку — сердце стучало, как сумасшедшее. Вся кровь вниз отхлынула. Глаза ее так близко. И губы... нежные, манящие. В голове только две мысли стучали: «Не глупи!» и «Не вспугни!». Вообще не помню, как на моей кухне оказались.

— Итак, чай, черный? — достую из шкафчика чашку.

Марина садиться на высокий стул напротив меня, кладет руки перед собой на стойку, как прилежная школьница.

— Самый черный!

— Отлично! Осталось только его найти! — осматриваю кучу баночек в шкафу. — Тут вообще командует Людмила. Я мало, что успеваю, все время на работе. Весь дом запустил.

— Ну что вы, у вас отличный дом, Алексей Васильевич!

Кажется, нам пора менять правила игры. Ну что ж, мой ход первый.

— А может перейдем на «ты», если не против? — наливаю ей кипяток.

Ее тонкие пальцы обхватывают кружку.

— Хорошо, Алексей!

— Прекрасно, Марина! — сажусь рядом.

— А почему же Вася не живет с вами?

Поднимаю бровь.

— С тобой, — поправляет себя Марина и мило краснеет.

— Моя мать считает, что у нас тут слишком пафосные учителя. Васька ходил на всякие подготовки в нашей местной школе, но как-то у него не сложилось. И с ребятами не сошелся. Вот мать и вспомнила о школе рядом с нашей старой квартирой. Сын пришел к тебе в класс, и все! Сразу заявил, что хочет учиться только у тебя и больше никуда не пойдет. Признавайся, чем ты так подкупила моего сына? Ну, делись секретом?

— Я не знаю, — улыбается Марина, — Правда!

— Возить отсюда было долго. И забирать после работы я не всегда успевал, вот мать

решила, что жить они будут на квартире. Ко мне они выбираются на каникулы. Лето мы обязательно проводим вместе, ну а к ним стараюсь приезжать почаще.

— А мама Васи?

Вопрос простой и логичный, в нем нет нечего запретного, но я не был к нему готов, и чувствую, что резко меняюсь в лице.

— Извини. Я не хотела... — оправдывается Марина, видя мое посеревшее лицо. — Я просто не подумала! Не отвечай.

— Здесь нет секрета, — медленно говорю и опускаю глаза в пол, — она умерла.

— Мне очень жаль.

— Это было давно, — говорю я тихо, не стремясь усугубляться в эту тему.

Вдруг из-за двери доносится какая-то мелодия и Марина подскакивает от этого звука.

— Это мой телефон! — испуганно говорит она.

В дверь заглядывает Степан и протягивает телефон Марине, замечая, что на экране светиться короткое слово из трех букв.

— Утро доброе! Вам тут муж звонит. Ответите?

Глава 13. Глеб

Ну что ж, раз Маринка не звонила, начну с отца.

— Здравствуй, сын! — слышу бодрый и слегка взволнованный голос отца. — Долго же ты спишь. У вас там все хорошо?

— Да, все отлично, почему ты спрашиваешь? Что — то случилось?

— Да потеряли мы вас! Вы вроде птички ранние, а тут не отвечаете. Мать с утра Марине звонила — она трубку не берет, потом тебе набираем — и ты не отвечаешь. Вот, начали волноваться. Ты уж прости нас стариков, доживешь до наших лет, тоже такой мнительный будешь.

Тут мой отец прибедряется. Ему в этом году исполнилось только шестьдесят. Он в прекрасной физической форме, они с матерью помешаны на правильном питании и любят за собой следить. Это он когда-то настоял, чтобы я ходил в зал, за что я ему благодарен. Да и за фирму, куда он меня поставил на свое место, конечно, тоже.

— Так, ну что, мы сегодня вечером прилетаем, отдохнем в отеле, как договаривались, чтобы вас не стеснять. Ну а завтра вечером встречаемся в нашем любимом ресторане? Или есть желание днем погулять всем вместе?

Черт! Как не вовремя! Вот только их мне сейчас не хватало, что они сорвались со своего моря к нам?

— А нет! — перебивает сам себя отец. — Днем отбой. Мать вон говорит, завтра днем у нее женские дела: причёски-ноготочки, так что встретимся сразу в «Бристоле». В семь нормально?

О всяких днях рождениях и семейных сходках меня всегда предупреждала жена. Я даже не запоминал эти даты. Пытался когда-то писать в телефоне, но потом бросил. Зачем, если Маринка напомнит. Что их принесло? У матери день рождения зимой, у отца осенью. «Бристоль» самый дорогой ресторан у нас в городе. Что же у нас намечается?

— Слушай, па... — пытаюсь осторожно пробить почву, — а может лучше в «Плаза» соберемся?

— Ты что? Только для таких случаев только «Бристоль»! Столик то уже заказал?

Повисает пауза.

— погоди, — слышу, как отец куда-то отходит, видимо, чтобы мать не слышала, и продолжает, — ты что забыл?!

— Нет, нет я помню! — Выкручиваюсь лихорадочно, припоминая все даты.

— Что ты помнишь? Не позорься Глеб! Моему сыну не к лицу такие нелепые отмазки. Нечерта ты не помнишь! У вас годовщина!

— У нас? — Глупо переспрашиваю и чувствую себя вдвойне неприятно.

— Твою мать, Глеб! У вас с Мариной завтра годовщина свадьбы, ты что забыл?

Да уж... Забыл, это мягко сказано. Совершенно вылетело из головы. Хотя, честно говоря, я и не думал об этом. Но вот сейчас припоминаю, что отец звонил мне месяц назад и что-то мы с ним обсуждали.

— Ты что, опять за старое? — его голос делается ледяным.

— Ты о чем? — пытаюсь съехать.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я! Хочется верить, ты помнишь, наш разговор. У вас с Мариной все в порядке?

— Да, — вру я. — Все как обычно.

— Я надеюсь. Она с тобой? — продолжает допрос отец.

— Нет, ушла по магазинам. Наверное, не слышит телефон.

Отец держит паузу.

— Хорошо, — наконец говорит он, — завтра вечером в семь. Столик я закажу сам.

Увидимся.

Как же все не вовремя! Все в одну кучу. Я действительно напрочь забыл и про прилет отца и про нашу годовщину. Теперь мне точно надо дозвониться до Маринки где бы она не была и уговорить ее завтра вечером быть в ресторане. Отец взбешен, а проблем с ним я не хочу.

Снова набираю ее номер. Но абонент недоступен.

Если я не дозвонюсь до жены первым, то у меня могут быть крупные неприятности. И я снова набираю ее номер.

Глава 14. Марина

Я беру телефон, вижу надпись на экране и чувствую, как снова к горлу подступает мерзкий ком страха и начинают предательски дрожать руки. Мне *надо* с ним поговорить. Глупо от него постоянно бегать.

Но я не могу говорить здесь. При Алексее. Я убираю звук телефона.

— Я отойду, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно и спокойно.

— Подожди, — останавливает меня Алексей. — Марин, я..

Он подходит ко мне и берет мою холодную ладонь в свои теплые пальцы.

— Послушай... Я не знаю, как начать... — сбивчиво говорит он. — В общем, я хочу, чтобы ты знала, что всегда можешь рассчитывать на меня. Просто знай — мой дом в твоём распоряжении. Ты можешь здесь оставаться столько, сколько нужно, если тебе потребуется.

— Спасибо. Спасибо большое.

Мне вдруг хочется его обнять, но я останавливаю себя и в глубокой задумчивости иду в гостевую комнату.

Его слова придают мне некую уверенность в будущем разговоре с мужем. Может и правда, стоит попроситься немного пожить у Алексея? Но как это будет выглядеть со стороны, если я буду жить в доме моего ученика? В доме с его неженатым отцом...

Слишком много мыслей в голове, я физически не могу обдумать все сразу. Сейчас мне надо решиться на разговор с мужем. Когда я вчера выбежала из дома, мне почему-то казалось, что вся эта история останется в прошлом. Я закрою дверь, убегу и... и все закончится, как дурной сон.

Какая глупость. Проблемы никуда не делись. И даже если я смогла сбежать от них вчера, то сегодня они догнали меня. Можно убежать, можно прятаться или делать вид, что нечего не произошло — но это лишь попытки обмануть себя. Наш брак рухнул. И мне надо признать это. Рухнуло все, во что я верила и создавала эти годы. Мысль об этом разливается физической болью в сердце. Но мне надо собраться. Мне надо быть сильной.

Медленно делаю вдох и выдох. Смотрю на свои дрожащие пальцы. Заставляю себя успокоиться и собраться с мыслями. Беру в руки телефон, и экран загорается снова. Вздрагиваю, и сначала не могу прочесть имя абонента. Это моя свекровь.

Хорошо, начнем с нее.

— Да, Изольда Марковна. — отвечаю я на вызов.

— Мариночка, солнышко! Наконец я до тебя дозвонилась! — слышу голос матери моего мужа.

— Извините, я тут... — оглядываю комнату и пытаюсь подобрать слова, — в магазине и видимо отключила звук у телефона.

— Ох уж эти технологии! А я уже не знаю, что и думать. Все утро вам набирали. Ты не берешь, Глебушка молчит. Сейчас правда ему отец дозвонился. Ну что, дорогуша, ты приготовила выходное платье? Ты завтра должна быть самой красивой и счастливой. — Она делает ударение на последнем слове и растягивает его по слогам.

— Да? — не могу скрыть изумления.

Нечего не понимаю. Что происходит?

— Ой, ну Марин! И ты туда же! Кажется, и Глеб забыл о вашей годовщине, но он-то мужик, ему простительно многое и даже это! Но в жизни не поверю, что ты могла об этом

забыть! Что может быть важнее этих милых семейных дат? Три года! Три года вы вместе!

Точно... Завтра у нас в Глебом трехлетие брака, мы действительно созванивались с его родителями и обсуждали их приезд. Для них всегда были важны эти моменты единения семьи и клана, как говорит мой свёкр. Правда, я не очень люблю встречаться с ними. Во всех наших разговорах Изольда Марковна поднимала одну и ту же тему — дети. И я была уверена, что она в очередной раз будет намекать на внуков, как и все разы до этого.

Стоило мне выйти замуж, как моя свекровь стала приставать ко мне чуть ли не каждую неделю с расспросами не тошнит ли меня и не пора ли ей уже покупать ползунки. Сначала ее удивлял мой отрицательный ответ, потом огорчал, под конец злил. Думаю, мой свёкр что-то сказал ей, потому что последний год она почти не спрашивала меня о детях.

Конечно их приезд вылетел у меня из головы. Все последние три недели я была занята совершенно другими мыслями: так боялась, что мои ожидания малыша могут снова сорваться, а после вчерашних событий вообще забыла о завтрашней дате и договорённости.

— Мариночка, а что вы такие с Глебчиком взволнованные, а? — понижает голос свекровь, — может тебе есть чем нас обрадовать с Давидом Григорьевичем? Не говори! — игриво продолжает она. — Если это то, о чем я думаю, скажешь завтра.

Я молчу. Во рту резко делается липко. А ведь я действительно думала, что если все, наконец, получится с ребенком, то можно рассказать об этом на нашей годовщине.

— Ой! — хитро добавляет свекровь, — тут Давид Григорьевич тебя просит. Передаю трубочку.

— Маринка, здравствуй, птичка! — слышу в трубке радостный муж свекра. — Как школа? Не устала к концу рабочего года?

— Нет, все хорошо, Давид Григорьевич. От любимой работы устать нельзя. — Искренне говорю я.

— Это да, это да... Подожди секунду, птичка! — и я слышу его зычный голос, — Изольда! Дай нам с Маринкой пошептаться. — и уже тише в мою сторону, — А теперь скажи мне честно, птичка, что у вас случилось с Глебом?

Глава 15. Марина

Все эти годы, мне казалось, что мой свёкр по-отечески любит меня. В самый первый день, когда Глеб познакомил нас, его отец отвел меня в сторону, долго всматривался в мое лицо и под конец произнес: «Хорошо! Очень хорошо. Глебу повезло, а я теперь спокоен. Могу пожить для себя.» Через месяц он передал ему управление заводом, и они с женой уехали жить на море.

Мне очень хотелось верить, что у меня сложились с ним теплые отношения, но теперь я понимаю, что видимо ошиблась. Ведь именно Давид Григорьевич появился на пороге моей квартиры в день свадьбы с ворохом документов. Он тогда сказал, что это простая формальность, попросил все подписать по-быстрому, что я и сделала.

Вот и верь после всего этого людям.

— Ничего, — как можно спокойнее отвечаю я, — у нас все хорошо, Давид Григорьевич.

Не хочу ему говорить сейчас по телефону. Месть — это блюдо, которое надо подавать с холодной головой. Мне нужно время все обдумать. И что сказать? Вы знаете, ваш сын слегка загулял с моей сестрой? «Может быть тебе показалось, Мариночка? — Нет, ну что вы! Они делали это на нашем кухонном столе!»

С Ленкой они виделись мельком на свадьбе, но после этого их общение не сложилось. Не припомню ни одного случая, чтобы мы собирались впятером.

Нет, я хочу все обдумать и решить, как поступить. И в конце концов, увидеть, как меняются их лица, когда я скажу, что их сын подлец — это тоже приятная мелочь.

— Ты никогда не умела врать, птичка. — вздыхает мой свекр. — Если захочешь поговорить — я всегда рядом. Ну что ж, — продолжает он уже бодрым голосом, — я заказал столик в «Бристоле» на завтра. На полседьмого. Приходи... — он делает легкую паузу и добавляет, — ...те.

— Хорошо.

— Вот и отлично. Не забудь! Полседьмого. Я очень хочу тебя увидеть. До встречи.

Мне показалось, или он действительно дважды выделил голосом время встречи. Не понимаю зачем, вроде я всегда была пунктуальна.

Теперь я готова сделать другой звонок. Вздыхнув, открываю записную книжку и нажимаю контакт «Муж». Глеб отвечает почти сразу.

— Ну что, объявилась? — вальяжно говорит мне муж, — как спалось?

— Не дурно! Надеюсь тебе тоже было хорошо. — подстраиваюсь под его тон.

— Марина, — меняется голос мужа, — я не понял, тебе кажется это смешным? Где ты ночевала?

— Какая разница Глеб. Я же не спрашиваю где *ты* ночевал.

Он молчит. И я тоже держу паузу.

— Я, в отличие от тебя, спал в нашем доме. — пикирует мой муж.

— О, ты стал называть его нашим. Помнится вчера, ты выражался иначе!

— Марин, ну что ты как маленькая! Давай, называй адрес, я приеду за тобой.

— Не надо никуда приезжать Глеб. Со мной все хорошо.

— Вот как! Хм... А если мне интересно где и с кем сейчас моя жена? Я что не могу получить информацию?

— Оооо! — тяну я и начинаю заводиться, — А мне вот интересно, почему это мой муж

сейчас не бегает с моей сестрой по магазинам, в поисках подгузников, а интересуется, где ночевала его «жена-клуша»?

— Да что ты начинаешь! — психует Глеб, — может уже хватит? Это какое-то детское поведение! Нам надо встретиться и поговорить. Говори адрес, я еду.

Я смотрю на часы.

— Давай в ТЦ «Апельсин» через два часа. Наверху есть кафе, там и поговорим.

— Хочешь, чтобы я играл, по твоим правилам? — рявкает мой муж. — Ну хорошо, дорогая, до встречи.

Я отключаю телефон, кажется эти разговоры выжали из меня все соки. Пора учиться не обращать внимание на выпады Глеба, впереди может быть еще много таких.

Да, нам пора встретиться и все обговорить. Я выхожу из комнаты налитая злостью и решительностью. Хватит быть *жертвой*, теперь я знаю, чего хочу. В чем-то Глеб прав, пора перестать вести себя, как маленькая девочка. Мне пора показать, что и у меня есть зубки.

— Алексей! — кричу я в коридоре. — Подскажи мне твой адрес, я хочу заказать такси.

— Я отвезу тебя сам. — раздается голос с кухни, и он выходит. — Мне все равно надо выбраться по делам в город. Через сколько ты будешь готова?

Спустя сорок минут, вновь сижу на пассажирском сиденье его машины, как вчера. Почти как вчера, потому что на ногах у меня домашние тапочки.

Алексей изредка смотрит на меня и молчит. Я тоже молчу, мысленно готовлюсь к встрече с мужем, пытаюсь решить, что говорить и как себя вести. Внутри все бушует от злости. Выстраиваю в голове наш возможный диалог. Все это время я держалась за Глеба, держалась за своего Супермена. За своего героя в маске. Пора признать, что он не был никогда героем, он был обычным козлом, которому я верила, как дура. Пора оставить в прошлом всю мою нерешительность!

— Марин, — прерывает молчание он, — что ты решила? Ты подумала о моем предложении?

— Ты знаешь, я тут подумала, что всегда надо идти вперед. Всю свою жизнь, я оборачивалась назад и смотрела в прошлое. Хватит! — немного сбивчиво из своих мыслей говорю я, — То, что было, иногда надо просто забыть. И сегодня я хочу начать жизнь с чистого листа.

Алексей задумчиво смотрит на дорогу. Хмурится.

— А что ты думаешь, — осторожно начинает он, — про ошибки прошлого? Как быть с ними?

«Ах, как мило, что какие-то вещи можно просто назвать «ошибками прошлого». Тебя кто-то обидел — прости. Унизил — извини. — начинаю молча заводиться. — Сделал ребенка твоей сестре — назовем это ошибками прошлого! Так, стоп!»

Зря я завелась, Алексей тут вообще не причем. Пытаюсь подобрать слова и выразить свою мысль как можно спокойнее:

— Ошибки прошлого пусть навсегда остаются в прошлом. Там им самое и место. Жизнь продолжается, и надо идти вперед!

В воздухе повисает напряжение. Моя злость постепенно утихает, и вдруг замечаю, что мы едем молча. Я что-то не то сказала? Украдкой смотрю на потемневшее лицо Алексея, он сдержан и сосредоточен, почти отвернулся на меня. Я сделала что-то не то? Почему он вдруг так посерьезнел? Не понимаю.

— Где вы встречаетесь? — рушит он молчание.

Он не называет того, к кому я еду на встречу, но мы оба понимаем о ком идет речь.

— Сегодня в кафе, в ТЦ «Апельсин». Добросишь меня туда? А...

— Сегодня? — переспрашивает он, ухватившись за слово.

— Да, а завтра в ресторане «Бристоль», — отвечаю из своих мыслей.

Завтра у меня будет возможность сказать его чудесной семье все, что я думаю.

— Шикарное место. Одобряю выбор... — он умолкает, и я замечаю, как его пальцы сильнее сжимают руль. — Ну что ж, я очень рад за вас. Рад, что вы снова вместе.

Глава 16. Алексей

Врываюсь к себе в кабинет и резко захлопываю за собой дверь. Ромыч уже сидит напротив моего стола. Швыряю портфель с документами и начинаю ходить по кабинету.

Я не понимаю! Я вообще не понимаю этих женщин, ну что не так? Почему она возвращается к мужу? Что это тупость, глупость, безумная любовь, стокгольмский, мать его, синдром? Падаю в кресло и смотрю на друга.

— Леха, — медленно говорит Ромка, — а что происходит?

— Что происходит? — психую я, — это вот ты мне скажи, что происходит! Ответь на простой вопрос: что происходит в голове у женщины?

— Ооооо! — тянет Ромка. — Все ясно. Я за коньяком.

— Час дня, какой коньяк! Ты совсем спятил?

— Я нет. А вот ты да. Тебе не предлагаю. Ты за рулем, а у меня после вчерашнего голова болит, а разговор будет долгим и интересным. Без допинга не выдержу. — он идет кофейному столику и открывает мини-бар. — Я тебя в таком состоянии еще не видел. Да еще и из-за бабы! Нельзя так, Лёх. Говорил тебе приезжай, я позову...

— Заткнись! — перебиваю я его.

— Заткнулся. — безропотно соглашается Ромка и наливает себе коньяк в стакан.

Барабаню по столу. Ромка садиться. Медленно делает глоток и молчит. Хороший у меня друг. Понятливый. Через минуту я выдыхаю и откидываюсь на стуле и вот тогда он начинает:

— Понять, что происходит в голове у женщины сложно. Но возможно. А если ты дашь мне вводные данные, я даже постараюсь дать тебе дружеский совет. Ты же за этим меня позвал?

— Да. — рывкаю и Ромка поднимает обе руки.

— Сдаюсь, не рычи на меня! Я не она! А она у нас кто?

— Марина. Марина Игоревна учительница моего сына.

— Ой. Какая прелесть! — немного язвит он и подносит стакан ко рту.

Поднимаю на него тяжелый взгляд и Ромка тут же опускает стакан.

— Подожди, что все так серьезно? Извини. Умолкаю.

Встаю начинаю снова мерить шагами кабинет под вопросительный взгляд друга.

— Лёх, ты уже начни рассказывать-то!

— Да что тут рассказывать — я дурак! — наливаю себе воды и выпиваю залпом. — Я после истории с Ирккой вообще в работу с головой ушел. Как отрезало от женщин. Ну, ты в курсе. А тут альбом сына нашел. Он у меня дома забыл, а там портреты. И все такое с цветочками. У моего пацана, прикинь! И подписи везде «Любимой Марине Игоревне». «Марина Игоревна, вы сама добрая», «Вы — сама замечательная». Только что «любимой маме» не написано, понимаешь? Привез матери, рассказываю и она туда же. Мариночка у нас просто чудо! Мариночка то, Мариночка это. Приди на собрание. А мне реально некогда и вообще, это не красиво как-то. Сводничество какое-то! А тут помнишь историю в октябре, когда нас подрядчик кинул?

— Такое не забывается! — кивает головой Ромка.

— Ношусь в мыле, голова крутом и праздник еще в школе в этот день. Мать уперлась: не придешь ко внуку — ты мне не сын. Пришлось мчаться, как был со стройки. Захожу в класс

и... — снова наливаю стакан воды и иду на место. — Ромыч, а ты когда-нибудь влюблялся?

— Нет, ну... — мнется он.

— Не в грудь и попу, и не в длинные ногти с ресницами. А вот просто смотришь на нее, и все! Я в углу сижу, — продолжаю рассказывать я, — на комбез свой грязный гляжу, а на нее посмотреть боюсь. А она такая... словно в кругу света и дети вокруг неё. Счастливые такие. И она, такая... — делаю какой-то пас руками не в силах подобрать слово. — Скажи, я дурак?

— Нет, Лех. Ты просто влюбленный тридцати-семилетний мужик. Я тебе даже завидую.

— Да чему завидовать? — вскипаю я. — Навожу справки. А она замужем...

Ромыч вздыхает, а я оканчиваю фразу:

— ... за Глебом Рогальским.

— Чего? — друг округляет глаза.

— Того! Я думаешь зачем вот это всё тут затеял? Нет, ну поставщик бетона нужен был, не спорю. Но дай, думаю, встречу с ней. Не в ее этой школе, где я папаша сына оболтуса, а...

— А там где ты директор крупной строительной фирмы. — заканчивает за меня друг. — Решил хвост распушить, да?

— Да, решил! — чувствую, что начинаю психовать. — Ты что думаешь мне нужны эти все совместные корпоративы, поездки, которые я и оплачивал? Я просто думал, что увижу ее, ну... на своей территории, где я...

— В красивом костюме, а не в говне по колено?

— Да что ты прерываешь меня! Хочешь сказать, что я самовлюбленный идиот? Так говори!

— Нет, ты просто влюбился. А влюбленные все идиоты. Зато теперь мне понятно, зачем ты нас всех на этот балет потащил! — смеётся Ромка.

— Да я в балете, как свинья в апельсинах! Просто думал, хоть это ее заинтересует, и она придет.

— Слушай, а что ж ее не было ни разу? Я ведь и не знал, что Глеб женат. Погоди-ка! — начинает доходить до Ромки. Он пристально смотрит мне в глаза. — Рогальский же везде эту Леночку таскал. Это у него выходит...

— У него замечательно входит, но не всегда хорошо выходит! Да! Леночка любовница Рогальского, и беременна от него к кому же.

Ромка свистит.

— А еще, Леночка младшая сестра Маринки.

Ромка резко поднимает голову на меня.

— Какая мерзость! Ты шутишь, что ли?

— Не шучу. Вчера Марина их застала дома. Узнала, что сестра от мужа беременна. Видимо, сбежала оттуда, и попала под самокатчика.

И уже спокойнее пересказываю новости вчерашнего дня. Ромка достает сигареты. Вообще, я не люблю, когда курят в моем кабинете, но сегодня на его вопросительный взгляд машу рукой.

— Кури. Но только ответь мне, ну как после этого можно к мужу вернуться? Как можно простить?

— Слушай, — тянет Ромка, — я вот пять минут назад понял, что бывает все что угодно. А ты уверен, что она к нему вернулась?

— Ну она же на встречу с ним поехала!

— Ну и что, что поехала? Конечно поедет! Может им о разводе поговорить надо? И вещи, в конце концов забрать из квартиры. Она же не с чемоданом от него сбежала.

Я задумчиво смотрю на него.

— Погоди, ты думаешь...

— Нет это ты погоди! — снова перебивает друг. — Что она сказала в машине? Еду к любимому мужу? Все прощаю?

— Нет... — ошалело говорю я. — Что-то про ошибки прошлого...

— Что их надо прощать?

— Не помню я... — начинаю ерзать на стуле. — Ну вроде как забывать и прошлое оставлять в прошлом... — останавливаюсь и смотрю на Ромыча. — Ромка, я — дебиинил!

— Возможно да, Лех. — кивает он.

— Это получается, мужа в прошлом оставить? Она еще про чистый лист говорила. — хватаюсь за голову. — Я все испортил, Ром! Я вообще ее не так понял!

— Спокойно! Ты же ей нечего такого не наговорил, да? — уточняет он.

— Я сказал, что рад, что они с мужем снова сошлись. — признаюсь упавшим голосом.

— Жестко ты конечно. Но исправить можно. — он тушит сигарету и смотрит на меня.

— Погоди, а завтра тогда что за свиданка у них в «Бристоле»? — снова начинаю нервничать.

— Лёх, да что ты как маленький! Позвони и спроси.

— Как? — упавшим голосом говорю я.

— Как взрослый мужик! Словами через рот!

— Да у меня ее номера нет! — поднимаю на него глаза и слышу, что Ромка что-то бормочет. — Как ты меня назвал?!

— Я говорю, собирайся! — встает он со стула. — Погнали!

— Куда? — не понимаю я.

— Сначала в ТЦ, где ты ее высадил, может она еще там хромает где-то. Потом матери позвонишь, адрес ее знаешь или сами пробьем. Давай, за дело, чего сидишь!

Я резко подрываюсь и на ходу достаю ключи от машины. И тут в мою голову заползает страшная мысль. И я поворачиваюсь к Ромке:

— Слушай, а что если я на нее психанул, и она теперь из-за этого решит с мужем помириться?

Глава 17. Марина

— Я рад за вас. Рад, что вы снова вместе. — говорит Алексей.

Меня словно окатывает холодной волной с головы до ног. Он рад за нас? Я не понимаю... Мое сердце начинает стучать в бешеном ритме. Мне хочется сделать глубокий вдох, но лёгкие сжимаются от отсутствия воздуха.

Как же так? Еще час назад он говорил мне... говорил, и я решила...

Мельком бросаю на него взгляд и вижу, как он отстраненно смотрит в окно.

«Ты решила, что?» — спрашиваю я себя. Ну... что нравлюсь ему... или не безразлична хотя бы. Мне делается стыдно за свою самонадеянность. Как я могла такое подумать? Принять обычную вежливость за нечто иное... Больше. Как стыдно! Какая же я глупая дура.

Я прячу руки под сумочку и сжимаю пальцы в кулаки. Сжимаю сильно, так что ногти впиваются в ладони, и эта боль возвращает меня в реальность.

Что ж! Это просто была вежливость по отношению к учительнице сына и нечего больше. А мне надо держать себя в руках. Хватит распускать сопли!

— Мы приехали. — Алексей останавливает машину и кажется впервые за всю поездку поворачивает голову в мою сторону. — Тебя... вас забрать, потом?

— Не надо, — говорю я. — Спасибо за беспокойство. И... за все.

Я быстро, выпрыгиваю из его машины и стараюсь не хромать и иду к дверям ТЦ. За спиной кто-то резко дает по газам. Даже не оборачиваюсь, я и так знаю кто это уехал.

Как только я остаюсь одна, позволяю себе выдохнуть, и чувствую, что не могу сделать ни шага. В голове крутится вопрос: «Что я сделал не так?!» И самое обидное, я не знаю ответа!

Падаю на скамейку в ТЦ. Вот и все. Ну что ж, в любом случае спасибо за помощь Алексей Васильевич. Это было так... приятно.

И хватит! Я не буду больше плакать из-за мужчин. Сейчас я буду думать о другом. О себе. Опускаю взгляд на ноги. Мне надо купить новые туфли. Хотя нет. Я куплю себе кроссовки.

Ровно в три захожу в кафе. Я сразу вижу своего мужа. Он сидит у окна развалившись на стуле, лицом ко мне. На столе перед ним его любимая паста, которую он с удовольствием ест. Он не видит меня. Или делает вид, что не видит.

Выпрямляю спину и подхожу к нему.

— Привет, — говорю я и сажусь за стол.

— Ну здравствуй, — произносит Глеб, вытирает губы салфеткой и тянется ко мне.

Серьезно? Он хочет, чтобы я его поцеловала? Отворачиваюсь, но он берет меня пальцами за подбородок и разворачивает к себе. Секунду мы смотрим друг другу в глаза, и он прикасается губами к моей щеке. Видимо по моему лицу проходит гримаса омерзения, потому как он начинает смеяться, но его глаза остаются злыми.

— Да брось, дорогая! Ну я же не зверь. Честное слово, ты прям слишком эмоционально ко всему относишься.

— Хорошо, милый, как скажешь. — отвечаю в тон ему. — Я слишком эмоционально отношусь. А напомни, почему мы тут? Ах да! Кто-то, а именно ты, спит с моей...

— Да, да... Я помню. — перебивает меня Глеб. — Что тебе заказать?

— Нечего. Я не голодна.

— О, ты была в хорошем месте. Тебя там не только приютили, но и накормили.

— Да, представь себе.

— А скажи, в этом хорошем месте меня тоже могут приютить? — он смотрит на меня холодными глазами и делает глоток кофе.

— Тебя уже приютила Леночка между своих ног — тебе мало?

Глеб заходится кашлем.

— Какая ты оказывается! А, Маринка! — он вытирает рот салфеткой.

— Какая, Глебчик?

— Ты оказывается у нас такая злопамятная, такая язвительная, интересно ты всегда такой была или я просто не замечал?

— Ну что ты, я все время была серой мышкой. А вот ты был другим животным. Благородным и сильным... Козлом! Наверное, не просто так у тебя фамилия Рогальский, да, милый?

— Что, уже успела мне наставить рога? За сегодняшнюю ночь? Старалась до утра?

— Ну что ты дорогой, это же только ты мне можешь рога делать, да? Я ведь тоже Рогальская! Правда останусь ей не долго!

— А что так? Уже берешь другую фамилию? Не рановато ли после одной ночи? — нависает он надо мной.

— Я в отличие от тебя, всегда могу вернуться к своей прошлой! А ты как был РОГАльским, так и останешься!

Муж поджимает губы.

— Я пас! Пикировка окончилась? Мы можем уже начать общаться, как взрослые люди? Что ты намерена делать? — откидывается он назад на стуле.

— Подавать на развод.

— Это исключено. Я не тебе его дам!

— Что?! — восклицаю я. — То есть как это ты не дашь мне развод? Мы живем в свободной стране!

— Это конечно так. Но ты кое-что забываешь... а я помню. И я не дам тебе развод, потому что забочусь о тебе! Как ты будешь жить, дорогая, и где?

— Ты намекаешь, что у меня нечего нет?

— Именно! И не намекаю, а говорю. Я не могу позволить, чтобы моя жена голодала. — он складывает руки на животе и продолжает буравить меня взглядом.

— Нечего страшного, я уверена, что смогу прожить без тебя и твоих денег.

— На зарплату учительницы начальных классов?

— Да, милый. А тебе вообще надо думать не обо мне. А о моей милой и чудесной сестренке. И вашем будущем ребенке.

По лицу Глеба меняется от этих слов, и я продолжаю:

— Я уверена, что Лена будет отличной матерью и прекрасной женой!

— Знаешь, Марин, вот мне даже обидно! — шипит мой муж. — Почему ты не хочешь побороться за нас? За наш брак?

— Глебушка, — мягко произношу я, зная, как бесит его этот вариант имени, — ты как себя чувствуешь? Головой в душе сегодня не ударился случайно? Борьтсья? За тебя? После того, что я видела?

— Хорошо! Я дам тебе развод, но давай это обсудим чуть позже? Сначала выполни одну

мою просьбу?

Я поднимаю бровь.

— Хочу... Прошу, чтобы завтра, ты встретила с моими родителями в «Бристоле».

Я открываю рот, чтобы сказать, что его отец уже звонил мне, но решаю промолчать.

— Ты наверняка забыла, но завтра наша годовщина. Я понимаю, что для тебя наш брак уже нечего не значит, и ты готова все сжечь в угоду своим странным желанием...

Мои брови откровенно ползут вверх от удивления. Какие высокие слова употребляет мой муж! Это вообще на него не похоже.

— А я за это время, готов доказать, что я тебе нужен. Ты не сможешь без меня. — он пытается взять меня за руки, и я прячу их под стол.

— Доказать, что ты нужен мне? Ты бредишь, Глеб? Ну, хорошо. Я буду завтра в ресторане. — соглашаюсь я.

К тому же, я уже обещала Давиду Григорьевичу. И наша годовщина — это прекрасный повод поставить жирную точку в этих отношениях. Разобраться сразу и махом со всей этой веселой семейкой.

— В семь.

— В семь? — переспрашиваю я.

Хм, его отец назвал мне другое время. Я точно это помню, а вот мой муженек никогда не мог правильно запомнить даты и время. Впрочем, сейчас это уже его проблемы.

— Да, в семь. — повторяет мой муж. — И сделай мне одолжение в память о нашей семье, которую ты так хочешь разрушить...

Я просто недоумеваю от этой комедии, но стараюсь сохранять невозмутимый вид.

— Я очень хочу, — продолжает он, — чтобы ты завтра была самой красивой на свете. Самой-самой! Постарайся, пожалуйста. Ради моих родителей. Они всегда любили тебя.

— Хорошо. — удивленно тяну я.

— Я понимаю, что там, где ты сейчас, тебе, наверное, хорошо. Но знай, я всегда был твоей опорой. И тебе без меня будет очень плохо. Очень! Хочу, чтобы ты это поняла. И хорошо подумала о последствиях своих решений.

Муж встает и не прощаясь уходит. А я сижу в легком шоке. Он что сейчас угрожал мне?

В тот момент я даже не подозревала, что уже через тридцать минут его угрозы осуществятся самым мерзким способом.

Глава 18. Алексей

— Куда теперь? — спрашиваю Ромку, после того, как оставили машину на парковке.

— Давай разделимся. Я наверх и поговорю с официантами. У меня есть средство для памяти. — он достает из бумажника пятитысячную купюру и убирает в карман брюк.

— Не сильное ли средство?

— Нормальное. Поверь. — отвечает Ромка. — А ты пройдишь по магазинам в ТЦ. Может увидишь ее где-то. На связи!

Поднимаюсь на этаж с бутиками. Захожу в первый попавшийся и описываю Марину. Результата нет. Второй магазин, третий, шестой; косметика, белье, обувь. В последнем говорят, что видели похожую девушку, но по времени это было сразу, как я привез Марину в магазин. При выходе из обувного сталкиваюсь с Ромычем.

— У меня две новости! — выпаливает он.

— Плохая! — говорю упавшим голосом.

— Я ее не нашёл. А хорошая, — сразу продолжает Ромка, не дожидаясь моего вопроса, — официантка, которая обслуживала столик Рогальского, сказала, что посетители явно ссорились. И никаким примирением там и не пахло. Потом Рогальский свалил. Один. А девушка ушла чуть позже. Тоже одна. Глазастая официантка. — довольно улыбается Ромка.

Мне явно становится легче. Они ушли не вместе, значит еще не все потеряно. Настроение сразу повышается.

— Номерок то взял? — спрашиваю я.

— О, наш Ромео начал шутить? Взял, конечно.

Мы медленно еще раз обходим витрины магазинов. Случайно поднимаю глаза и вижу у кассы какую-то толпу из продавцов и охранника.

— Давай зайдем.

— ... не проходит. — слышу конец фразы продавщицы. — Девушка, ну в который раз вам говорю. Мне очень жаль. Может у вас есть карточка другого банка?

И знакомый голос отвечает:

— Я не понимаю, на ней же есть деньги?

— Возможно, но карточка не активна. — продолжает продавщица.

Мы с Ромкой останавливаемся за стеллажами с платьями. Нам видно, как Марина достает из кошелька вторую карточку и кладет на терминал.

— Хорошо, посмотрите вот эту.

— Нет, девушка, эта карточка тоже не активна. — продавщица мотает головой. — Может у вас есть наличка?

— Нет. У меня нет налички. Не понимаю! Давайте попробуем еще раз!

— Девушка, вы пробовали уже раза четыре. Вы задерживаете очередь. Разберитесь с банком, а потом приходите.

— Как же так? — она расстроена и медленно выходит из магазина.

Показываю Ромке жестом, чтобы шел за ней, а сам иду к кассиру. Очереди никакой нет.

— Что там случилось у девушки? — киваю на пакет с покупками.

— Да приходит лимита всякая! У нас дорогой магазин! Нет денег и не надо сюда приходиться. Заблокировали ей карточки, как же! — продавщица окидывает меня взглядом, и улыбается, — А вам чем помочь?

— Дайте мне ее покупки. Я оплачу.

— Ой, а вы со всеми красивым девушкам такой щедрый?

Она пробивает ценники из пакета и словно невзначай, опирается на стойку, почти вываливая на нее свою грудь и продолжает призывно улыбаться.

— Да. Но только с умными.

Продавщица секунду обдумывает мой ответ.

— Хам! — выдает женщина и пакет летит мне в грудь.

— И вам хорошего дня!

Вижу Ромку стоящим возле перил, он машет мне рукой.

— Вот она. На скамейке сидит. Удачи!

— Вы? — Марина поднимает на меня удивленные глаза, когда я подхожу к ней.

— Мне казалось, что мы перешли на «ты»? — пытаюсь начать диалог.

— А потом почему-то снова на «вы». Что вы хотите? — она смотрит на меня очень зло, и я тушуюсь от ее взгляда.

— Ваши покупки. — протягиваю ей пакет и сажусь рядом.

— Что это? — удивляется она. — Вы оплатили мои покупки? Зачем? Откуда вы узнали? Вы что следите за мной?

— Нет! — начинаю оправдываться, — Ну то есть... да. Но не специально! Я просто увидел тебя... вас в магазине и решил...

— И что же вы решили? Что купите мне пару платьев, и я брошусь вам на шею? Решили, что сначала можно меня выкинуть из машины, а потом просто подкупить?

— Нет, что вы! Я просто...

— Почему вы считаете, что если у вас есть деньги, вам все можно?! — она резко встает. — А я вам поверила! А вы такой же самовлюбленный болван, как... Неважно!

Она быстро отходит от скамейки, и тут в бой вступает Ромка:

— Марина, подождите! — он догоняет ее. — Здравствуйте! Я Роман. Только ничего не говорите. Пожалуйста, выслушайте меня. Я друг вот этого болвана на скамейке. Он сегодня очень, очень глупо себя повел с вами. И очень раскаивается! И вы можете на него обижаться, я тоже на него иногда обижаюсь, Лёша просто привык работать с мужиками, а не с девушками. Особенно с такими красивыми, как вы! И говорить он с девушками разучился — вокруг него одни рабочие. Возьмите! — он вырывает у меня пакет с одеждой и отдает его Марине. — Это он по доброте. Вы если хотите, верните все в магазин или отдайте кому-то. Но не злитесь на него, он правда хотел, как лучше.

Марина в нерешительности смотрит на Рому, меня и пакет. Кажется, она ошарашена напором моего друга.

— Леш, иди уже сюда. — подзывает он меня. — Лешка он знаете какой человек? Человечище просто! Он правда хотел, как лучше! А вы знаете, я вот его в детстве его Лешка-Картошка звал. Кстати, о картошке. Марина, сейчас же время обеда. Пойдемте перекусим, тут один ресторанчик есть недалеко, и я вам столько всего про Лешку расскажу...

Он начинает движение вперед, и Марина идет за ним. Ромка жестом показывает мне, чтобы я не отставал. Ну что могу сказать — я бы так заболтать девушку не смог. Это просто годы тренировки, схемы, отточенные на многих пассиях. Ромыч уже начал пускать в ход свое обаяние, до меня доносится ее смех.

В груди возникает очень неприятное чувство. Он так и вьется вокруг Маринки, и сколько у него было их таких... А что если и она... Ромка он балабол! Если он сейчас не

заткнется, я просто дам ему в глаз и мне все равно, что он мой друг! Смотрю в спину удаляющимся фигурам и вижу, как Марина оступается на больную ногу, и Ромка подхватывает ее, придерживая за талию. Кажется, они снова смеются.

Яркая пелена гнева накрывает меня. Мой лучший друг продолжает держать Марину за талию и она, возможно, не против! В глазах все делается красным! Ну друг! Услужил!

— Эй! — кричу я.

Глава 19. Марина

— У вас очень хороший друг, — искренне говорю я, когда мы попрощались после обеда с Ромой. — Я благодарна ему, что он не дал мне уйти. Хочу извиниться перед вами, что повела так себя в магазине. Вы и правда хотели, как лучше. Я просто вспылила, такой нескладный день был. И если честно, я не поняла, что случилось в машине.

— Марин, может все-таки снова на «ты»? И это я должен просить прощения за свою резкость, а не наоборот. Я повел себя как дурак, болван, идиот, и как кто угодно еще! Я действительно отвык вот так вот разговаривать. Давай забудем! Пожалуйста.

Он вдруг подходит ко мне, так близко, что моя голова почти касается его груди. Смотрит на меня сверху вниз, наши взгляды встречаются и мне кажется, что ему очень хочется меня обнять или даже поцеловать. Но он не решается это сделать.

— Что ты планируешь делать дальше? — хриплым голосом говорит Алексей. — Скажи, зачем тебе надо быть завтра в «Бристоле»?

Мне не приятно говорить о завтрашней встрече. Боюсь, что эти слова могут разрушить тонкую ниточку близости, которая восстановилась между нами. Но и лгать я не могу тоже.

— У нас годовщина завтра. — тяжело вздыхаю я. — Будут родители мужа. Его отец звонил, и я пообещала, что приду. Решила, что завтра все им расскажу. Ну и скажу про развод. А сегодня еще и Глеб попросил, чтобы я там была.

Я вспоминаю этот мерзкий разговор с мужем в кафе и так хочу уткнуться в Алексея, чтобы он обнял меня, и почувствовать себя под защитой. Мне тяжело. И так обидно признаваться в своей глупости. Но буду говорить правду, даже если Алексей решит, что я и правда «тупая курица».

— Мой муж, — вздыхаю я, — попросил меня быть завтра красивой и нарядной. Нет, я и сама хотела прийти с гордо поднятой головой, ткнуть его носом при семье, что он подлец, мерзавец и козел! Но муж намекнул, что я без него никто. Глупая, нищая училка началки. Знаешь, мне показалось, что он угрожал мне в кафе. Я даже не думала, что он такая свинья! Он просто взял и заблокировал все мои карточки и счета. — мне неприятно говорить, но я продолжаю. — Я теперь понимаю, что это было глупо с моей стороны доверять мужу ведение всех финансов. Сама виновата. Мне видимо было хорошо сидеть и не думать о завтрашнем дне. — вздыхаю я. — Можешь нечего не отвечать. Я уже сама себе все сказала! В понедельник поеду в свой банк с паспортом. Буду разбираться. Посмотрю, что можно сделать. Ну а сейчас сниму место в хостеле.

— Не поедешь. — не соглашается Алексей. — Праздники. Банк может не работать.

Он осторожно убирает прядь волос с моего лица.

— Ты такая сильная, такая... упрямая. И ты уже все решила. Скажи, но почему ты не хочешь подумать над моим предложением? Оно настолько плохо?

— Какое предложение? — не понимаю я.

— Ну вообще-то, я предложил тебе остаться у меня.

Точно! Как я могла забыть. Это вообще вылетело у меня из головы. Хорошее предложение, но...

— Ой, Алексей... это не красиво. — я сокрушенно качаю головой. — Я очень благодарна тебе, но не могу.

— Спать в хостеле на двенадцать человек лучше? Кстати, у тебя нет денег, все твои

карточки заблокированы. Как ты его оплатишь?

Да что такое! Как я могла забыть! Он прав. И что мне делать? Соглашаться принять его помощь? А что потом? Вдруг и он будет попрекать меня своими деньгами. Алексей смотрит на меня долгим взглядом и вдруг достает кошелек.

— Держи. — он протягивает мне пластиковую карточку. — Пароль: двадцать-пять-десять.

— Ты что! Я не возьму! Я не могу брать твои деньги. У меня же есть мои собственные.

— Поэтому я даю тебе в долг. — спокойно продолжает Алексей. — Без процентов. Твои карточки не работают, воспользуйся этой. Когда твои деньги снова будут у тебя — вернешь. Так тебя устроит? Вдруг банк не будет работать в понедельник? Так я буду за тебя спокоен. Пожалуйста, возьми.

Он кладет мне карточку в руку и оставляет свои пальцы поверх моих.

— Спасибо! — говорю со всей искренностью. — Я положу ее в паспорт, чтобы не потерять.

Я открываю сумочку и перебираю вещи. Потом еще раз. Меня снова бросает в жар. Паспорта нет!

— Его нет! У меня нет паспорта в сумке! Точно! Я же выложила его дома. — с грустью смотрю на Алексея. Да что такое?! Почему все мои идеи рушатся?!

— Мне придется идти сейчас домой. — упавшим голосом говорю я.

— Хорошо. — серьезно отвечает Алексей. — Я довезу тебя до дома, но там ты наверняка столкнешься с мужем. Видимо этого он и ждет. Он считает, что ты без него справишься, так?

— Да. — соглашаюсь я снова.

— Тогда, я предлагаю поспать ночь в гостевой комнате у меня. А завтра ты красивая поедешь в свой ресторан. Устроишь там разнос, разобьешь поднос о голову мужа, наденешь чашку на голову свекрови...

Я невольно начинаю улыбаться. А ведь в целом идея дикая, но не плохая!

— А потом... ну не знаю, хочешь мы подьедим с Ромычем с лопатой, вместе закапаем трупы в лесу? Я ведь не знаю какой у тебя план разговора? — смеется Алексей. — А сейчас поехали ко мне? Соглашайся, Марин!

В его словах все правда. Ну, возможно кроме трупов в лесу. И его слова мне повышают настроение. Мир уже не кажется таким ужасным, и хочется верить, что все проблемы я смогу решить. И платье у меня на завтра есть. Верчу в руках пакеты с покупками. Так что же меня останавливает?

Я просто боюсь себе признаться, но мне приятна его забота. Я боюсь привыкнуть к ней, я боюсь спутать вежливость с чем-то иным, большим. И как же я устала бояться всего! Пора уже на что-то решаться!

Заглядываю в его ясные глаза и выдыхаю:

— Я согласна! — и тут же добавляю, — на одну ночь.

— Фух! — выдыхает Алексей. — Наконец-то! Поехали!

Мы идем к его машине.

— А знаешь, — тихо говорит он мне, включая зажигание, — я так боялся, что ты не согласишься. Я очень рад, что ты рядом.

Из моей сумочки доносится писк телефона, открываю сообщение и чувствую, как меняю в лице.

— Что такое, Марин? — встревоженно спрашивает Алексей.

— Нечего! — лучше ему не видеть эту мерзость. — Просто сообщение.

— От мужа, — догадывается он и протягивает руку к телефону, — разреши?

Я колеблюсь минуту, но пасую перед спокойной уверенностью в его взгляде, и открываю сообщение:

«Ну как? Насладилась покупками?

Помни — без меня ты никто.

Где меня найти и как просить прощение ты знаешь».

Вся гамма эмоций пробегает по лицу Алексея. Вижу, как напрягаются мышцы его шеи, белеют костяшки пальцев на руле, понимаю, с каким трудом он сдерживает себя.

— Скажи, Марин, — он поднимает на меня глаза, — а тебе не кажется, что твой муж слегка зарвался? Может уже пора его реально проучить?

Глава 20. Марина

Его дом встречает нас тишиной.

— Проходи, я порошу Людмилу сделать нам ужин.

— Слушай, Алексей, — немного неловко говорю я, — мне очень хотелось бы заскочить в душ перед ужином. Где у тебя это можно сделать?

— Точно! В гостевой на первом нет ванны, — он разводит руками, — если твоя нога уже получше пошла в комнаты на втором этаже.

— Это моя комната, — показывает он на коричневую дверь, когда мы оказываемся на площадке, — там в конце коридора Васькина, а слева — мамина. А вот эта свободна, — кивает на дверь рядом с его спальней. — Пошли.

Я прохожу за ним в светлую уютную, но явно нежилую, комнату.

— Кровать, шкаф, зеркало, столик, — обводит Алексей рукой помещение. — Здесь за шторами окно и выход на смежный балкон. Вот тут ванная комната. Иди сюда! — он скрывается за дверью рядом с кроватью, — Смотри, Людмила поставила какие-то баночки. Полотенца — вот тут. Ну все, оставляю тебя одну. Жду к ужину. Располагайся.

За ним закрывается дверь спальни, и я опускаюсь на кровать. Комната явно была сделана для женщины: светло-розовые обои в нежный цветочек, косметический столик, большое зеркало, балкон, совмещенный с его спальней. Эх... Но какое это сейчас имеет значение. У меня есть крыша над головой. Совершенно не хочу сейчас нечего планировать дольше чем на один день. Я достаю из пакета платье, которое планировала надеть завтра и новую блузку. Вообще, как это сложно жить без своих вещей! Я соскучиться по мои кремам, маскам для лица, косметике. По моей пижаме в конце концов!

Вытряхиваю содержимое сумки на кровать: помада, пудра, расческа, маникюрный набор. Это уже лучше, чем нечего. Нет, я не могу так жить! Мне надо попасть домой, хотя бы для того, чтобы забрать мои вещи.

Я скидываю одежду и иду в ванную комнату. Какое это блаженство полежать в горячей воде! Предвкушаю расслабление, становлюсь ногами в ванну, открываю душ и выливаю шампунь на волосы. Горячая вода всегда придавала мне сил. Сейчас она смывает всю грязь сегодняшнего дня и мне сразу станет легче.

Ай! Горячая вода резко сменяется холодной и ... все! Воды нет. Я кручу краны, но слышу только шипение воздуха! Ну как же так! Наматываю мыльные волосы в кружок вокруг головы, оборачиваю полотенце вокруг груди и мокрыми мыльными ногами шлепаю к двери. Блин! Совершенно глупая ситуация! Кого лучше позвать?

— Алексей! — тихо с надеждой зову я, прячась за приоткрытой дверью. Тишина.

— Алексей! — кричу уже громче. Если я сейчас не докричусь, то мне придется почти голой идти вниз!

— Лёёёшаа! — делаю я последнюю попытку и дверь соседней комнаты открывается.

Алексей выглядывает из-за двери и с недоумением смотрит на меня.

— Там воды нет! — оправдываюсь я.

Он с обдумывает пару секунд, потом хлопает себя ладонью по лицу.

— Точно! Марин, извини! Мы там трубы перекрыли, никто ванной не пользовался же. Я сейчас! Хотя нет, — останавливается он на лестнице. — Не сейчас. Там надо в подвал идти. Видимо завтра. Извини, я правда забыл.

Я зябко переступаю мокрыми ногами.

— Иди ко мне в комнату, — он распахивает дверь к себе. — У меня душевая кабина, но она работает и вода есть. Заходи!

Он скрывается в глубине комнаты. Делать нечего, пробегаю в его комнату, слышу шум воды из душевой.

— Проходи сюда! — зовет он из ванной комнаты.

Я иду на голос, и тут вдруг понимаю, что банное полотенце прикрывает меня, но не так, чтобы я чувствовала себя комфортно при постороннем мужчине.

Алексей оборачивается и застывает при видя меня на пороге своей ванны. Я пытаюсь выровнять полотенце, но не зная, что прикрыть: больше натянуть его наверх или спустить вниз. Кажется, я становлюсь пунцовой и мне стыдно поднять глаза на Алексея. Почему он не выходит?!

Поднимаю смущенный взгляд и вижу, как он в полном безмолвии смотрит на меня. Его рука застыла под струей воды. Его глаза широко открыты и мне кажется, что даже за шумом воды, я слышу, как бешено стучит его сердце. Он пронзает меня своим взглядом, и я не могу отвести глаз. Мои руки замирают на груди и даже сквозь полотенце, чувствую, как начинает биться мое сердце. Так же громко, как и его.

Алексей медленно двигается ко мне, я инстинктивно отхожу назад и упираюсь в стену. Он подходит ко мне мягкими шагами, вижу, как расширяются его зрачки. Я застыла рядом с дверью, и чтобы выйти, ему надо пройти мимо меня. Очень близко ко мне. Но у меня нет сил сдвинуться с места. Я как замороженная смотрю в его глаза. Алексей приближается, и наконец, я ощущаю его дыхание на своей коже. Он замирает рядом со мной, и я чувствую, как кончики его пальцев прикасаются к моей обнаженной ноге. Мое бедро невольно задевает его.

— Я включил тебе воду, — глухо говорит он, — пошли в душ...

Глава 21. Марина

— Пошли... Пойди... Иди уже!

Алексей краснеет, выходит из ванной комнаты и не оборачиваясь закрывает за собой дверь.

Мои ноги подламываются. Я выдыхаю. Сердце бешеное колотится и в ушах стоит гул. Что это сейчас было? Я перевожу дыхание и пытаюсь успокоиться. В зеркале вижу свое отражение с пылающими щеками и полуоткрытым красным ртом.

Я не знаю сколько времени стою под струями воды, пытаюсь успокоить дыхание. Мысли ведут безумный хоровод. Что это было с ним? Со мной? Что произошло с нами? Ведь мы оба почувствовали, как искры залетали в этом маленьком пространстве. Ну и как мне себя вести с ним, когда я выйду из душа? И самый главный вопрос, на который должна ответить себе сама: я рада, что он ушёл или...

А что, если он ждет меня в своей комнате за дверью? Очень надеюсь, что его там сейчас не окажется. Наверное, самое лучшее делать вид, что нечего не произошло. Сейчас надо быстро выйти и проскочить в соседнюю комнату, где лежат мои вещи.

Распахиваю дверь ванны и нахожу свою пижаму с халатом на полу у входа. В комнате никого нет. Спасибо Алексею большое за это!

Переодеваюсь и невольно начинаю осматривать его комнату. Обычная мужская спальня. Небольшой рабочий стол с открытым ноутбуком. Рядом фото. Подхожу ближе. Вася, Алексей и Елизавета Ивановна — мама Алексея и Васина бабушка — сфотографированы где-то на юге.

Трогаю рукой мокрые волосы. Наверняка в этом доме есть фен. За дверью слышны шаги. Видимо Алексей вернулся.

— Алексей, — громко спрашиваю, открывая дверь. — а у тебя есть фен? Я хотела...

И сталкиваюсь в дверях с его матерью.

— ... волосы посушить... — заканчиваю я, глядя в изумленные глаза женщины.

— Марина Игоревна?! — восклицает она.

— Елизавета Ивановна, — говорю тихим упавшим голосом.

Боже, как стыдно! Я в халате на пороге спальни ее сына! Что она подумает...

— Здравьете, Марина Игоревна! — этот звонкий голос добивает меня.

— Здравствуй, Вася! — выдавливаю из себя.

Провалиться! Прямо сейчас! Прямо тут! Ну пожалуйста! Сердечный приступ! Конец света! Ну хоть что-нибудь, пусть случится прямо сейчас!

Но нечего не происходит. Елизавета Ивановна просто удивлённо смотрит на меня, а Вася с каким-то, как мне кажется, злорадным удивлением произносит:

— А что вы тут делаете? У папы в комнате?

Нет, я просто не выдержу это! Я хочу умереть со стыда!

— Ты же слышал, Вася, — спокойно говорит Елизавета Ивановна. — Марине Игоревне нужен фен. Иди, сбегай к Людмиле, спроси про ужин. Поищи отца, он возможно в кабинете или у Семена в сторожке. — переводит взгляд на меня. — У меня есть фен, Марина Игоревна. Пойдемте ко мне. Я вам его дам.

Вася с быстрым топотом летит вниз. А я медленными шагами иду за его бабушкой. Кажется, меня ждет крайне неприятный разговор.

— Держите, — протягивает она мне фен, когда мы заходим в ее комнату. — Где-то у Людмилы была еще плойка. Вам она нужна?

— Что? — верчу я фен в своих руках, — а, нет, спасибо.

Я должна что-то сказать, должна что-то объяснить. Но мне стыдно посмотреть ей в глаза. Учительница ее внука в комнате ее сына практически без одежды — потрясающая ситуация. Пауза затягивается. Елизавета Иванова садиться в кресло, а я стою перед ней.

— Как вы, Марина Игоревна? — начинает она мягко, — у вас все в порядке? Присядете? Поднимаю на нее удивленный взгляд. Это совсем не то, что я рассчитывала услышать.

— Я бы предложила вам чашечку чая, — она изящным жестом показывает на чайничек на кофейном столике. — Но скоро у нас время ужина, а перебивать аппетит не очень хорошо. Вы же останетесь на ужин?

— Что? Ах, да. Да. — неуверенно говорю я и продолжаю вертеть в руках фен.

— Садитесь, Марина Игоревна.

Опускаюсь на краешек, запахиваясь еще больше в халат.

— Вы не ответили на мой вопрос, — тихо и вкрадчиво повторяет Елизавета Ивановна, — у вас все в порядке?

Я вздыхаю и не знаю, что ответить.

— Марина, — позвольте, я буду вас звать так, под крышей дома моего сына? Марина, я вас хорошо узнала за все это время, а еще я хорошо разбираюсь в людях. Я знаю вас. Я знаю моего сына. И то, что вы сейчас в таком виде здесь, может говорить только об одном — у вас что-то стряслось. Я конечно уже стара женщина, отставшая от жизни, — легкая и слегка лукавая улыбка касается ее губ, — но возможно вам просто надо поговорить и станет легче.

Она наклоняется ко мне и ее ладонь накрывает мои руки, сжимающие этот треклятый фен. Ее пальцы такие теплые, покрытые сеточкой морщин, но все равно такие изящные. Я смотрю на ее руки и чувствую, как ком слез подбирается к глазам. Старые, теплые женские руки. Руки мамы. Руки, которые некогда меня уже не обнимут и не прижмут к себе.

И я начинаю говорить. Сначала сбивчиво, потом все быстрее и быстрее. У моих глаз оказывается платок, и спустя минуту, я уже некрасиво шмыгаю носом. Через какое-то время уже громко сморкаюсь в салфетку и все говорю, говорю. Не замечаю в какой момент вообще оказываюсь на груди Елизаветы Ивановны, и она гладит меня, чтобы успокоить.

— Как-как? — переспрашивает она меня и хохочет, — клейстером?!

И я хохочу вместе с ней, пересказывая в красках всю историю. Из меня потоком льются слова про мужа, квартиру, подписанные документы; Ленку, наше детство, как остались с ней вдвоем; про угрозы от мужа и его выходку с карточками. Про все, кроме малыша. Эту тайну я еще не готова открыть никому.

Наконец я чувствую, что поток моих слов прекращается и я умолкаю.

— Девочка моя, — шепчет Елизавета Ивановна, — как хорошо, что ты вовремя поняла, с каким чудовищем жила и как хорошо, что вас больше нечего не связывает!

Я невольно касаюсь рукой пока еще плоского живота и кажется этот жест не ускользает от ее внимательного взгляда.

— Итак, — она забрасывает ногу на ногу, — Я очень рада, что ты здесь! Как хорошо, что ты согласилась принять помощь Алеши. — вдруг ее глаза делаются колючими. — Такие вещи прощать нельзя! Я как женщина тебя понимаю. Ты не хочешь их проучить?

— Уже второй человек из вашей семьи спрашивает меня о мести, — смеюсь я, — а вы выходит страшные люди!

— Нет, — совершенно серьезно отвечает Елизавета Ивановна. — Мы добрые люди. Не добро, как известно, должно быть с кулаками. Хм... Помню по молодости загулял у моей подруги муж, так мы ему во все нательное белье перца насыпали и прогладили утюгом хорошенечко, он, ходил, чесался, плакал, а мы сказали, что бывшая его «наградила» чем-то. Ну тогда другое время было, разводы тяжело шли. Сейчас в ваше время полегче.

— Да, — соглашаюсь я. — Очень хочется появиться завтра на пороге этого ресторана во всей красе и утереть им носы. Алексей заодно предложил поднос об голову мужа разбить.

— Поднос — это хорошо, — смеется Елизавета Ивановна, — но он может увернуться. А тебе вот что могу предложить, — заговорщицки подмигивает мне женщина и открывает ящик комода, — есть у меня капельки рецептурные, в моем возрасте иногда приходится по две-три принимать, но, если добавить мужу около десяти капель в еду в ресторане, он будет летать до туалета и обратно, быстрее ветра. Держи!

Она протягивает мне пузырек.

— Спасибо, вам, Елизавета Ивановна, но у меня уже есть пара мыслей! — отвечаю, вертя в руках лекарство.

— Расскажешь? — наклоняется она ко мне.

Глава 22. Алексей

Я давно отвык от больших шумных вечеров. Нет, Васька, конечно у нас любит зажигать, но сегодня все было как-то иначе. По-семейному что ли.

Совершенно не ожидал, что мать с сыном сегодня приедут, не успел предупредить, что Марина у меня дома. Хотя до последнего не знал, согласится она снова остаться у меня или уже нет. Дал я маху конечно сегодня! Может Ромка и прав, надо было не только работой заниматься, а хоть иногда и выбираться куда-то поболтать с девушками. Когда я последний раз не по работе общался с женщинами? Три, пять, семь лет назад... Не помню.

Да и не до того было. Сын маленький на руках. Врачи. Кто поднимет если ни я? Пахал днями и ночами. Как с ума не сошел, не знаю. Вру — все я знаю. Вот он — сын — сидит и болтает без умолку. А тогда сказали, что никогда не заговорит. Это был мой главный стимул на года. Хорошо мать всегда была рядом. И нечего! Подняли! Бегают, прыгает, учится!

Немного напрягся сначала, не знал, как мать отнесётся, что у нас Маринка. Одно дело хвалить женщину за доброту в школе, и совсем другое увидеть ее в моем халате в моей спальне в нашем доме. Но кажется, они нашли общий язык. Проболтали в комнате почти час, вышли довольные, смеялись. Маринке полезно посмеяться, а то периодически о проблемах вспоминает и аж бледнеет.

Выдумала она себе это «приду красивой, все им докажу». Нечего метать бисер... Но ей же не объяснишь. Да и как объяснить, если за годы я привык только решать. Есть проблема — беру и решаю. А тут «сама подумаю, сама сделаю», и по столу не стукнешь — глупо. И убеждать Маринку — кто я ей?

Куда было бы проще — привез ее к ресторану, зашли, все сказали и вышли. Но не согласится же. Упертая.

Она и так мне уже сказала, что переживает, как это на моем бизнесе отразится. Я попросил, что бы об этом хоть не думала.

Да, контракт с Рогальским у нас висит. Но не совсем же он дурак бизнес подставлять и госзаказ сливать? Хотя, пока все, что я о нем знаю, говорит, о том, что он дурак. Надо перестраховаться. Хотя где я сейчас поставщика найду? В конце мая выход на финальную часть и все. После праздников обсудим с Ромычем. Вроде был еще план Б. Так! Мать уже посматривает на меня, видимо выпал из общения за столом.

Возвращаюсь из своих мыслей и снова смотрю на сына. Васька сегодня просто безмерно счастлив, что обыгрывает нас в какую-то настолку.

— Я спать. — наконец поднимается мама, — Вася и ты тоже. Пора.

— Ну баааа! — тянет сын.

— Никаких, ба! Почти полночь. Это сейчас праздники, а потом снова будет учеба и снова рано вставать, тебя потом не добудишься.

— А мне Марина Игоревна будет разрешать опаздывать, да? Или мы все вместе будем отсюда кататься и опаздывать, тогда меня точно никто не накажет!

Я перевожу взгляд на засмущавшуюся Марину.

— Пап, ну я же здорово придумал! А вечером будем опять вот так играть! Давай, пап! Марина Игоревна!

— Василий, спать! — командует моя мать, и сын безропотно подчиняется.

— Доброй ночи. — бубнит он.

— Доброй. — отвечаем мы и провожаем их взглядом.

— Мариночка, помни, что завтра надо быть без синяков под глазами. — улыбается мать в дверях и они уходят наверх.

— Я тоже пойду наверх, наверное, — прощается Марина. — Доброй ночи, Алексей.

Кажется, Марине неловко оставаться со мной наедине после сцены в душе. Да и мне, тоже немного неловко. Надо же так потерять контроль, а вроде уже не сопливый пацан, чтобы так снесло голову при виде полуобнажённой женщины.

Даю ей возможность уйти первой и поднимаюсь к себе. Из-под ее двери льется свет. Может постучать и что-то сказать... Спросить, как она устроилась в новой комнате или ... Нет! Я все же не уверен, что сдержусь, находясь так рядом к ней.

Подаю на свою кровать. Поднимаю глаза в потолок. Ну вот сегодня она спит еще ближе чем вчера. Нас разделяет с ней стена моего дома и... ее муж. А что если, вот сейчас зайти к ней и сказать... Все сказать, как Ромке сегодня рассказал: как увидел, как влюбился, как... Хотя, нет, наверное, еще слишком рано. Марина сейчас в отчаянии, насколько будет правильным воспользоваться ситуацией и сказать, что она не безразлична мне? Вдруг она ответит мне, не потому что что-то чувствует, а потому что, ей страшно быть одной. А что потом? Горькое разочарование? Нет, спасибо. Не хочу.

Да и у нее сейчас голова другим забита. Пока могу только поддержать ее с этим походом в ресторан. И помочь чем могу. Заказ на завтра я уже сделал, курьер обещал вовремя все доставить.

Иду ополоснуть лицо водой и застываю посреди ванной комнаты. Вот тут она стояла, обнаженной, под струями душа...

Так хватит! Хочу на воздух. Надо проветриться. Выхожу на балкон со своей стороны и повернув голову, вижу, что с другого конца находится силуэт.

Уйти? Остаться? Ну реально, веду себя, как школьник! Я хозяин этого дома и вообще...

Марина стоит ко мне спиной, обхватив себя руками и смотрит вдаль. Я беру плед из своей комнаты и иду к ней. Она вздрагивает, когда на ее плечи ложится теплая ткань.

— Не спится? — тихо спрашиваю, и мои ладони замирают на ее плечах. — Сегодня был сложный день... тебе надо отдохнуть.

— Да, — шепчет она в ответ. — Сегодня был ужасный и одновременно прекрасный день. Спасибо тебе за него.

Она так близко ко мне. Критически близко. Запах ее волос начинает сводит меня с ума. Больше всего на свете, хочу убрать ее непослушный локон, склониться к изящной шее, поцеловать ее маленькое ушко, а потом развернуть к себе и покрыть поцелуями ее лицо.

Я не успеваю убрать руки, как она разворачивается ко мне лицом и оказывается зажата между мной и перилами балкона. Ее лицо так близко к моему, я вижу ее глаза, чуть вздернутый носик, ее губы. Что мне следует сделать? То, что хочу сделать я? А хочет ли она того же?

В моей голове яркими вспышками мелькают картинки моих потаённых желаний: взять ее за руку, коснуться ее губ, увести за собой, рухнуть с ней на мою кровать... Или остаться здесь, под звездами, укрытыми теплым пледом, и целовать ее до рассвета.

Пора прощаться, пока я не сделал того, о чем утром могу пожалеть. Я набираю в грудь воздух, чтобы попрощаться, но она опережает меня.

— Не уходи! — шепчет Марина.

Глава 23. Алексей

Когда утром спускаюсь вниз, весь дом обволакивает запах свежих пирожков. Встречаю Людмилу со стопкой белья.

— Вы просто волшебница, когда все успеваете!

— А это не я! — смеется Людмила. — Это Марина с утра затеяла. Первая порция уже в столовой. Проходите, все уже там.

Ого! Как рано Марина встала! Я еле проснулся утром: мы вчера проболтали с ней на балконе пол ночи. Я вынес кресла из комнаты, мы завернулись в одеяла и разговаривали почти до рассвета. Обо всем и не о чем. Зато теперь я знаю, что она ненавидит круассаны, но обожает булочки с корицей.

Мысленно благодарю себя еще раз, что не наделал вчера никаких глупостей. Все у нас будет. В свое время.

Заглядываю в дверной проем. Мои уже завтракают. Ловлю себя на мысли, что уже отношу Марину к «своим».

— Доброе утро, сын! Чай, кофе? У нас сегодня пирожки на завтрак. — улыбается мама.

— С капустой и рисом уже готовы, с повидлом на подходе, — поднимает на меня глаза Марина.

— Ты просто волшебница, — улыбаюсь я, беря теплый пирожок с блюда.

— Папа, идем в сад, ты обещал со мной мяч покидать.

— Прожуй сначала. И дай мне сделать глоток кофе!

— Ну паааап, я так долго ждал, когда ты проснешься, — канючит сын.

Мама укоризненно смотрит на Ваську. Я быстро глотаю кусочек пирожка и отхлебываю кофе:

— Пошли!

Вася с криком бежит впереди меня. Я люблю проводить с ним время и очень дорожу этими часами. Иногда мы устраиваем тренировки, гоняем мяч по лужайке или плаваем на остров за речкой, где я построил ему шалаш для игр.

Сейчас мы с ним пинаем футбольный мяч, по очереди стоя на импровизированных воротах. Обычно Васек носится и кричит, но сегодня он не привычно задумчив.

— Пап, — в какой-то момент сын подхватывает на руки мяч и идет ко мне.

— Что такое, Вась. Ты что-то хочет спросить?

Он пинает мяч об землю видимо не решаясь начать. Я не тороплю его.

— А Марина Игоревна останется с нами?

Я опускаюсь на свежую траву, и сын садиться рядом. Не люблю возвышаться над ним во время серьезных разговоров, а сейчас один из них.

— Я не знаю, Вась, — честно отвечаю ему. — У Марины Игоревны сейчас неприятности и я предложил ей пожить у нас. Будет лучше, если в школе про это не узнают.

— Понятно. Не маленький. — обижается сын, — итак говорят, что я ее любимчик, а если узнают, что она живет с нами... — он проводит рукой по шее.

— А ты что любимчик?

— Нет, — вздыхает сын, — у нее нет любимчиков. Она строгая, но хорошая. Пап, ты знаешь... она мне очень-очень нравится... А тебе?

Молчу какое-то время.

— И мне тоже, сынок.

— Ну так давай ей скажем об этом! У нас большой дом! Комнат полно. — задумывается и выдает, — я ей свою могу отдать!

— Зачем, если у нас комнат много?

— Ну, что бы она поняла, пап, что все серьёзно. Знаешь, вот когда Петька хотел со мной дружить он мне своего робота отдал на пульте. А я ему машинку.

Он смотрит на меня такими взрослым взглядом, но еще такими детскими глазами. Как же тебе это все объяснить сын... что не всегда можно обмениваться вещами и стать друзьями навек. У взрослых чуточку иначе.

— У Марины Игоревны есть муж. Муж, это человек...

— Пап, ну ты чо, как с мелким! Я что не знаю кто-такой муж по-твоему? — шмыгает он носом. — Муж это тот, кто защищает. Я вот Ольке предложил быть ее мужем, она мне учебником по лбу дала. Ей Мишка сейчас сменку из раздевалки таскает.

— Вот, — продолжаю, пытаясь скрыть улыбку, — Оля сделала свой выбор, пусть и не в твою пользу. Вот и Марине Игоревне надо решиться. Хочет она, что бы я ей сменку носил или нет.

— Пап, а она знает?

— Что знает, сын? — спрашиваю я.

— Ну ты ей говорил, что готов сменку ей носить? А то Олька сказала, что она ждала, что я ей предложу, а я не предложил. А Мишка предложил. Она так мне и сказала: Дурак что не предложил и хрясь мне учебником по башке.

— А ты?

— Не, ну а чо она начала? Сказал, что сама дура, раз не поняла, что я лучше Мишки и дал учебником ей по башке в ответ.

— Во-первых, по голове, а не по башке. Во-вторых, девочек бить нельзя. Ты вырастешь и станешь сильнее. Это как с котенком — он может тебя бояться и кусаться, но ты же не будешь обижать того, кто меньше тебя и...

— Алексей Васильевич!

К нам бодрым шагом идет Степан с большими коробками в руках.

— Вам с охраны позвонили, курьер привез!

— Спасибо, Степан. Отлично, вот и подарок.

— Кому?! — встрепенулся Васька.

— Не тебе. Марине Игоревне. Бери маленькую коробку, я большую, пошли в дом.

— А что там пап?

— Если ей понравится, то увидишь вечером.

Мы поднимаемся на второй этаж и стучим в ее дверь. Марина открывает нам, одетая в изящное красное платье до колен. Видимо она уже готовится к вечернему выходу.

— Это вам! — кричит Вася, — я не знаю, что там! Но папа сказал, что если вам понравится я увижу вечером! Вы покажете?

Марина заинтересованно открывает маленькую коробку.

— Туфли? — восклицает она.

— И платье вечернее. — я протягиваю большую коробку. — Я же обещал тебе купить новые туфли. Размер посмотрел на тех, что были в машине. А платье... Ну я тоже размер посмотрел, в твоих покупках...

— Алексей, не стоило... — растерянно говорит Марина, — я уже купила, — и

поправляет на себе платье.

— Я не настаиваю! Это просто мой вклад в твою... — подбираю слова, так и подмывает сказать: «Чтобы сегодня у твоего мужа челюсть отпала, и он понял, кого потерял!», но звучит это по-детски и сын рядом, — уверенность сегодня. Вот! Сын, на выход!

Васька уносится по своим делам, а я иду в кабинет. Вообще в планах было просмотреть документы и сметы, но через полчаса понимаю, что просто смотрю в одну и ту же точку. На часы. Я не хочу, чтобы она туда шла.

Но что я могу изменить? Это ее жизнь, ее семья, ее решение. А она взрослый человек. Я могу только ее поддержать.

Да, хочу, чтобы она осталась и никуда не ходила, или что бы точно вернулась сюда. Ко мне! Не к нему. Что сделает Марина, если муж попросит прощения? А если на нее надавят его родители? Это она сейчас говорит, что не хочет прощать, но какое она примет решение, известно только ей.

— Марина! — слышу возглас Людмилы за дверью кабинета, — Вы восхитительны.

Выхожу из дверей и замираю пораженным. Черное длинное платье изумительно подчеркивает ее фигуру, высокий разрез открывает прелестную стройную ножку. Марина убрала волосы в высокую прическу, открыв длинную шею и покатые плечи. В ложбинке декольте золотится маленький медальон.

— Ваааау! — кричит Васька, который появляется словно из-под земли. — Марина Игоревна! Вы такая красивая! А почему вы в школу так не ходите?

Марина спускается с лестницы слегка прихрамывая и держит в руках туфли на шпильке.

— Ты прекрасна! Тебе очень идет. — выдавливаю я из себя.

— Туфли переобую в машине, пока побуду в кроссовках.

Она стоит передо мной на ступеньке, и мы сейчас с ней одного роста. Мы просто улыбаемся и смотрим друг другу в глаза. Людмила вдруг забирает листок документов из моих рук и несет назад на мой стол, странно, я даже не заметил, что крутил его в руках.

— Сменка, пап! — громко шепчет Вася. — Не забудь сказать про сменку.

— Что? — одновременно с Мариной спрашиваем у Васи. Но он уже с самым заинтересованным видом листает телефон.

— Мариночка! — доносится сверху голос матери. — Я нашла.

Мама спускается к нам с черным клатчем в руках и протягивает его Марине.

— Мой любимый, на удачу! — хлопчет она.

— Спасибо вам всем большое! Я чувствую себя королевой!

— Ты она и есть. — улыбается мама.

— Поехали, я отвезу тебя в ресторан.

Мы уже почти выходим из дома, когда мама подзывает меня.

— Иди к машине, Марин, я сейчас. Да, мам, что?

Мама наклоняется к моему самому уху и шепчет:

— Ты будешь полным дураком, если позволишь ей вернуться к мужу. Я тебе этого никогда не прощу.

— Не беспокойся, мам, — шепчу ей в ответ, — у меня есть план! И я приступаю к его осуществлению!

Глава 24. Марина

— Притормози пожалуйста заранее, и я переобуюсь в машине. И выйду уже во всеоружии. — прошу я Алексея, когда мы едем в город.

— Как скажешь! — сегодня он постоянно смотрит в мою сторону.

— Смотри пожалуйста на дорогу, хоть иногда — смеюсь я.

— Извини, но я правда не могу оторваться. Ты невероятно красивая.

— Есть немного, — окидываю себя взглядом. — Это звучит нескромно, но я прямо чувствую себя как-то иначе. — подтверждаю я. — Это платье придает уверенности. Спасибо тебе и твоей маме за заботу.

— Красивый кулон, — продолжает Алексей. — Не замечал его раньше.

Я опускаю глаза в вырез платья, где висит подвеска. Обычно не ношу такое глубокое декольте. Да и не в школу же мне так ходить. Немного непривычно видеть себя такой яркой.

— Это мамино. — приподнимаю кулончик из ложбинки. — Остался после ее смерти. Я не часто его надеваю, но всегда ношу с собой в сумке на удачу.

— Я не знал, что твоя мама умерла. Ты не рассказывала мне. — его голос делается серьезным.

— Да, мы как-то оба мало что знаем друг о друге. — в тон ему отвечаю я.

— Пока мало! — парирует Алексей. — Зато теперь я знаю, что кофе с круассаном — это не твое!

— О, да!

— И я надеюсь, у нас будет время узнать друг друга получше, — он снова поворачивается ко мне и добавляет, — Обещаешь?

— Обещаю. — честно говорю я и смотрю на моего водителя.

Как быстро развиваются события! Я даже не успеваю понять, все ли я правильно делаю. Ведь я его действительно совсем не знаю. Да, у него хороший сын и я, кажется, нравлюсь его матери... У него есть дом и бизнес, но что я еще знаю о нем? Он добрый? Он жестокий? Какой он? Сейчас он заботится обо мне, но что это — реальная забота, или просто попытка покрасоваться?

Ведь и он совсем нечего не знает обо мне. Вчера, или уже сегодня, пол ночи болтали обо всем и не о чем. Но сколько должно пройти таких разговоров, чтобы понять, что это *твой человек*. Или для этого вообще не нужны разговоры?

Смотрю на его пальцы, спокойно держащие руль. Как мягко и спокойно он ведет машину. Уверенность, спокойная уверенность — вот что я чувствую рядом с ним. А он? Что чувствует он?

В жизни не поверю, что мужчина мог влюбиться в меня вот так за пару дней!

Как это мало, хотя эти два дня полностью изменили мою жизнь. Все перевернули с ног на голову.

Снова поднимаю взгляд на Алексея. Мне хорошо с ним. Мне кажется, что я могу ему доверять.

Доверять? Он не знает о ребенке... Что будет, когда я расскажу, что жду малыша? Нужен ли Алексею чужой ребенок? Вдруг он не примет меня или предложит выбор — отказаться от ребенка или быть с ним. Это сейчас он такой внимательный, но что он сделает, если узнает, что я беременна от мужа? Как поведет себя? Голова идет кругом!

Телефон в моей сумочке пиликает. Достаяю и читаю смску со знакомого номера:

«Постарайся не опаздывать. Ах, да! У тебя же нет денег на такси. Если нужна помощь — скинь адрес.»

Козел! Мой муж реально ведет себя, как последняя свинья! Ну и что мне делать с Глебом? Какой способ мести выбрать? Интеллигентный или не очень? Знаю одно — я точно не собираюсь его прощать. После всех его выходов — ни за что. Меня воротит от одной мысли о нем. Мразь! Сколько же я натерпелась от него за эти дни. Ни за что! Я ни за что не вернусь к нему! Опять он мне испортил настроение! Нечего, сегодня я тоже тебе его попорчу!

— Марин! — слышу я голос Алексея, — все в порядке?

— Да, все хорошо.

— У тебя все на лице написано. Ты не умеешь лгать.

Вздыхаю и зачитываю смс вслух.

— Знаешь, — продолжаю я, — после всего этого я действительно хочу ему отомстить!

— И что ты планируешь сделать?

— Буду смотреть по ситуации: вылью ему коктейль на рубашку или швырну в лицо омара. А еще твоя мама положила мне в клатч сильное слабительное!

— Ты опасная женщина, Марин. — полушутя, полусерьезно говорит Алексей. И останавливается на светофоре. — Открой свою книгу контактов и дай мне телефон, пожалуйста.

Я протягиваю ему черный прямоугольник. Он начинает что-то вводить там.

— Вот так. — он возвращает мне телефон — Теперь у тебя есть мой номер. Позвони мне я приеду и заберу тебя. В любое время, из любого места. Если ты, — я чувствую, что ему тяжело подбирать слова, но он старается справиться с волнением, — если ты все же решишь простить его...

Я пытаюсь что-то начать говорить, но ладонь Алексея накрывает мои руки, и я замолкаю.

— Если ты решишь простить его, — повторяет он, — я пойму и отступлю. Он твой муж. Хоть и мерзавец. Если захочешь дать ему шанс, — он поворачивается и смотрит мне в глаза долгие мгновения, — дай шанс и мне побороться за тебя. Я не хочу отдавать тебя без боя. Договорились?

— Договорились, — мое горло пересыхает от волнения.

— Марин, я не умею отгадывать женские мысли, и ты, наверное, это уже поняла. Поэтому прошу — просто скажи мне. Как есть.

Мы тормозим у ресторана. Мне пора выходить. И впервые за все это время, мне в голову приходит мысль, а может не надо туда идти? Проще же все сказать по телефону.

Проще — да. Но для меня этого мало.

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Нет, — смело отвечаю я, — эта история началась без тебя и пусть без тебя она закончится.

И тут я сама повинуюсь порыву беру его за руку.

— И пусть начнется что-то новое! — произносит Алексей. Он поднимает мои пальцы к своим губам.

— Ты нужна мне, и я буду с тобой всегда, если ты этого захочешь.

Я выхожу из машины и поднимаю руку ему вслед на прощание. В голове крутятся его

последние слова. Это же признание... Он признался мне! Да, он не сказал, что любит меня, но это слова, этот взгляд. Вчерашний вечер на балконе... и... и в душе... и вообще все это!

Что ж, пусть начнется что-то новое, но сначала я поставлю точку в старом. Пора.

Я подхожу к ресторану и на секунду задерживаюсь перед дверью. Теперь я знаю, что все делаю правильно!

Швейцар смотрит на меня выжидающе. Смотрю на часы в телефоне. Шесть тридцать.

Я вхожу в зал. В самом центре, на возвышении стоит столик, за которым уже сидят Давид Григорьевич и Изольда Марковна. Разумеется, Глеба еще нет. Он так и не смог правильно запомнить время.

С высоко поднятой головой иду к ним, мимоходом отмечаю на себе заинтересованные взгляды мужчин. Даже почти не обращаю внимания на боль в ноге, сейчас все это не важно.

Мой свекр замечает меня первым.

— Марина, птичка! Ты восхитительна! — он подает мне руку, чтобы я поднялась по ступенькам к их столику. Свекр усаживает меня на стул, и тихо говорит в самое ухо:

— Пол седьмого, и ты пришла одна. Что и следовало доказать. У меня к тебе много вопросов, птичка. Начнем с простого — где Глеб?

Глава 25. Марина

— Да-да! Что и требовалось доказать! — зло произносит Давид Григорьевич. — Я уверен, что прав.

Но смотрит он не на меня, а на Изольду Марковну. Улыбка сначала застывает, а потом сползает с ее ухоженного лица.

— Ну с чего ты это взял, Давид, успокойся! И говори потише. На нас смотрят.

— А я тебе говорю, что он принялся за старое! И если он думает, что я забыл или шутил, когда поставил ему условие, ну так вот, он ошибается.

Я перевожу взгляд со злого Давида Григорьевича на краснеющую Изольду Марковну и не понимаю, что происходит. Это явно отголоски какого-то важного спора, окончание которого я сейчас наблюдаю. Что ж, просто постараюсь придать лицу невозмутимый вид.

— Может Марина сейчас нам все объяснит, — цедит моя свекровь, — Мариночка, а где Глеб? И почему вы пришли не вместе?

Сейчас или не сейчас? Нет, пока у меня мало информации об их предыдущем разговоре. Надо найти правильный момент. Глупо это делать без Глеба, хочу посмотреть, как он будет выкручиваться.

— Он немного задержался по делам. Будет к семи, видимо.

Всей кожей ощущаю цепкий, пристальный взгляд свекра.

Ай да Давид Григорьевич... Он расставил ловушку, и я в нее попала. Получается мне он сказал одно время, а Глебу другое. Поэтому-то Глеб и назвал мне время на полчаса минут позже. Но зачем? Какой в этом смысл? Я не понимаю. И вообще, почему я так уверена, что это ловушка для *меня*? Возможно, идет какая-то игра, а я ней просто пешка. Ну что ж... наберусь терпения и подожду.

— Ты восхитительно выглядишь, дорогая, — улыбается Изольда Марковна, — у тебя новое платье, и ты такая в нем... — она пытается подобрать слово, — красивая.

Она окидывает взглядом мои открытые плечи и грудь. Да, я раньше носила более закрытые платья. А Глеб никогда не говорил, что я красивая. Милая, симпатичная, прелестная, но не красивая. И ах, да! Мое ласковое домашнее имя было «мышонок». Ну что ж. Оно явно мне не соответствует сегодня.

— Это правда птичка, ты прекрасна. — Давид по-отечески берет меня за руку. — Впрочем, как и всегда! Поверь старику.

Он бросает взгляд на супругу. За столом снова возникает тишина. Кажется, он хочет со мной поговорить, но без своей жены рядом. Изольда поджимает губы и старается незаметно взглянуть на часы. Пауза за столом затягивается.

— Ой, — вдруг восклицает моя свекровь, глядя на свой бокал, — я, кажется, совсем стерла помаду. Извини дорогой, я в дамскую комнату. Милая, составь мне компанию, — голосом, не терпящим возражения, говорит мне она.

Я следую за ней и стоило нам остаться вдвоем у зеркала, как она тут же кидается ко мне:

— Какого черта у вас там происходит? Почему ты явилась без Глеба?

О, как это интересно! За четыре года, что я знаю свою свекровь, еще ни разу я не видела ее в таком состоянии. Что происходит?

— Я же сказала, Глеб задерживается по работе. — самым спокойным тоном отвечаю я и

выдерживаю ее взгляд. Мое лицо остается невозмутимым, и Изольда Марковна, кажется, успокаивается.

— Хорошо, — выдыхает она. — а то Давид себе уже нафантазировал невесть что.

— Например? — равнодушно уточняю я.

— Ой, мой муж выдумал глупость, что ты ушла от Глебушки. — нервно продолжает свекровь и достает свою красную помаду, — Представляешь! Ну и чушь! Как ему в голову пришло такое, что ты можешь уйти от Глеба?

— Почему чушь? — невозмутимо спрашиваю я.

Брови моей свекрови ползут вверх, искажая ее лицо.

— Потому что надо быть полной дурой и тупой овцой, чтобы уйти от моего сына.

С каждой минутой нашего разговора мне делается интереснее. В чем же дело? Раньше Изольда Марковна себе никогда такого не позволяла.

— Особенно в твоем случае, — бросает она фразу, растягивает рот перед зеркалом и начинает елозить по губам помадой.

— А чем же мой случай такой уникальный? — продолжаю играть дурочку я.

— Марин, ну не зли меня, хоть ты, а? Хватит проделок этого старого интригана. Что ты хочешь, чтобы я тебе сказала? Что я считаю, что ты вытащила счастливый билетик в виде Глеба? Да, это так. Кому ты была нужна после своего ПТУ.

— Института, — поправляю я.

— ПедИнститута, дорогая — ну это же... — она делает жест рукой. — Марин, опирается она на раковину и смотрит на меня. — Я ни разу за все эти годы не говорила тебе, но видимо должна наконец сказать — я никогда не была рада, что Глеб выбрал тебя. Да, ты милая, очаровательная простушка из рабочей семьи с трогательной историей. Сиротка, все дела. Но ты никогда не была ровней Глебу. Да и не станешь. Сколько ты получаешь в своей школе? Двадцать — тридцать тысяч в месяц? Ты знаешь сколько стоит это платье? Конечно нет! Это платье не могут себе позволить такие девушки как ты! И выглядишь ты сегодня так, только благодаря Глебу. И в этом ресторане ты можешь ужинать, только благодаря нам. И твоя основная задача быть благодарной моему сыну и улучшать его быт, отвечать на его просьбы и рожать детей. С последнем, кстати, ты так и не в состоянии справиться.

Я пытаюсь открыть рот, но она меня тут же перебивает.

— И молчать, Марин! Молчать и радоваться, что у тебя есть Глеб! И закрывать глаза, ели у него появиться шалости, ты поняла? — ее голос делается стальным, — и никому никогда об этом не говорить.

— Маленькие шалости — это любовницы? — уточняю я и начинаю всерьез думать о капельках от Елизаветы Ивановны. Но не для Глеба.

— Даже в слух не смей произносить это слово! Счастье Глеба — залог твоего хорошего существования! Вот этого, Марин! — она пытается ухватить меня за платье. — И да, ты будешь закрывать глаза, если он захочет себе устроить маленькое приключение.

Она приближается ко мне и глаза ее просто сверкают от ярости:

— И даже, если это является правдой, ты никогда не откроешь свой рот, чтобы это озвучить. Тем более моему мужу! Ты поняла?

Да что происходит-то?! К чему эти разговоры и ее нервное поведение. Даже если Глеб изменяет мне, а это так и есть, то к чему это все? Не я первая, увы и не последняя женщина, которой изменяют. Возможно, я даже не первая, кому изменяет Глеб... Я ведь почти ничего не знаю о его жизни до меня.

Но что-то еще прячется за ее словами. Что это? Это не ненависть ко мне, нет... Она пытается оскорбить меня, но что скрывается внутри нее? Я смотрю, как Изольда Марковна пытается накрасить губы и у нее дрожат руки. Дрожат руки, как от страха.

Это страх! Она боится? Но чего?

Да, меня так и подмывает все ей высказать в лицо. Я хочу увидеть, как полезут на лоб эти нарисованные бровки, но пока я просто молчу. Какая интересная картина вырисовывается. Кажется, я не все знаю о семье моего мужа. Совсем не все. Ну что ж, видимо у меня в рукаве появился еще один козырь, осталось понять, как его разыграть поэффектнее. Ну а в том, что я это сделаю, я уже вообще не сомневаюсь.

И тут еще одна мысль приходит ко мне, и я ели сдерживаюсь, чтобы не засмеяться.

А с каким выражением лица она будет бегать от нашего столика до дамской комнаты? Добавить ей двадцать капель или все же тридцать? Хорошо иметь тайное оружие, даже если не будешь им пользоваться.

Мы возвращаемся за стол как раз вовремя. Я едва опускаюсь на стул, как вижу, что Глеб заходит в зал.

Представление начинается!

Глава 26. Марина

Глеб замирает при входе в зал и быстро находит нас взглядом. Он направляется к нам и кажется он слегка удивлен, что я уже сижу с его родителями. Я свободно откидываюсь на стуле и обворожительно улыбаюсь ему. Он застывает и цепким взглядом пробегает по мне, останавливается на моем декольте, но тут же берет себя в руки.

— Дорогая, — идет он ко мне, и наклоняется, чтобы поцеловать.

Я подставляю ему щеку. Его мать сверлит меня долгим взглядом. Впрочем, и Давид Григорьевич не спускает с нас глаз. Ощущаю себя словно актрисой под прожекторами.

— Ты задержался, милый, — говорю в тон ему.

— Пришлось проверить документы по сделке после праздников.

— Какие-то трудности? — поднимает бровь мой свекр.

— Я уже все благополучно решил, пап. Ты уже сделала заказ, дорогая?

— Я пока заказал ваши любимые салаты и шампанское, — Давид Григорьевич делает знак официанту и тот направляется к нам с четырьмя фужерами.

Мы берем бокалы, и Глеб встает, лучезарно улыбаясь. И возможно только я вижу, как зло горят его глаза.

— Итак, я поднимаю этот тост за мою прекрасную жену, удивительную и загадочную женщину со многими скрытыми талантами, которые я в ней не подозревал!

Он смотрит на меня, не спуская глаз и залпом осушает свой бокал и садиться рядом. Я делаю вид, что пью.

— Ой, а ты Мариночка пьешь? А я все жду, когда же ты скажешь нам, что тебе нельзя алкоголь, — вот бы это был праздник, мы так заждались. — мило щебечет моя любимая свекровь.

Намек понятен. Остановка за столом накаляется.

— Мы работаем над этим, мам. — говорит Глеб и начинает ерзать на стуле.

— Особенно Глеб, — с холодной улыбкой говорю я, — трудиться над этим вопросом неустанно.

— Потанцуем, — вдруг спрашивает меня мой муж.

— Ой, я кажется обронила в дамской комнате пудру, — говорю, глядя в глаза Изольде Марковне и поднимаюсь со стула, — Извини дорогой, я на пять минут.

Мне надо передохнуть от этой комедии. За столом такой наэлектризованный воздух, что там просто невозможно дышать. Заворачиваю за угол к дамской комнате, на секунду задерживаюсь перед входом, и вдруг почему-то оборачиваюсь. Как раз вовремя, чтобы заметить, как мимо ниши, где я застыла, проходят Глеб с матерью. Прижимаюсь к стене. Они сворачивают ко второму залу. Осторожно иду за ними.

Во втором зале видимо празднуют свадьбу, доносятся возгласы ведущего и звучит громкая музыка. Глеб с матерью застыли посреди коридора и о чем-то говорят. По их лицам видно, что это не приятный разговор, который ведется на повышенных тонах, но музыка все равно перекрывает часть их диалога.

— Я тебе говорю, он совершенно серьезно настроен! — шипит моя свекровь.

Глеб смотрит на нее обескуражено и кажется я вижу в его глазах неподдельный ужас, он тербит свой галстук.

— Он не может так поступить со мной!

— Он просто в бешенстве. И сказал, что если ты...

— Горько! Горько! — доносятся крики ведущего в микрофон.

— Он что не шутил тогда, когда поставил такое условие?! — бормочет Глеб.

— Поднимем тост за молодых! — снова доносится из зала.

— Ты же не дашь ему повода? — возмущается Изольда Марковна.

Глеб что-то бормочет в ответ. Я не могу разобрать слов за громкой музыкой.

— Я пригрозила ей! — продолжает его мать, — Делай что хочешь, что, но если он узнает ты он может лишит тебя всего!

Изольда Марковна поправляет Глебу галстук и кажется они собираются возвращаться в зал. Я быстро иду в сторону туалета и делаю вид, что только что вышла, когда они идут мне на встречу.

На Глебе нет лица, он замечает меня и хватается за руку.

— Ты же обещала мне танец.

— Мне кажется в нашем зале не танцуют. — я пытаюсь вырваться из его хватки.

— Значит мы будем первыми, — нервно продолжает мой муж тащить меня за собой.

Мы входим в наш зал, и он ведет меня на небольшую сцену в конце помещения. Давид провожает нас улыбкой и поднимает бокал в нашу сторону.

— Ну здравствуй, — Глеб резко разворачивает меня и с силой прижимает к себе. — Ты сегодня такая красивая. Я и забыл, какая ты у меня, Маринка! Новое платье! Ты потрясающая! Это для меня? Ты все-таки решила побороться за наш брак, чертовка?

— Ты в своем уме, Глеб?

— Конечно, нет, дорогая! Я без ума от тебя! Разве можно быть рядом с тобой и не сойти с ума от твоей красоты, малыш?

— Прекрати нести этот бред! Мне больно! — зло отвечаю я. Он действительно делает мне больно. Так сильно вцепился в мою руку, что там будут синяки.

— Мариночка, солнышко! Мне тоже очень больно! Я так виноват перед тобой, — он кружит меня по сцене, — ты самое главное, что у меня есть. Ты и наша семья. Я хочу, чтобы ты это знала.

Какие-то новые интонации пояись в его голосе. Заискивание?

— Глеб, — не выдерживаю я и останавливаюсь, — что за комедия сейчас происходит?

— Как ты жестока ко мне, любимая. — он с силой прижимает меня к себе, — я заслужил, я знаю... я все исправлю, я обещаю тебе! Просто не уходи! Просто останься со мной. Я сделаю все что ты скажешь

— Что ты несешь, Глеб?!

— Хочешь, я съеду из нашей квартиры, чтобы ты пожила там одна. Я буду дарить тебе цветы, каждый день. Я сделаю все, чтобы вернуть твою любовь.

— Ты будешь блокировать мои карточки и слать смс с угрозами?

— Какие угрозы, малыш. Я просто запаниковал, что могу потерять тебя. Я признаю — я был неправ.

— Пойдем за стол. — я пытаюсь вырваться из его рук.

— Подожди. — он прижимает меня к себе, — Давай решим наши проблемы позже, не сегодня? Я не хочу расстраивать маму и отца. Дай мне шанс, а потом, если я не смогу вернуть твое доверие, мы расскажем им. Но чуть позже.

— Отпусти меня. — говорю я ему с натянутой улыбкой и наконец выдергиваю свою руку и быстро ухожу с танцпола. Придурок!

— Посмотри, как у них все хорошо, — слышу я шёпот Изольды, когда подхожу к столику и ловлю остаток фразы, — Нет причин лишать его наследства! Мариночка! — громко говорит она, заметив меня, — а что так скоро? Вы с Глебушкой такая прекрасная пара мы так любовались вами.

Бинго! Пазл в моей голове складывается. Теперь я понимаю причину страха его матери. Но неужели это из-за меня? Вряд ли. Вероятнее всего, я до сих пор знаю *не все*. Но теперь мне понятна внезапная вспыхнувшая любовь мужа ко мне. Ну что ж. Мне терять нечего. Я готова играть дальше. А вот готов ли ты Глеб?

Ну что ж! Мой выход!

Глеб возвращается следом за мной и садиться рядом. Я придвигаю к себе тарелку с салатом, незаметно толкая ее в направлении мужа. И...

— Ой, Глеб, извини! — причитаю я, когда перевернутая тарелка оказывается у него на коленях.

Изольда Марковна вскрикивает, муж смотрит на меня испепеляющим взглядом и к нам подбегает официантка.

— Надо срочно ополоснуть, милый, — щебечу я, — снимай пиджак, он помешает тебе в туалете. Давай скорее, я помогу!

Все в ресторане поворачивают головы на нас, муж вешает пиджак на спинку стула и чертыхаясь уходит в сторону уборной. Как у меня колотится сердце! Но все должно получиться! Я быстро правой рукой открываю свою сумочку, наклоняюсь к пиджаку мужа с салфеткой. Так, словно хочу вытереть стул и левой рукой ныряю в карман его пиджака. Да, вот он! Еще во время танца, я заметила, что там лежит его телефон. Быстро под столом прячу его телефон в свою сумочку.

— Я помогу, Глебу! Посмотрю, вдруг ему нужна помощь!

И пока моя свекровь мне нечего не ответила, выбегаю из зала и сворачиваю в женский туалет. Запираюсь в кабинке и достаю его телефон.

Если я никогда не позволяла себе залезать в его телефон, то просто потому что уважала Глеба, а не потому что не знала пароля. Провожу пальцем по экрану. Да! Зигзаг сработал. Как хорошо, что Глеб не ставил отпечаток пальца. Открываю контакты. Где тут у нас Леночка?

О! Милый, да ты писал ей прямо у входа в ресторан, судя по времени отправки сообщения. Пробегаю глазами. Отлично, он сказал Ленке, что идет на встречу с родителями и со мной. На секунду задумываюсь и набираю:

«Бери такси! Быстро беги сюда. Я выгнал эту клушу, мои родители мечтают познакомиться с матерью их внука. Твой котя!»

Спасибо вам за ваши переживания в комментариях! Продолжение истории уже завтра!

Глава 27. Марина

Возвращаюсь в зал с бешено стучащим сердцем. Глеба еще нет. Отлично.

— Я подумала, что все же не тактично идти за мужем в мужской туалет, — объясняю я.

Сойдет. Мне уже немного все равно, как это выглядит со стороны, но вроде никто нечего не понял. Сейчас надо проделать процедуру с телефоном назад. Это у меня уже выходит чуть лучше. Надо же! У меня есть скрытый талант карманника. Горло пересыхает от волнения. Делаю большой глоток воды из бокала. Все. Можно выдохнуть. Я молодец! Хорошо знаю свою сестру, ее любопытство возьмёт свое и она обязательно примчится. Главное — дотянуть время до ее приезда.

Возвращается Глеб с мокрым пятном на брюках. О, если бы он мог убивать взглядом, я бы сейчас упала замертво под стол.

— Прости, дорогой. — мило бормочу я.

— Все хорошо, любимая, — цедит он сквозь зубы.

— Я уверена, что потом мы будем вспоминать эту ситуацию и смеяться. Долго-долго.

Главное не переиграть, а то Давид Григорьевич все с возрастающим интересом наблюдает за мной.

— Может, мы закажем горячее? — предлагаю я.

Специально долго выбираю блюдо, и скрыто радуюсь, когда официантка говорит, что мраморную говядину придется подождать. Это нечего. Я с удовольствием подожду. Ровно столько, сколько нужно!

И вот, когда моя говядина уже стоит передо мной, я замечаю в дверях зала знакомую фигуру. А по легенде меня тут быть не должно.

— Прошу извинить, — вскакиваю я. — хочу еще раз сполоснуть руки.

Изольда Марковна хочет отойти за мной, но свекр кладет руку на ее колено и что-то шепчет на ухо.

Мне показалось или он слегка улыбнулся мне в след?

Коридор к женскому туалету сегодня мое самое надежное укрытие. Я опять замираю возле стены. Леночка обводит глазами зал в поисках Глеба. Он сидит к ней спиной, и не может ее заметить, иначе я думаю, он был бы просто сражен! Выглядит моя сестричка просто восхитительно: суперкороткое леопардовое платье с огромным декольте и ее любимые туфли на огромной шпильке.

— Котя! — наконец кричит Ленка, и я вижу из укрытия, как вздрагивает Глеб и медленно поворачивается.

О! Эти глаза дорогого стоят. Я читаю в них все: страх, ужас, гнев и неизбежность.

— Котенька, привееет! — продолжает кричать моя сестра на весь зал и бросается к нему на встречу.

Ее ноги смешно разъезжаются по каменному полу. Женщина за соседнем столиком демонстративно прикрывает глаза рукой, когда Ленка на шпильке взбирается по ступенькам к столику, и ее короткое платье еще больше задирается вверх.

— Что ты тут делаешь? — Глеб настолько обескуражен, и у него нет сил изображать, что они не знакомы.

— О! Шампусик! — кричит Ленка, — Ура, вы уже празднуете, да?

Она выхватывает у него бокал и залпом выпивает до дна.

«Ох, Ленка! Ты же беременна!» — мысленно восклицаю я.

Весь ресторан замер и в изумлении смотрит на этот спектакль.

— Вы, простите кто, юная...ээээ... леди, — спрашивает Давид Григорьевич в шокированном состоянии.

— И что мы должны праздновать? — побелевшими губами произносит Изольда Марковна.

— Как это что?! — Ленка падает на мой стул. — Котя еще не сказал? Готовься стать бабушкой, мамаша! — Ленка залихватски бьет ее по плечу и заливается смехом. — Ой! Говядинка! — указывает она на мою тарелку, — Я на правах беременной, начну есть! Спасибо, что заказал, котя! — заканчивает она с набитым ртом.

Пока они не пришли в себя, я подхожу к столику.

— Знакомьтесь — это Лена! — громко говорю я, — Моя младшая сестра. Изольда Марковна, вы так давно хотели внуков — Глеб и Леночка с радостью готовы вам его подарить!

Глеб меняется в лице, хотя мне кажется, побелеть еще больше было просто невозможно. Изольда Марковна, напротив, краснеет, словно рак.

— Ой, а что ты тут... — начинает Ленка.

— Кушай молча! А то подавишься! — прерываю я ее. И она покорно затыкается.

— Наслаждайтесь новой невесткой, — говорю я, глядя в глаза свекрови, — и новой женой, — это уже адресую Глебу. — Что такое, Изольда Марковна? — моя свекровь по-прежнему просто пускает ртом воздух, — Да, я понимаю! Вы нечего не можете сказать? Видимо это от счастья, не так ли? Глеб, дорогой мой муж, мечты должны сбываться! Я так за вас за всех рада! Но совершенно не хочу иметь с вами больше общего! Я подаю на развод!

«И идите вы к черту!» — мысленно завершаю я.

Резко разворачиваюсь и уже почти дохожу до выхода из ресторана, как кто-то хватается за руку и со всей силы прижимает к стеклянной двери. В отражении вижу горящие глаза моего мужа.

— Что, Глебушка? Поднимешь на меня руку?

— Ты только что сломала мою жизнь, и горько пожалеешь о своей выходке. А сейчас иди и живо объясни моим родителям, что это ты во всем виновата!

Глава 28. Марина

— Убери руки! — восклицаю я и скидываю ладонь мужа со своего плеча. — Ты сам это все устроил, сам все родителям и расскажешь. Будь мужчиной Глеб! Ты же уже взрослый! Пора начать нести ответственность за свои поступки. — и не давая не секунды ему опомниться продолжаю, — Давай, беги к моей сестре. И успокой свою маму, ей будет не легко принять, что у нее наконец появится внук.

— Дрянь! Я уничтожу тебя! — шипит на меня Глеб.

— Глеб! — разносится по ресторану зычный голос моего свекра.

Мой муж смотрит на меня долгим взглядом полным ненависти. Мне так и хочется съёжиться, но я держусь.

Наконец, он отпускает мое плечо и возвращается в зал.

Я быстро выхожу из ресторана и сворачиваю за угол. Хорошо, что у Глеба хватает мозгов не идти за мной. Перевожу дыхание.

Я все это сделала! Я смогла!

И тут в голову приходит грустная мысль, а ведь я так и не влила слабительного никому из этой семейки! Все мое напряжение разом спадает, и я начинаю смеяться. Нет, я не стала бы так делать! Хотя... Вот уж не знаю, все же сегодня Изольда Марковна была на волосок от быстрых прогулок в сторону туалетной комнаты. Даже не представляла, что свекровь настолько меня ненавидит. Но она наказала себя сама — впереди ее ждут интересные годы общения с моей сестрой, а Леночка и не такое ей может подсыпать.

Хотя, если я поняла все правильно, у неё действительно есть повод волноваться за Глеба. Вот так Давид Маркович! Неужели, он действительно готов лишить сына всего? Интересно из-за чего? Не из-за меня же... нет, я конечно, себя люблю, но я не настолько важная персона в их семье.

Зато какой же мерзавец мой муж! Какой хитрой змеей он забегал передо мной, когда запахло жареным! Интересно, он и правда сделал бы все что угодно, лишь бы я его не выдавала? Подлец!

Сделал ребёнка моей сестре — так теперь и живи с этим. Изольда Марковна будет в восторге! Хотела внука — получайте — распишитесь.

Хотя... Ведь я тоже ношу под сердцем ее внука, или внучку... Не хочу им говорить про это! Это мой ребенок. Мой и точка! Постараюсь сделать так, чтобы они узнали о малыше как можно позже. Или вообще никогда! А я еще жалела Глеба — он муж, он имеет право знать! Не имеет! Да, я жду ребенка от подлеца, и не хочу ему говорить!

Я достаю телефон. Надо позвонить Алексею. Но видимо стоит отойти подальше от ресторана. Вдруг Леше понадобится время, чтобы доехать до меня, а здесь я рискую столкнуться с кем-то из моей чудесной семейки.

В пятнадцати минутах от ресторана есть парк, наберу ему оттуда.

Путь до парка с больной ногой занимает чуть больше времени, в конце я уже просто мечтаю скинуть туфли и рухнуть на лавочку. Парк оказывается полузаброшенным. Ну и ладно, зато никто не увидит, что я сейчас буду сидеть босиком. Ближайшая скамейка сломана. Приходится идти дальше. Наверное, это была глупая идея. Мне приходится уйти в глубь прежде чем нахожу целую и чистую скамейку. Наконец с радостью скидываю туфли. Свобода!

И вместе с ощущением свободы от снятых туфель, с меня словно падают оковы от связи с мужем.

Я свободна! И я чувствую это и дышу полной грудью! Какое это прекрасное слово!

Да, впереди ещё развод, но я знаю, что справлюсь!

О, как это было здорово! Как прекрасно было видеть их лица, когда пришла Леночка! Снова вспоминаю, как вытянулось лицо Глеба, когда он увидел мою сестру в ресторане. И я бы в жизни не подумала, что брови моей свекрови могу взлетать так высоко. Какое же глупое выражение лица у них было!

О, да! Моя сестра никогда не отличалась ни умом, ни сообразительностью. Думаю, часть концерта продолжалась, после того, как я ушла.

Сижу босая на скамейке и задумчиво верчу в руках мамин медальон. Жалко ли мне мою сестру? Ничуть! Я так долго ей помогала и решала её проблемы, и она меня отблагодарила тем, что решила увести моего мужа. Пусть сейчас наслаждается «триумфом», что заполучила такого мерзавца. Как знать? Может Глеб действительно найдёт с ней свое счастье? Туда ему и дорога.

А я? Где мое счастье? Есть ли оно у меня?

Конечно есть! Что за грустные мысли! Мое счастье начнется на букву «А». И пора уже ему позвонить и сказать, что я освободилась.

Я достаю телефон из сумочки и начинаю листать записную книжку.

— Смотри, Колян, у этой цыпы телефончик зачётный! На бутылку хватит!

Сзади меня хватают за руку и с силой вырывают телефон.

— Кто вы? Что вам надо?

Кто-то перешагивает через лавочку и перед моим лицом, возникает омерзительный мужик. Он пьян и видимо — это его основное занятие в этой жизни. От него пахнет дешёвым алкоголем и запахом давно не мытого тела.

— А что это у нас тут такое? — развязно спрашивает он, крутя телефон в своей ладони.

— Отдайте, — притягивают руку и пытаюсь вырвать свой телефон назад.

— Не рыпайся! — чьи-то руки резко возвращают меня на скамейку.

Значит он не один? Их двое? Мельком оглядываю парк — никого нет рядом, чтобы попросить о помощи.

Мои руки начинают неметь от ужаса. И я приказываю себе успокоиться.

— Отдайте телефон, — делаю я ещё одну попытку взять ситуацию под контроль. — Или я буду кричать!

— А вот кричать не надо! Сумочку лучше отдай! — у меня из рук выдирают сумочку.

Все это время я аккуратно подталкивала туфли к себе поближе. Сейчас стараюсь как можно незаметнее обуться. Бежать на шпильке не получится, попробую действовать иначе. Человек сзади меня уже не держит, а тот, что впереди утыкается в мой телефон и пытается его разблокировать.

Я резко вскакиваю и одним прыжком оказываюсь рядом с мужиком, держащим мой телефон. Он не ожидает моего маневра и не успевает ничего сделать, как я со всей силы наступаю ему шпилькой на выдавший виды кроссовок, и кажется протыкаю его насквозь.

— Ах, тыж...

Алкаш сгибается пополам от боли и падает. Второй в этот момент перепрыгивает скамейку, но я уже обогнула лежачего мужика и толкают его под ноги бегущего. Они сваливаются в кучу. Это дает мне немного времени.

Скидываю шпильки и начинаю бежать. Выброс адреналина такой сильный, что почти не ощущаю боль в ноге. Но тут я оступаюсь на камне, нога подламывается, и я лечу на асфальт выставив перед собой руки. Чувствую, как сдираю кожу на ладонях. Мои волосы выбиваются из причёски и почти закрывают мне глаза.

Грубые руки рывком поднимают меня с земли. За спиной чувствую смрадное дыхание алкаша.

— Коляна жалко. — дышит он мне в ухо. — Коля хотел по-хорошему, значит я буду по-плохому.

И в эту секунду что-то острое касается моей шеи. Неужели нож?

Глава 29. Марина

Мне всегда казалось, что слова «жизнь пролетает глазами» — это просто красивая фраза. Ну как может промелькнуть двадцать пять лет жизни в одну секунду?

Оказывается, может. Эта секунда растягивается и между двумя ударами сердца можно действительно увидеть почти все события жизни.

Мне семь, Ленке два. Папы больше нет. Просыпаюсь, грустно веду сестру в сад, иду в школу, забираю Ленку, кормлю, укладываю спать. Вздыхаю над своими уроками. Мама еще не пришла с работы.

Мне двенадцать, Ленке семь. Встаю, веду сестру уже в школу, вечером делаю уроки за себя, помогаю сестре. Ругаемся. Она всегда ленится. Ложимся спать. Мама придет поздно.

Мне пятнадцать, Ленке десять. Канун нового года. На пороге нашей квартиры милиционеры. Водитель грузовика, автобус, авария — набор простых, но очень жутких для меня слов. Теперь мы вдвоем. Баба Нюра из деревни, которая приезжает редко. Но мы не в детдоме. Все на мне. Мне страшно, но я не подаю вида.

Мне шестнадцать. Утро — устало разнести письма до школы, разбудить сестру, вытолкать ее в школу. День — учеба. Вечер — снова помыть полы в магазине, там платят и помогают едой, но страх голода не отступает. Потом сделать уроки, найти Ленку за гаражами, заставить ее сесть за уроки. Махнуть рукой, сделать за сестру все самой. Глаза слипаются. Утром перед школой снова работать.

Мне восемнадцать. Пединститут. Уговариваю директора дать Ленке закончить девятый класс. Экономлю на всем. Ругаюсь с Ленкой за ее траты. Много сержусь, но люблю мою младшую сестру.

Мне двадцать один. Работаю за нас двоих, учусь. Глеб. Через год диплом, свадьба, работа в школе.

Обычная жизнь. И она действительно пролетает перед моими глазами за два удара сердца. Как оказывается растягивается время, когда к горлу приставлен нож.

Я попытаюсь сглотнуть и чувствую, как сталь плотнее упирается в кожу на шее.

— Сумку ее глянь, Колян! Хорош валяться!

— Эта дрянь мне ногу сломалааа, — вопит валяющийся мужик.

— Это что у нас тут такое? — его руки выгаскивают мамин кулончик и резко срывают его с меня. Цепочка рвется, обдирая мне кожу. — Лови, Колян! Тут даже на две бутылки хватит! Ты же не обидишься, красotka?

— Не обижусь, забирайте!

Какой же глупый был поступок пойти сюда! Так обидно и так стыдно! Среди бела дня встретиться с этими двумя алкоголиками. И где была моя голова!

— Вот и молодец! Ну, мы пошли! — говорит стоящий передо мной мужик и убирает свой нож.

— Ах ты гад! На! Получай по хребтине! — раздается звонкий голос.

— Что за...? — орет мужик и оборачивается.

— Вася?! — кричу я.

Можно побить врагов палкой, мечом, саблей, но у моего, непонятно откуда взявшегося в парке, рыцаря в руках самокат, которым он бьет по ногам моего обидчика.

— Вася! Что ты тут делаешь?

— Ах, тыж, щенок! — мужик приходит в себя и потирает ушибленную ногу, — Колян, да хорош валяться! А тебе, сопляк, я щас руки оторву!

— А ну-ка отошел от них!

Я оборачиваюсь на этого голос и вижу, как на дорожку выбегает Роман. Он останавливается перевести дух. И тут что-то проносится у меня перед глазами похожее на силуэт Алексея и точным ударом сбивает моего обидчика на землю.

— Так его, пап! — радостно верещит Вася.

— Леха! Только не убей этого мерзавца! — подает голос Роман.

Да уж, этого нам точно сейчас не нужно!

— И не подумаю! — слышу я гневный голос моего спасителя. И в сторону алкаша опять летит кулак Алексея.

Замечаю, что мужик что-то достает из-за пазухи.

— Осторожно! У него был нож! — в ужасе кричу я.

— Жууууб! — орет алкаш. — Ты мне зуб шломал! Это не нож!

Алексей что-то подбирает с земли.

— Успокойся! — он показывает мне тонкую железную палочку, похожую на длинную шпильку для волос или палочку для суши.

— Какой ужас, — шепчу ослабленным голосом, — я так испугалась, что правда решила, что это нож.

— Нет, — верещит мужик и шмыгает носом, — мы просто на бутылку хотели. Очень хотелошь пиить... мы не душегубы!

— Вы просто разбойники! — кричит Вася, крутя в руках самокат, — я так и понял, как вас увидел!

Я вообще перестаю что-то понимать:

— Вася, ты то как тут оказался?

— А вы как думаете, кто папе позвонил? Вы, когда от нас уехали, я гулять пошел, — тут он опускает глаза в пол, — в сторону ресторана. Я просто слышал, как вы про него говорили! Ну мало ли! Нет, ну пап, не смотри так на меня! Я катался в сквере напротив, смотрю вы, Марина Игоревна, вышли. Думал, сейчас папка подъедет, а его нет. Пошел за вами. И тут эти хмыри вылезли!

— Вася! Следи за языком! — обрывает его Алексей.

— Ну эти... — он окидывает взглядом мужиков, — джентльмены. Ну помнишь, мы с тобой Тома Сойера читали, пап? Я сразу понял, что они бандиты. Они как Марину Игоревну увидели, за ней в парк пошли, я сразу тебе позвонил и за вами побежал. Но немного не успел, заблудился.

— Мы с Ромкой недалеко были, ждали твоего звонка, Марин. Сюрприз тебе приготовили. А тут сын звонит, — Алексей трепет сыну волосы, — вот мы и примчались. Как ты, Мариш?

Меня еще немного колотит дрожь. Какой ужасный день! Сколько эмоций у меня на душе, хочу только одного — прижаться к нему и спрятаться в его сильных руках. Как же я устала быть сильной! Вся эта история с мужем, сестрой, свекрами, этими идиотами в парке.

Леша снимает пиджак и набрасывает мне на плечи.

— Ну что, ты, — он обнимает меня, — испугалась, да? Зачем же ты пошла сюда? Как себя чувствуешь?

Я поднимаю на него глаза полные слез.

— Упала, — показываю я содранные ладони и некрасиво шмыгаю носом.

Леша берет мои ладони в свои руки и заглядывает мне в глаза:

— Давай к врачу, Мариш?

— Нет, — мотаю головой, — все хорошо. Просто... глупо все вышло. И еще этот, — киваю на ползающего мужика, — мамин кулон сорвал и вот тому кинул.

Я перевожу взгляд туда, где должен находиться второй нападавший, но там пусто.

— А где второй? — грозно спрашивает Алексей у алкаша.

— А Колян шбежал! Меня кинул тут ... Гад!

— У него мой медальон, — взволнованно поясняю Леше.

— Успокойся, Марин! Это не проблема. Я сейчас, — он направляется к алкашу, — Слышь ты, вставай давай, хватит валяться.

— Так жуб..

— Сам виноват! Телефоны у женщин в парке отнимать будешь и не только зубов лишься. Встал быстро!

— А, шо? Бить будешь?

— Пока нет. Читать умеешь? — он протягивает свою визитку алкашу, — Вот адрес. Найди этого своего Коляна. Забери у него кулон, телефон...

— Сумочку! — подсказываю я. Как перед Елизаветой Ивановной неловко!

— И сумочку! — продолжает Алексей, — Придешь и оставишь на посту охраны. Срок тебе до завтра.

— А если не смогу?

— Из-под земли достану. Лучше сам приходи, чем я тебя найду. Тебе это очень не понравится.

Алкаш бодро трясет головой.

— Давай, проваливай! Ищи дружка. Или я искать буду, понял?

— Ага! Понял.

— Принесут, — говорит Алексей, вернувшись ко мне, — я эту породу хорошо знаю. Вася, марш в машину!

Ромка подталкивает Ваську, который упорно не хочет уходить.

Мы остаемся вдвоём, и я прижимаюсь к Леше, его руки закрывают меня от всего мира. Чувствую себя маленькой девочкой в руках большого и сильного великана.

— Спасибо тебе! Спасибо тебе огромное! — бормочу я. — Я такая глупая! Зачем я только сюда пошла... Я хотела уйти подальше... позвонить... а тут...

Пальцы Алексея вдруг касаются моих губ:

— Тссс! Успокойся, — он приподнимает мое лицо, — все хорошо. Я рядом! Не плачь! Все хорошо. Я больше никуда тебя не отпущу.

Он наклоняется ко мне...

Я слышу, как громко стучит мое сердце. Сейчас я почувствую нежность поцелуя моего спасителя. Мои ноги подламываются, но его сильные руки держат меня в объятьях. По моему телу пробегает теплая дрожь, я вся влекусь к нему на встречу, что бы наконец прикоснуться губами...

— Пааап! Мы вас ждем! Ну вы идете?!

Алексей отстраняется от меня и глубоко вздыхает, глядя в даль на Романа в Васю.

— Никакой личной жизни! — тихо говорит он мне, — Может сбежим от них?

Глава 30. Алексей

Солнце ярко светит сквозь не зашторенные окна. Вчера был такой суматошный вечер, что забыл их закрыть. Пока мы вернулись из парка, пока попрощались с Ромкой, пока все рассказали маме, успокоились, уgomонили Васька, расставили все цветы по вазам...

Да, возможно идея была глупая: хотел забрать Марину со встречи с родственниками, завалить цветами, отвести в другой конец города, уже снял зал в ресторане. Хорошее место, чтобы отпраздновать ее свободу. И уже там сказать ей, что не могу и дня без нее. Ромыч предложил еще салют в конце бомбануть.

Салют нет, а вот меня вчера знатно бомбануло. Вспоминаю сцену в парке и руки непроизвольно сжимаются в кулаки. На кой черт она пошла туда! Нет, это прям не женщина, а беда! Вечно все усложняет. Зато, с ней не скучно, да.

Вчера мне показалось, что, проезжая мимо этого ресторана Марина резко побледнела, но так и не призналась, что ее встревожило.

От долгих выходных остается два дня. Ей предстоит возвращаться на работу. Марина заявила, что все равно заскочит к себе домой. Вчера предложил написать заявление в школе — обиделась. Не может бросить учеников, не доведя учебный год. Хорошо хоть выкинула из головы мысль идти к себе домой одной. Хотя тут со мной согласилась. Упрямая гордячка! А на самом деле маленькая нежная малышка. Слабая и беззащитная.

Когда вчера прижал ее к себе, так хотелось бросить все и остаться уже с ней вдвоем, наедине. Она вроде и близко ко мне, но по-прежнему далеко. Полон дом людей и вечно что-то происходит! Эта недосказанность просто выбивает почву из-под ног.

Спускаюсь на кухню за кофе. Через окно наблюдаю, как Васька носится с мячом по лужайке, на которой сидят Марина с матерью.

— Папка! — Васек бросается ко мне, когда выхожу к ним. — Что мы будем делать сегодня? Чем займемся?

— И тебе доброе утро, сын, — пасую ему мяч, — Привет, ма! Как ты, Марин? Нога руки?

— Все отлично! Нога немного побаливает, но все скоро заживет.

— Мы тут подумали, не стоит ли написать в полицию? — начинает мама, — Так жаль украшение Марины — это же память...

— Не стоит, мам! Они все принесут. Не переживай, Марин. Я позабочусь.

— Я знаю, — улыбается она и слегка краснеет.

— Итак, — продолжаю я, — Планы на сегодня — не выезжать в город, а отдохнуть дома. Устроим шашлыки?

— Отличная идея! — соглашается мама, — правда передали, что днем может быть сильный дождь с грозами. Может просто приготовим мясо в духовке?

— Я за шашлыки! — кричит Вася, — но это вечером, а сейчас?

— Ну, мы можем прокатиться на лодке, — продолжаю озвучивать свои мысли, — как вы на это смотрите?

— Отлично! — встречает мама, — вот вы и прокатитесь с Мариной, — она поднимает на меня лукавый взгляд, — а мы с тобой, Вася, идем делать уроки, — продолжает мать.

— Ну бааа! Нет!

— Не нет, а да. Тебе написать сочинение, выучить стихотворение и математика еще.

— И еще параграф по окружающему миру, — разводит руками Марина.

— Это не честно! Вы это специально! — заводится Васька.

— Василий! Это что такое! Ты знал, что тебе на праздники задали. Пошли делать, чтобы к вечеру ты был свободен. Завтра пока соберемся, пока домой, еще стихотворение доучить, — мама мягко подгоняет Ваську в дом, — вам хорошо поплавать, а мы пошли учиться!

Хорошая у меня мать. Понятливая.

— Ну что? — поворачиваюсь к Марине, — как тебе идея с лодкой? У нас там есть спуск к реке, а внизу по течению небольшое полуостров. Мы там шалаш сделали для наших ребят. Хочешь посмотреть?

— Отличная идея, но грести я не могу, — Марина показывает свои ладони.

— Ну что ты такое говоришь! Конечно я на веслах.

Просто беда с этой сильной женщиной! Никак не может расслабиться. Беру ее ладони в свои и смотрю на содранные ранки. Осторожно дую.

— Болит? — заглядываю в ее глаза.

— Немного, но уже заживает.

— Мне мама в детстве говорила, что ели поцеловать, то быстрее заживет, — осторожно касаюсь губами ее рук, оставляя невесомый поцелуй.

Румянец покрывает ее щеки. Марина прижимается ко мне и ощущаю пьянящий запах ее волос, наклоняюсь к ней, но ее ладонь упирается мне в грудь.

— А ты знаешь, — говорит она, заглядывая мне за спину, — кажется за нами наблюдают!

— Хм... неужели Васька и мама?

— Ага! За занавеской в гостиной. И Людмила тоже!

— Никакой личной жизни! Пошли на причал, — я беру Марину за руку и веду за собой.

При спуске на берег мы находим две лодки: синюю с белой полоской, и ярко-желтую.

— Запрыгивай в любую.

Марина усаживается, я спускаю лодку на воду и забираюсь к ней. Отталкиваюсь веслом подальше от берега. Ветер ударяет в лицо. Наконец мы вдвоем. Направляю лодку вниз по реке, мимо нашего поселка, в сторону пустых лесных берегов.

Она смотрит на деревья, блики на воде и улыбается. Как же ей идет улыбка! Невольно бросаю на нее взгляды.

— Какие красивые места! — произносит Марина.

Мы проплываем полуостров и решаем опуститься еще ниже по течению. Лучи солнца отражаются от глади реки и играют светом на ее волосах. Зачерпываю рукой немного воды и брызгаю ей в лицо. Она смеется и отвечает мне тем же.

Как давно я вот так не дурачился с женщиной? Как же это приятно, хоть иногда.

Где-то вдалеке раздается раскат грома. Я поворачиваю голову. На нас надвигается огромная черная туча, и видно, как ветер поднимается над лесом.

— Мы с тобой доберёмся до того полуострова, про который я говорил, и выйдем, — озвучиваю план и разворачиваю лодку, — там на поляне шалаш. Мы переждем ливень и потом вернемся домой.

— Отличный план!

Даже если она и встревожена, то совсем не подает вида.

— Не волнуйся. Мы близко! Вот за тем поворотом уже нужное нам место.

Раскаты грома раздаются уже над нашими головами. Кажется, мы чуть-чуть не успеваем по времени до безопасной точки. Ветер начинает поднимать волны, на неглубокой, но очень широкой речке. Небо вокруг делается темным, яркими вспышками мигают молнии.

Я налегаю на весла и с сожалением замечаю капли дождя на воде.

— Возможно, мы все-таки намокнем! — кричу я, перекрывая шум.

— Не страшно! Люблю грозу в начале мая! — отзывается Марина и в этот момент нас накрывает мощными потоками дождя.

Ее футболка моментально становится мокрой и прилипает к телу, подчеркивая все его изгибы. Она отбрасывает с лица непослушные пряди медных волос, запрокидывает голову назад и начинает радостно смеяться.

Неистовая, дикая, уже непохожая на скромную застенчивую учительницу, она словно растворяется в окружающей ее буре.

Прекрасная, невозможная. У меня уже нет сил любоваться ей в стороне. Я опускаю весла и притягиваю ее к себе. Она идет ко мне в объятия не сопротивляясь. Секунду смотрю в ее широко раскрытые глаза, провожу пальцем по губам, которые словно лепестки цветка открываются от моего прикосновения и уже не сдерживая себя впиваюсь в нее поцелуем. Она отвечает мне. Осторожно и немного робко. Мои пальцы погружаются в ее мокрые от дождя волосы. Марина расслабляется под моим натиском, и я чувствую, как ее ладонь скользит по моей мокрой от дождя груди.

Мы сидим на дне лодки, вокруг нас хлещет дождь, поливая своими струями, но внутри меня бушует еще больший ураган.

— Кажется дождь не прекращается. Давай доберемся до шалаша, — предлагаю, с сожалением отстраняясь от нее.

Она согласно кивает.

Волны вокруг нас становятся сильнее, но я справляюсь с ними, направляя лодку к нужному берегу.

— Вон там, у сосны, мы причалим, — кричу ей, — и надо подняться вверх по склону.

— Хорошо! — отзывается Марина.

Глухой удар снизу крушит мои планы. Пытаюсь сдвинуть лодку, но безрезультатно.

— Мы сели на мель, — объясняю ей, — но тут совсем близко! Ты сказала, что хорошо плаваешь, да?

Глаза Марины раскрываются от ужаса:

— Нет! Не говорила! Я вообще плавать не умею!

Глава 31. Алексей

Я выталкиваю Марину первой на берег и следом выбираюсь из воды. Вообще она молодец, не паниковала, не кричала, просто крепко держалась за меня и позволяла спокойно плыть. Лодка находится совсем рядом, мы пробыли в воде немного, но я все равно восхищаюсь ее выдержке.

— Как ты? — спрашиваю ее, — сильно испугалась?

— Сначала да. Потом нет. Я доверяю тебе! С тобой спокойно!

Окончание ее фразы почти пропадает под звуками раскатистого грома. Спокойно? Кажется, последние дни можно охарактеризовать как угодно, но только не спокойными.

— Мне нравится твое чувство юмора! Пошли в шалаш, там согреемся, чтобы не заболеть. Можешь идти?

Она согласно кивает. Веду Марину за собой по мокрому склону. Мы скользим по глине, но упорно забираемся вверх на поляну, окруженную соснами. В центре стоит небольшой бревенчатый домик.

— Это шалаш? — удивляется Марина

— Заходи! — открываю деревянную дверь.

Наш лесной домик не большой: две широкие лавки по сторонам под окнами, напротив входной двери — печь с дровницей. По бокам от лавок шкафы с утварью и разными снастями.

— Мы сделали этот домик со Степаном. Такая берлога вдали от всех, — пока рассказываю, быстро кладу дрова в печь. Хорошо, что они не совсем отсырели. — Сейчас тут будет тепло. Раздевайся!

— Что? — восклицает Марина.

Иду к шкафу и начинаю рыться в нем.

— Твои джинсы и футболка насквозь промокли, сейчас повесим все сушиться. Вот тут есть какая-то одежда. Держи сухую кофту. Она старая, но теплая и завернись в одеяло, — подаю ей вещи, — я отвернусь, если хочешь.

— Хочу! — говорит она, но в ее глазах пляшут лукавые огоньки.

Мы расходимся к разным лавкам, я стаскиваю с себя мокрую одежду. Повязываю вокруг бедер шерстяной плед, который тоже нашел в шкафу.

— Ты готова?

— Угу!

Марина стоит, перебирая мокрыми ногами, завернутая в одеяло.

— Иди сюда поближе к огню. Сейчас чай сделаем, и все будет отлично!

Она опускается на пол возле печки и протягивает к ней руки.

— Да у тебя тут целая вилла, все под рукой.

— Иногда мне нравится уйти сюда на пару дней, пожить в тишине, порыбачить. Ты согрелась? Давай сюда ноги, — сажусь рядом.

Она покорно кладет свои ноги мне на бедро, и я начинаю тереть ее ледяные пальчики, чтобы разогнать кровь.

— Знаешь, — тихо говорит Марина, — ты уже дважды за два дня меня спас.

В комнате повисает пауза. И мне кажется слова нам больше не нужны.

Мои пальцы застывают возле ее стоп. Как она прекрасна в отблесках огня. Я провожу

ладонью по ее тонкой щиколотке и ощущаю, как дрожь бежит по ее телу. Но уже не от холода. Больше не хочу согреть ее, хочу *разжечь*.

Ладонь продолжает скользить по стройным ногам. Ее колени сдаются под моим натиском и раскрываются, чтобы пропустить пальцы дальше. Я ласкаю внутреннюю поверхность бедер, чувствую, как нарастает дрожь в ее теле. Мои пальцы встречают плотную полоску ее трусиков, и останавливаются, ощущая пульсирующий жар под тканью.

Перебрасываю свободной рукой ее ноги через свое бедро, и мы оказываемся еще ближе друг к другу: Марина, укутанная в одеяло выше ног, и я укрытый ниже талии. Хотя никакой плед уже не скрывает моего желания.

Вижу, как ее рука медленно, в нерешительности начинает движение на встречу ко мне. Касается моего крепкого плеча, проводит по каменной груди, гладит колючий подбородок. Марина словно изучает меня. Когда ее пальцы встречаются с моими губами, я впиваюсь поцелуем в ее ладонь.

— Маринка, какая ты красивая! — слышу свой глухой голос.

Наши губы соприкасаются, и я уже не могу остановиться. Хочу целовать каждый сантиметр ее тела, любить каждую ее клеточку. Моя ладонь, замершая на секунду, продолжает скользить по ее животу и застывает вновь, но уже под полоской ткани, разделяющей нас. Марина выгибается мне на встречу, я легко приподнимаю ее бедра и освобождаю ее от всех преград снизу между нами.

Мои пальцы уверенно, но осторожно изучают ее. Ловлю каждое изменение в ее глазах, каждый вздох служит для меня ориентиром. И вот наконец ее тело начинает накрывать волнами, она откидывается назад, чтобы рухнуть, достигнутая своим наслаждением, но я крепко держу ее левой рукой между лопаток, в то время как правая дарит ей удовольствие. Я вбираю в себя каждый ее тихий стон, который музыкой звучит для меня сейчас.

Ее дрожь постепенно стихает. Она снова здесь, со мной. Марина облизывает пересохшие губы, останавливает на мне свой затуманенный взгляд, и уже ее руки начинают свой изучающий путь ко мне. Тонкие пальцы проводят дорожку по моему плоскому животу и осторожно опускаются на вздыбленный плед.

Я спускаю одеяло с ее плеч, тяну кофту наверх:

— Ты прекрасна, — выдыхаю я, когда ее волосы вновь падают на ее, уже обнаженные, плечи.

Мой плед оказывается скомканным на полу. Она опускается сверху, и вот мы сидим уже так близко, что даже тень не проскользнет между нашими телами. Мои руки гладят ее округлые ягодицы, в то время как губы исследуют ее полукружия и нежно прикасаются к вершинкам ее груди. Перебираю губами ее нежнейшие бусинки во рту. Она движется ко мне на встречу, и я впитываю в себя ее новый тихий стон.

Жар от печки сливается с жаром от наших тел.

Ее дыхание соединяется с моим.

Наши пальцы переплетаются.

Тела начинают сливаться в едином ритме. Прекрасном, нежном, но таким слабым для меня сейчас.

Я не могу себя больше сдерживать.

Резко, но аккуратно кладу ее спиной на дощатый пол, завожу ее руки над головой. Два ее тонких запястья спокойно помещаются в одной моей руке, ноги обвивают мои бедра. Ее запах заглушает все мысли в голове, сейчас я живу только инстинктами.

Инстинктами, которым так давно не позволял выходить наружу. Сейчас в моем сознание, в каждом движение только они.

И еще ее дыхание, которое я ловлю своими губами, вбирая его по капельке вглубь себя.

На краю сознания слышу ее усиливающиеся стоны, держу себя из последних сил.

Ощущаю своим телом исходящую от нее волну и вливаюсь жадным поцелуем в ее полураскрытый рот.

Ее крик принадлежит сейчас только мне. Как и она.

Ее тело выгибается дугой и это для меня сигнал позволить себе раствориться в ней.

До самого конца...

Она лежит на моей груди, и я глажу ее, находясь еще не совсем здесь, а где-то в своих мыслях. Постепенно снова начинаю слышать треск поленьев и ее дыхание.

Она задумчива и тиха.

Черт! Кажется, я мог напугать ее своим напором.

— Марин, — начинаю осторожно, — что-то не так?

— Нет, нет, — она прижимается ко мне сильнее, — все хорошо. Все очень хорошо.

Просто...

— Я давно уже один, — чувствую, как от волнения пересыхает в горле, — если я сделал что-то...

— Нет, — ее пальцы опускаются на мои губы, — все прекрасно, Леш. Правда. Просто я должна сказать тебе что-то очень важное.

Она приподнимается и смотрит на меня таким долгим взглядом, что я вдруг понимаю, что не хочу слышать продолжение этой фразы.

«Что там будет? Просто я не люблю тебя? Просто мы не можем быть вместе? Да не молчи ты уже!» — мысленно восклицаю я.

— Я должна была тебе сказать это раньше, но не было случая... понимаешь...

Я приподнимаюсь на локте и перехватываю ее руку.

— Скажи уже, — тихо прошу я.

— Просто... я жду ребенка. — она опускает глаза в пол. — Я беременна, Леш.

Глава 32. Марина

— Что?! — восклицает Леша, — Почему ты не сказала мне раньше?! Это же ужасно! Ужасно! Ужасно! Ужасно!

Дыхание перехватывает и из-за шума в ушах, я не слышу, что он говорит еще. В голове стучит только это слово.

— Милая! — вдруг слышу я.

— Что? Что ты сказал?

Если все «ужасно», то почему «милая»?

— Милая, это ужасно, что ты не сказала мне раньше! — он прижимает меня к себе.

Наверное, я все же чего-то не понимаю...

— Как ты себя чувствуешь? — он касается моего животика, — я не мог... ну я не сделал тебе больно? Прости меня!

Леша начинает целовать мой лоб, нос, глаза, он пробегает по моему лицу тысячей нежнейших поцелуев, я слышу его встревоженный шёпот:

— Малыш, я так долго ждал тебя, ты просто мое маленькое наваждение! — он держит мое лицо в своих ладонях и всматривается в мои глаза, — Прости меня. Вдруг я был...

Мое состояние думать медленно возвращается ко мне.

— Подожди, — убираю его руки со своего лица, и пытаюсь подобрать слова, — ты хочешь сказать, что тебе все равно, что я беременна от своего мужа?

— Мариш, ну как мне может быть все равно?

— Ну, тебе это... — я пытаюсь подобрать слово, — может неприятно?

— Ты хочешь сказать, что я, узнав, что ты беременна, должен бросить тебя? Ты за кого меня принимаешь?

— Нет, я не это имела ввиду... — лепечу я.

— Марин! Я взрослый человек и у меня есть сын. Ты взрослая женщина и у тебя будет сын или дочь. Я люблю тебя. Всю. Целиком. Все, что есть снаружи и все, что есть внутри!

Я утыкаюсь в сильное плечо Алексея, и чувствую, как глаза предательски увлажняются. Он обнимает меня одной рукой и второй нежно гладит по волосам. Я слышу сумасшедшее биение его сердца и обрывки слов:

— Это же прекрасно... Малыш... обязательно к лучшему доктору... Большой дом...

Он отстраняет меня от себя и смотрит на мое заплаканное лицо:

— Ты что плачешь?

— Это от радости, — бормочу я, — не смотри, у меня будут красные глаза и нос.

Он начинает смеяться, вскакивает на ноги, и я вдруг оказываюсь у него в руках, крепко прижатая к груди. Он кружится со мной по комнате.

— Подожди! — говорю я, когда мы оказываемся возле окна. — Там кажется закончился дождь. И нам видимо пора выбираться отсюда к людям.

— Без комментариев! — говорит Алексей, когда спустя почти два часа, уставшие и мокрые, мы возвращаемся с причала и нас встречают взволнованные лица его домочадцев.

— Лодку с мели я снял, надо будет потом проверить днище. Сейчас нам срочно в горячий душ. Одежда промокла насквозь. Мы немного обсохли в шалаше, но шанс заболеть еще велик. А болеть нам нельзя, — он выразительно смотрит в мою сторону, и я кутаюсь

сильнее в одеяло из лесного домика, которое прихватила с собой.

— Мы наверх греться! Людмил, мам, посмотрите что-то теплое Марине.

— Алексей Васильевич, тут с охраны передали, — Людмила протягивает мне телефон, Алексею бумажку, — а вам записка.

— Да-да, сумочку тоже принесли! — сообщает Елизавета Ивановна.

Алексей пробегает глазами корявое письмо.

— Я думаю, кулончик тоже скоро найдётся. Наш новый знакомые его очень тщательно ищет. Все! Мы греться.

Мы взбегаем наверх по ступеням, и открываем каждый дверь в свою комнату.

— Подожди, — шепчет Алексей и я замираю на пороге.

Он наклоняется ко мне и его губы сначала нежно, а потом все с большим и большим желанием впиваются в меня поцелуем.

У меня перехватывает дыхание. Сама не чувствую, как подаюсь навстречу к нему, упираюсь ладонями в каменную грудь. Его руки прижимают меня сильнее. Запускаю пальцы в его влажные волосы. Голова начинает кружиться от его запаха.

Чувствую, как он невольно склоняет меня сделать шаг в его комнату.

Но нет, хоть у одного из нас должна быть включена голова. Сейчас в доме столько народу.

— Нас могут увидеть, — шепчу я и щелкаю его по носу. — Увидимся позже!

Стаскиваю с себя влажные джинсы, пропахшую дымом кофту и с наслаждением погружаюсь в горячую воду. Как хорошо, что водопровод уже работает!

Намыливаю губку, и она скользит по моему телу.

Мое тело... Мой муж был моим первым мужчиной и единственным до сегодняшнего дня. Все эти годы я считала себя уже взрослой женщиной. А оказалось, что я и не знала саму себя. Оказывается, я могу так чувствовать, так ощущать, так растворяться. Я словно родилась заново после лесного домика.

Мое дыхание непроизвольно убыстряется, когда вспоминаю произошедшие в лесном домике.

В голове прокручиваю каждую секунду нашей близости — никогда не думала, что может быть прекрасно. И так... остро.

Леша признался мне в любви в этом лесном домике, а я так и не смогла.

Я просто промолчала. Наверное, мне до сих пор неловко. Ведь я не до конца свободна.

Погружаюсь в теплую воду с головой. Но я больше не боюсь. Не боюсь признаться сама себе, что люблю его.

Уже выйдя из ванны и упав на кровать, замечаю на столе телефон. Это совсем вылетело у меня из головы. Мне даже жаль, что его вернули так быстро и надо возвращаться в реальность с множеством проблем.

Интересно что там. Куча пропущенных? Сто сообщений?

Нет, звонков нет. Это прям радует. Одно сообщение. Прислано вчера. От мужа. Открываю его и читаю. Руки начинают трястись. Что это значит?

Вчера, когда мы сели в машину, я просила Алексея не проезжать мимо ресторана, но оказалось, что дорога от парка только одна. Леша успокоил меня, что шанс нашей встречи с мужем будет равен нулю, и к тому же я внутри его машины.

И надо же такому случиться, что именно в этот момент, когда мы встали на светофоре, я увидела, как мой муж курит на углу здания. Мне показалось, что и он увидел меня и даже

зачем-то навел на машину телефон, я до последней минуты надеюсь, что это просто моя фантазия. Увы. Мне не показалось.

Я еще раз открываю сообщение от мужа. Пытаюсь унять дрожь и осознать прочитанное. «В эту игру можно играть вдвоем. Теперь я кое-что знаю. Следующий ход — мой»

Я со злостью кидаю бычок мимо урны. Никаких мыслей в голове нет.

Дрянь! Кто бы мог подумать, что у этой курицы появляться коготки! Оказывается, моя жenuшка не так проста, как казалось.

И почему Ленка появилась в ресторане именно сейчас? Да, я ей сказал про место встречи, но у нее и мысли не было сюда заявиться.

Все сразу! Вот именно сейчас, когда отец мной так недоволен по всем фронтам.

Никогда не относился всерьез к его угрозам. Ну так — отцовское недовольство, не более. Попытка вернуть меня в правильное русло. Мать тоже была уверена, что он просто «бесится», старческие заскоки, все дела. Но сейчас она встревожена всерьез.

Возвращаюсь за столик, как раз вовремя чтобы увидеть, как Леночка опрокидывает в себя очередной бокал шампанского. Отец видимо, что-то ей сказал, и до меня доносится ответ:

— В малых дозах, это полезно! Французы каждый день пьют бокал вина! А я не каждый, но сегодня праздник! О, котя вернулся, — она тянется меня поцеловать.

— Так, завязывай, — мои родители во все глаза смотрят на меня, и я цежа сквозь зубы, — дорогая. Я вызвал тебе такси. Вставай.

— Но мы же только...

— Пора, пора, — поднимаю ее из-за стола, — все познакомились, все рады. Давай, вставай!

— Ой, мы обязательно подружимся! — кричит Ленка напоследок моей семье, когда я веду ее на подгибающихся ногах к выходу.

— Какого хрена ты приперлась? — налетаю на нее, стоило нам выйти на улицу.

— Что? Ты чего на меня орешь? — обижается Леночка, — давай и я поору!

— Я повторю вопрос иначе, зачем ты пришла?

Я поднимаю ее голову за подбородок, чтобы ее глаза сфокусировались на мне.

— Ты же сам написал, придурок! — но тут же до нее доходит, что орать на меня не надо, — ой, котя, извини! Ну ты первый начал.

— Вон такси. Удачно добратья до дома.

Со злостью захопываю за ней дверь.

— А ты? — кричит она из машины.

— У меня еще дела, — даю знак таксисту, чтобы он ехал.

Сам написал, говоришь? Интересно.

Достаю телефон из кармана пиджака и смотрю сообщения в отправленных.

Ах так! Вот дрянь! Но надо отдать должное — умная дрянь!

И какая она была сегодня красивая. Я давно не видел свою жену такой красивой. Черт! Красивая умная дрянь!

Из дверей выходят родители, бросаюсь к ним.

— Я... Уже уходите?

Мать жестом показывает, что мне стоит заткнуться. Отец явно в бешенстве.

— А что сын, ты нам еще что-то хочешь показать? Это был цирк, сейчас нас ждет балет? — он держит паузу и продолжает, — что же ты не поехал провожать мать своего ребенка?

— Да она сама доедет.

— А ты уверен... — начинает отец.

— Конечно уверен, таксист довезет.

— ... что это твой ребенок, идиот? — буравит меня взглядом отец.

— Давид! Давид, ну что ты такое говоришь! Леночка конечно экспрессивная девушка, но она просто очень юна. Глеб, так долго хотел подарить нам внука... Ну дети это же святое! — мать начинает гладить отца по плечам, в попытках усмирить, — А Марина...

— Убери руки, Изольда. Пошли в машину. Да! — поворачивается он ко мне, — документы приготовь. Я хочу все проверить после праздников.

— Сын, спокойно! — быстро шепчет мать, глядя в спину удаляющемуся отцу, — я вечером погорю с ним. Все образуется. Но какая же змея, эта Маринка, а? Стерва! Она не смогла бы это все провернуть одна. Пришло время поставить ее на место!

— Изольда!

Гневный окрик отца разносится по переулку.

— Иду милый! Целую, Глебушка! Еще все образуется.

Мать семенит следом за отцом, а я достаю следующую сигарету. Две мысли мне подкинули родители, и обе мне не нравятся.

Первая — точно ли это мой ребенок. Ну он точно *может* быть мой. За все это время я даже подумать не мог, что я могу быть у Ленки не один. А почему собственно и нет?

И вторая — кто помогает Маринке? Да платье на ней стоит столько, сколько всех денег на ее карточке. Но даже их она снять не могла! План был дуратский, но он был — оставить ее без всего. Покуковала бы, поплакала и вернулась! Куда ей деваться-то? У нее никого нет!

А оказывается есть! Есть! Кто ей помогает? Кто? Где она спит, ест, живет?

Бросаю сигарету на тротуар и поднимаю глаза, как раз вовремя, чтобы на светофоре заметить черный Лексус. А внутри него... Ба! Вот так везение! Мариночка!

Выхватываю телефон и быстро делаю фото номера. Теперь дело за малым. Иду к машине и набираю полезный номер из записной книжки:

— Привет, узнал? Молодец. Нужна твоя работа. Оплата как обычно. Пробей мне инфу, чей номер, ща скину фотку. Поймал? Ага, жду.

Сажусь в машину и барабаню пальцами по рулю.

— Кто? — вскидываюсь, услышав ответ. — Да ладно... Нет, нет! Верю. Значит так, слушай, мне нужна вся информация, которую ты можешь нарыть. Причем меня интересует скрытая информация. Когда нужна? Вчера. Тройная ставка. Все что можешь найти надо сегодня к полуночи. Да, это так срочно!

Выруливаю с парковки. Интересная картина получается. Артемьев. Коллега, так сказать по бизнесу, и видимо не только. Я был уверен, что он на Ленку запал. А выходит на Маринку. Или они просто у меня за спиной ведут какую-то игру?

Уже поздно вечером, валяюсь на диване, курю одну за одной и жду звонка. При Маринке дома никогда не курил, да и по фиг. Все равно ее тут нет. Ленка звонила пару раз вечером, не брал. Не хочу. Завтра.

Наконец нужный мне звонок.

— Ну что узнал? Так, ну да, у Маринки в классе, и что? Что? Ты серьезно? О, да... Эта инфа стоила своих денег. Да, найти! Конечно найти, хоть из-под земли! Цена... Сколько?! — я мнусь, уж больно дорогая получается информация, но она кажется того стоит, — По рукам! Когда узнаешь точно... Ах ты жук! Уже? Знал, что я захочу узнать? Диктуй адрес! Бабки щас

переведу.

Отключаю телефон и падаю на диван. Вот так информация! Артемьев не такой оказывается белый и пушистый. Осталось грамотно все разыграть и посмотрим, кто выиграет партию. Ты еще приползешь ко мне, женушка! На коленях приползешь!

Глава 34. Марина

— Мариночка, солнышко! Я войду?

Елизавета Ивановна осторожно заходит ко мне в спальню и присаживается на край кровати.

— Как ты себя чувствуешь, не заболела? Я что-то переживаю. — встревоженно говорит она.

— Нет, все хорошо! А сколько времени? — я тянусь за телефоном.

— Так почти час дня! Вот мы и заволновались. — она поглядывает на меня и нервно гладит край одеяла.

— Ой, как стыдно! — я подрываюсь встать.

— Лежи! Все хорошо, просто испугалась, что ты могла приболеть после вчерашнего, вот и забеспокоилась, а так — спи сколько хочешь.

— Нет, нет! Завтра же на работу!

И первый раз мысль о работе вызывает у меня, не прилив радостного возбуждения, а легкую грусть. Интересно, почему? Неужели я не хочу больше учить *чужих* детей?

— Да, хотела тебя предупредить, я с Васей уже поговорила, — осторожно начинает мама Алексея, — он никому нечего не скажет. Не переживай!

— Да я...

— Не стоит в школе про это знать, а то у нас любят трепать языками в женском коллективе. — вздыхает она, — Мы поедем к себе вечером. Оттуда к школе ближе. Ваську утром не добудишься, это мы уже проходили. Нас Леша добросит, а ты оставайся. Людмила с мужем сегодня выходной попросили. К своим съездить. Не испугаешься одна в доме?

— Нет, что вы! — уверенно говорю я.

— Вот и отлично! Тут все тихо. Выспишься. А завтра утром тебя Леша на работу привезет. И заберет! — тоном, не терпящим возражений, добавляет она.

— Хорошо! — соглашаюсь я. — Только мне все равно к себе зайти надо будет. Вещи, документы собрать.

— Говори, когда пойдешь к себе, я с тобой схожу. Или Леша. Ну если считаешь, что не надо им с Лешей видаться, то конечно я составлю компанию.

— Я сама... — начинаю я, но Елизавета Ивановна меня тут же перебивает.

— Не вздумай ходить туда одна. То, что ты в ресторане провернула, это конечно замечательно, но сдаётся мне, что муж у тебя... как бы это помягче...

— Козел? — подсказываю я.

— Ой, я бы жёстче сказала. — вздыхает бабушка Васи, — Как бы он тебе нечего не сделал. А то начнет еще руки распускать. Договорились? Со мной или Лешей к себе пойдешь, хорошо?

— Договорились, Елизавета Ивановна. Спасибо вам за все, — искренне благодарю я.

— Ой, будет! — засмущавшись, машет она рукой. — Отдыхай!

За ней закрывается дверь, и я погружаюсь в грустные мысли.

Действительно, что там придумал мой муж... Нервно кусаю губы. Не знаю, не понимаю, что он хотел сказать своим сообщением. Перечитываю еще раз: «В эту игру можно играть вдвоем. Теперь я кое-что знаю. Следующий ход — мой». Что он имел ввиду?

На самом деле мама Алексея права, мне не стоит пока одной ходить к себе домой.

Возможно через неделю, но точно не сейчас. Вздыхаю.

Ну как через неделю? Мне же надо... все! Это у Леша дома я могу ходить в старых джинсах его мамы, но не на работу же так явиться.

Распахиваю гардероб и задумчиво смотрю на мои одиноко висящие вещи. Так! Юбка, блузка, туфли у меня на завтра есть. Платье, которое я брала себе на вечер — в нем можно прийти в школу. Нет, я конечно могу и в коктейльном платье заявиться — думаю дети будут в восторге, а вот завуч не поймет. Значит все еще не так страшно! Поход к себе в квартиру можно отложить.

Я в прекрасном настроении делаю себе чай на кухне внизу, когда слышу сзади мягкие шаги.

По мне пробегает сладкая дрожь, когда руки Алексея обвивают меня, и его шепот заполняет мое сознание:

— Я тебя поймал! Выспалась?

Я перехватываю его пальцы, и разворачиваюсь к нему лицом. Он проводит подушечкой большого пальца по моему подбородку и нежно касается моих губ поцелуем. Мое дыхание сбивается, когда он медленно двигается по моим губам к центру.

Хорошо, что никто не входит на кухню.

— Слушай, — начинаю я, стараясь вернуть мысли в более целомудренное русло, — я тут подумала...

— Что раз ты живешь у меня нам надо устроить забег по магазинам?

Его руки никак не хотят отпускать меня.

— О, ты так хорошо разбираешься в женщинах, — шучу я и вдруг замечаю легкую тень на его лице.

— Если честно, то вообще не разбираюсь. — серьезно говорит Алексей, отпуская меня из объятий.

— Извини, я не хотела...

— Да, нет все хорошо. — он кладет мне ладонь на живот, и его тепло переходит ко мне, — секрет за секрет? Я сегодня отвезу мамы с сыном в квартиру, а вечером предлагаю зажечь камин и устроить вечер воспоминаний. Как ты на это смотришь?

— Отлично! Время достать старых скелетов из шкафа!

Он одёргивает руку от меня, словно ужаленный.

— Леш, да что случилось? — неловко бормочу, пытаюсь сгладить ситуацию, — Я же шучу!

— Да нет, Марин, все хорошо! Устроим вечер скелетов. — он трет глаза и уже с легкой улыбкой продолжает, — Пошли в сад.

Остаток дня проходит быстро и очень легко. Вечером, уже на прощание, когда я обнимаю Елизавету Ивановну, она встревоженно начинает причитать:

— Ты главное не переживай, через час, ну максимум полтора Леша вернётся.

Странно, я вроде не показывала страха остаться одной.

— Ну, мам, что тут опасаться в нашем доме? Участок за забором, забор на автоматических воротах, при въезде вообще охрана.

— Ну извини. — всплескивает руками его мама, — Это мать старая, мать думает, что одной в чужом доме будет не по себе. — и тут же продолжает, повернувшись ко мне, — Смотри, Мариш, вот тут щеколдочка на двери...

— Которой мы никогда не пользуемся! — прерывает ее Алексей, — Люблю тебя, мам,

пошли уже. Васька заждался в машине. Марин, я скоро буду!

Я машу им на прощание, стоя на пороге дома.

Машина Алексея выезжает за ворота, и они автоматически начинают закрываться назад. Я поворачиваюсь к дверям, как вдруг замечаю тень, мелькнувшую в проеме входа. Всматриваюсь внимательнее. Кусты у ворот слегка шевелятся, но их вполне могла задеть машина. Никого там нет.

Ой, Елизавета Ивановна! Напугала меня своими заботами! Действительно, ерунда какая — побыть два часа в пустом доме, за высоким забором. Я прикрываю входную дверь и взгляд падает на щеколду.

Ну уж нет! Если закрою дверь на нее, я признаю, что трусиха! А я не такая!

Демонстративно поворачиваюсь к двери спиной и иду к себе наверх, напевая какую-то мелодию.

И лишь гораздо позже я пойму, что темная тень мне не померещилась. А не закрытая щеколда будет стоять мне очень дорого. Слишком дорого.

Глава 35. Алексей

— Давай, и за ушами хорошо помой! Завтра в школе нельзя быть аборигеном! — закрываю за собой дверь в ванную. Васька, как и любой пацан, ненавидит мыться.

— Тебе с вещами помочь, ма?

Но не успеваю услышать ответ. У меня звонит телефон.

— Здоров, Ромыч.

— Привет, Леш! Я в семь заеду?

Как-то не вовремя! Планы на вечер были совсем другие. Видимо я долго молчу, и друг уточняет:

— Эм... Лех. Ты забыл?

Даже сквозь трубку, чувствую, как Ромке хочется надо мной поржать. А я реально не понимаю, о чем идет речь.

— Все, потеряли мы Леху! Завтра же рабочий день, — напоминает Роман, — мне на точку ехать, документы у тебя. Мы договорились, что ты их проверишь и я вечером накануне заберу. Забыл?

— Забыл, Ром, — соглашаюсь, — но документы готовы. Заезжай к семи. Я у своих, сейчас с матерью поболтаю и назад домой поеду. Нормально?

— Да. На связи.

Мать выходит в дверной проем и смотрит на часы.

— Леш, до семи еще почти два часа — поезжал бы ты пораньше. Маринка одна там.

— Да, сейчас. Васька мне после душа стих свой расскажет, и я поеду. Ты готов? — кричу за дверь в ванну. — Давай на выход.

— Ща пап, еще 5 минут.

— Лешь, я проверю все. И стихи, и параграф. Поезжай. — мать крутит в руках Васькину футболку, — Не спокойно на душе как-то!

— Мам, ну брось! Ну что там может случиться.

— Ой, ну не знаю. Вот прям места себе не нахожу.

Вообще мать не склонна паниковать по пустякам. Но у меня к ней тоже есть разговор.

— Да погоди, я спросить хотел. Пошли на кухню хоть. Давай чай попьем.

— Спрашивай и поезжай! Потом чай пить будем. — причитает мать.

— Мам! Ну прям обидно, словно, выгоняешь меня.

— Все. Молчу. — она садится напротив меня, примерно сложив руки, как школьница.

Барабаню пальцами по кухонному столу, собираюсь с мыслями.

— Тебе как Марина, мам?

— Ой, ну что ты спрашиваешь? — всплескивает она руками. — Я же столько раз сама тебе про нее говорила.

— Ну, говорить это одно, а когда вот так под одной крышей жить... Как бы не ошибиться. Еще раз...

— Лешь, — мать проникновенно заглядывает мне в глаза, — Марина хорошая. Добрая. Четная. Порядочная. Ну почти, порядочная. В халате на пороге спальни сына, это конечно!.. — наигранно причитает мама.

— Смеешься, да?

— Да! А если серьезно — хорошая она, Леш. И достойна она хорошего. — мама

вздыхает, — А как там у вас сложится — я же не знаю. Я хочу, чтобы все получилось. Васька в ней души не чаёт. А он у нас в людях тоже разбирается. Так что — дерзайте. А если совсем все хорошо получится, то я и еще со внуками посижу. Мне в радость будет.

Молчу. Не мое дело чужие секреты обговаривать. Но может надо как-то им самим... чтобы потом вопросов не было, что малыш раньше срока появился, все дела...

— Наверное Марина сама тебе должна рассказать. — выдыхаю я.

— А что тут рассказывать — беременна она. — пожимает мать плечами, — Да не смотри ты так. Не говорила она мне нечего. Но я поняла. Вроде как не слепая и жизнь прожила. Женщина, она, когда ребеночка носит, светится изнутри, как солнышко. Вот и Маринка сейчас такая. Ты-то сын, что думаешь? Малыш же не твой...

— Я люблю ее, мам. А ребенок... это значения не имеет. Воспитаем.

Мать вскакивает ко мне и обвивает руками со спины.

— Дай я тебя обниму. Ты послушай меня. У тебя Васька есть. У нее Петька будет, а там вместе и Машу сделаете. — она чмокает меня в макушку, как в детстве, — Места всем хватит. Главное любите друг друга. И к мужу ее не пускай. Подлец он. Чует мое сердце, что еще попьет он крови Маринки. Поезжай к ней, сын. Все, хорош сидеть.

— Мам, да что случилось то? — уже начинаю закипать. — Свидание, у тебя что ли? Так и скажи.

— Да, вот и скажу! А ты решишь, что из ума выжила.

Мама идет на место, схватит по пути салфетку, какое-то время нервно ее тербит и наконец кидает бумажный комочек на стол.

— Сон сегодня был. Плохой очень. Приснилась мне Маринка. Вся змеями какими-то черными опутана, я этих змей снимаю с нее, снимаю, а они на нее лезут и душат и кровь пью, как пиявки. И она такая тоненькая лежит, словно не живая. — мать поднимает на меня растерянный взгляд, — Проснулась, а сон из головы не выходит. Утром испугалась, что она из спальни не выходила. Зашла к ней тихонько. Дверь открываю, и вижу, лежит Маринка и не дышит. А вокруг куча черных трубок и вся кровать в крови.

— Мам! Это ты опять про сон? — не понимаю, — Я что-то уже запутался.

— Да нет, в том то и дело. Я это прям... ну увидела словно! В живую. А потом ладонь по лицу провела и смотрю — она спит в кровати, все как обычно. Не знаю, я что это было. Из ума выживаю, видимо. Вот весь день сердце не на месте.

Вздыхает мать горестно.

— Не бери в голову, мам. — беру ее старенькие пальцы в свою ладонь и нежно глажу, — Все хорошо будет. Вот увидишь.

— Ты скажи мне, Леш, ты с ней поговорить собрался?

У меня неприятно сосет под ложечкой. Понимаю, куда она клонит. Глубоко вздыхаю.

— Хочешь я сама поговорю? — неверно трактует она мой вздох.

— Да нет, мам. Я сам.

— Леш, если тебе сложно, то давай я. Между нами девочками, так сказать? Но я без твоего разрешения не буду. Просто... Не хорошо это. Если серьезно все у вас, она тебе про ребеночка сказала, то и ты ей расскажи. Только аккуратно как-то. Чтобы не нервничала в ее положении.

— Расскажу мам. Уже сам весь день думаю об этом. Если начинать отношения строить, то с правды начинать надо. С какой бы она не была.

Мы молчим какое-то время. Понимаем, что мы думаем об одном и том же. Мать

оборачивается на дверь ванны и шепчет:

— Ты скажи, Леш, ты ей *что* собрался рассказать? Все-все или только часть?

Глава 36. Марина

Я падаю на кровать. Как же хорошо! Вспоминаю, как Леша положил ладонь мне на животик. Точно! Надо будет посмотреть пару широких сарафанов, «на вырост». И срочно записаться к врачу. Да, уже можно и нужно посмотреть на мою горошинку. Не буду откладывать это на потом. Я открываю сайт моей больницы и тут же закрываю. Нет, я не пойду туда, где меня знают. Вдруг кто-то расскажет Глебу про УЗИ. В конце концов это обычная процедура и ее можно сделать в любом другом месте. Листаю варианты поближе к школе и прикидываю расписание в голове. Завтра понедельник и после работы мы пойдем по магазинам, во вторник мне надо заскочить домой... Нет, пока мне там и правда делать нечего! Во вторник я пойду посмотреть на мою крошечную точечку.

Позвать Лешу с собой? Нет... Пока это *мое*, личное счастье. Моя жемчужинка.

Мне так нравится это сравнение! Я вскакиваю с кровати, подбегаю к зеркалу, встаю боком. Пробегаю пальцами по животу. Я и правда сейчас как прекрасная ракушка, внутри которой зреет маленькая крошечная жемчужинка. Моя! Моя крошка и возможно... Леша. Ведь он, кажется, не против стать для нас опорой.

И Елизавета Ивановна просто замечательная женщина! Она прекрасная бабушка. Васи очень с ней повезло. И мне так хочется, чтобы так же повезло и мне. Я снова падаю на кровать и запихиваю подушку себе под футболку. Вот таким смешным бегемотиком я скоро буду. Интересно, Леша будет меня любить, когда я буду такая сдобная булочка?

Вспоминаю, как он испугался, что мог повредить малышу. Такой смешной! Такой большой, взрослый, добрый и смешной! А еще заботливый. И очень-очень сильный.

Ммм! Вспоминаю его руки и тело покрывается мурашками. Да, теперь я могу думать о нем как о своем мужчине! Я могу разрешить себе наслаждаться мыслями о Алексее. Разными мыслями и даже их осуществить.

Щеки начинают гореть, в голову лезут мысли про сегодняшний вечер. Сегодня будет вечер нежности... А потом будет ночь. Да, я знаю, обязательно будет. Уже не такая дикая, как в лесном домике. А спокойная и нежная, и такая сладкая!

Резкий звук снизу обрывает ход моих мыслей.

Что это? В доме кто-то ходит? Или мне показалось? Я смотрю на часы. Вроде еще слишком рано, чтобы вернулся Алексей. Их нет всего минут пятнадцать. Может они что-то забыли и вернулись?

Мозгом я понимаю, что одна в доме, но сердце делает бешенный кульбит на неистово стучаться. Тихо подхожу к двери, приоткрываю ее и прислушиваюсь.

Нет, мне показалось! Это все наши разговоры про скелеты в шкафу и Елизавета Ивановна со своими страхами, вот мне и мерещится! Или я уже стала мнительной, как многие беременные? Я читала, что такое бывает: повышенная нервозность, излишние страхи... Хоть срок еще слишком маленький...

Бум!

Я подпрыгиваю от неожиданности. Сердце стучит как сумасшедшее. Бьется так часто, что я даже не могу дышать полной грудью. Сжимаю перила лестницы и медленно иду вниз. Дом отвечает мне тишиной. Ступенька. Еще одна. Вот я уже на пролете между первым и вторым этажом. Внизу темно и тихо.

Ну и трусиха же я!

Я выдыхаю. И спокойно спускаюсь по лестнице на первый этаж.

Заворачиваю в толовую и в этот момент там зажигается свет, ярко ударив меня по глазам. В первую секунду я зажмуриваюсь, но сквозь неплотно сжатые ресницы, я вижу чью-то фигуру в проеме.

Кровь стынет в моих жилах, я пытаюсь проглотить слюну в пересохшем горле, но у меня не выходит.

Я просто в полном ужасе смотрю на человека, который медленно идет по направлению ко мне, и не могу определить его пол. Жуткие всклокоченные волосы, грязное, словно покрытое коростой, лицо. Одежда висит мешком и издает невероятный запах.

Существо смотрит на меня глубоко впалыми глазами, подносит руку к губам и начинает облизывать пальцы. Я вижу черные полусгнившие зубы.

Наконец разум сопоставил факты. Оборванец! К нам в дом проник оборванец и выглядит он гораздо ужаснее тех алкашей в парке. Точно! Алексей оставил свой адрес и видимо кто-то из них пробрался сюда. А если он не один?

Я начинаю пятиться назад.

— Не подходите! — кричу я, и продолжаю отходить назад, — сейчас сюда приедет мой муж и вызовет полицию. Вам лучше уйти.

Человек смотрит на меня долгим взглядом.

— Твой муж? — наконец звучит вопрос. — ааааа... твой муж...

— Не подходите!

Но человек продолжает двигаться ко мне.

— А ты нечего! Такая... беленькая! — ко мне тянутся руки, и я вижу, что они покрыты страшными синяками.

Я в ужасе оглядываюсь по сторонам, хочу чем-то кинуть в этого человека, но нечего не попадает под руку. Я должна взбежать по лестнице и закрыться у себя в спальне.

Беги! Беги! Беги! — стучит мое сердце. Это лучшее, что я могу сейчас сделать.

Я нащупываю перила рукой, и нога упирается в первую ступеньку. Пусть оно отвернется! Мне нужна секунда! И я вскочу на лестницу и побегу так быстро, как не бегала никогда.

Мой маневр не остался незамеченным.

— Ну куда же ты? — бормочет человек, — Мы еще даже не познакомились. Как я тебе? Нравлюсь?

— Я не хочу с вами знакомиться, пожалуйста не подходите ко мне! — шаг на первую ступеньку

— Это ты забрала его, да? Ведь он у тебя? Отдай мне его!

Страшно кричит человек и бросается ко мне, но я уворачиваюсь и прыжками через две ступеньки взлетаю по лестнице...

Но человек тоже очень быстро оказывается рядом со мной. Мы стоим в пролете между этажами, и я не могу пойти наверх. Он перегородил мне путь. Значит надо бежать вниз и выскочить из дома. Но я не успеваю это сделать.

— Он мой! Он так нужен мне!

Крик летит мне в лицо и человек мертвой хваткой вцепляется мне в руки, сильно сдавливая запястья и царапая кожу.

— Я не понимаю, кто?! — пытаюсь вырвать свои руки из мертвой хватки.

— Он! Мой малыш! Мой мааааленький малыш!

Это какой-то кошмар! Откуда этот страшный человек знает о моем ребенке?!

— И это все мое! Мое, а не твое, ты поняла?!

Меня захватывает леденящий страх. Мозги отказываются понимать происходящее! Это какой-то кошмар!

— Нет! Я нечего не понимаю! Отпустите меня! Я не знаю кто вы! Я не понимаю, что вам надо! — уже на грани истерики кричу я в ужасе.

Леша! Лешка!! Где же ты?! Что тут происходит?!

Я уже не понимаю, кричу я это вслух или про себя. Существо начинает с невероятной силой трясти меня за плечи, над моим лицом мелькают совершенно безумные глаза.

— Мое! Это мое! Ты?! Ты пытаешься забрать мое! Сдохни тварь!

Сильнейший толчок сбивает меня с ног, и я кубарем лечу с лестницы.

Боль. Нога. Шея. Голова.

Как болит голова! Я почти теряю сознание, когда вижу нависшее надо мной лицо.

— Кто ты... — то ли шепчу, то ли думаю я.

И последнее, что ловит мое сознание перед тем, как я впадаю в темноту, слышу:

— Я — Лешина жена.

Глава 37. Алексей

Подъезжаю к КПП, и замечаю, что машина Ромки уже стоит при въезде. Он бродит рядом с сигаретой.

— Ты что так рано, — выглядываю из окна.

— Да, я по делам потом... — уклончиво отвечает друг.

— Понятно по каким ты делам! — поворачиваюсь к охраннику в будке. — Это со мной.

Пропустите.

— О, ты с тортиком. — замечает Ромка, когда мы уже идем от ворот к дому.

— Это наш первый совместный вечер вдвоем. Совсем вдвоем. Хорош ржать! — толкаю его под бок, — Есть маленький повод отпраздновать.

— Понял, я на пять минут тогда. Задерживать не буду. Празднуйте, хоть во всех комнатах по очереди!

— Пошляк! — улыбаюсь я.

— А то! — поддакивает Ромка и замирает едва, переступив порог дома.

— Да проходи ты, — толкаю Ромку, — не стой в дверях.

— Что это, Лех? — вдруг говорит он мне странным голосом.

— Где?

Я отпихиваю остолбеневшего друга в сторону и прохожу за ним. Сначала не понимаю, что он имеет в виду. Вглядываюсь в темный коридор и вижу непонятную кучу вещей, сложенную в основании лестницы. Секунда. Другая. Мозг уже понял, что я вижу, но разум не хочет этого понимать.

— Маринка... — шепчу я, торт летит на пол со шмякающим звуком.

Я бросаюсь к лестнице. Ромка в два прыжка оказывается со мной.

— Она жива, — щупаю ее пульс. — Давай поднимем...

— погоди, — останавливает Ромка, — вдруг что-то со спиной, тогда двигать нельзя.

Может оступилась на лестнице. Я звоню в скорую.

Склоняюсь над ней снова, и замечаю на джинсах крова-красное пятно, расплзающееся по ткани в районе ее бедер.

О, нет... Ребенок...

Я холодею. Что тут произошло? Как она могла так упасть? Закружилась голова? Оступилась, как говорит Ромка? Что с малышом?

Рука друга опускается на плечо и вырывает меня из страшных мыслей.

— Пять минут. Они мчатся. Сказали пока не переворачивать. Успоко...

На кухне зажигается свет. Мы переглядываемся. Ромка медленно берет трость из подставки для зонтов и тихо идет в сторону кухни. Я перед ним, сжав кулаки. Мне нет нужды что-то брать. Я просто готов порвать за нее. И не важно сколько человек там окажется, и кто они.

— Выходи с поднятыми руками, — кричит Ромка и сжимает трость над головой.

— А если не с поднятыми?

В коридор выходит человек, и я спиной ощущаю, как Ромка от удивления опускает руки.

Мой мозг ошарашен происходящим, я вижу перед собой человека, который никак не может быть здесь. Не может и все!

И мне вообще хотелось бы, чтоб этот человек не существовал вовсе. Или это просто

галлюцинация?

Но тут Ромка рушит тишину:

— Какого черта ты тут делаешь, Ира?

Это не сон, не галлюцинация. Это действительно моя бывшая жена.

— О, явился, — скрипуче говорит она, глядя на меня, — я смотрю хорошо устроился, да?

Мои глаза моментально наливаются кровью. Руки сжимаются в кулаки, я бросаюсь вперед, но Ромка молниеносно останавливает меня, схватив за рукав.

— Дрянь. Мерзкая дрянь. — ледяным голосом начинаю я, — Да как ты посмела заявиться в мой дом!

— Бабу смотрю какую-то приволок... — продолжает моя бывшая жена. — Жаль, не познакомилась с ней...

— Ты сломала жизнь всем! Мне, Ваське, маме! Всем! — начинаю закипать я, — Погоди...

Холод заползает в мое сердце. Страшная догадка скребет сознание своим острым когтем.

— Это твоих рук дело? — киваю в сторону Маринки. — Я убью тебя.

В моем голосе столько ледяной ярости и силы, что все понимают — это не пустые угрозы. Я делаю быстрый шаг вперед, и слышу, как трость летит на пол из Ромкиных рук, и друг уже крепко обхватывает меня, чтобы я не наделал глупостей.

— Леха! Леха! — бормочет он, — не надо, Лех!

— Моих рук...? Что...? — поворачивая слова вялым языком уточняет Ира.

— Я убью тебя! Убери руки, Ромыч! Или я и тебя...

— Да она же угашена в хлам! Ты что не видишь? — уже срываясь на крик орет Ромка, — Ты хочешь из-за нее на нары отъехать? А Васька? Мама? Маринка? Успокойся, Лех! Успокойся!

Говоря все это, Ромка старательно оттаскивает меня в другую сторону коридора. Взгляд снова падает на Маринку. Ну где-же скорая! Снова, невольно, вижу перед собой эту мерзкую женщину, к которой давно не испытываю нечего кроме ненависти.

— Тварь! — бросаю ей в лицо.

Ира задумчиво чешет голову.

— Вызови ментов, Лех! Надо разобраться как она сюда пробралась! Отпускаю? Ты себя контролируешь?

— Да отпусти ты меня! — вырываю руки из хватки друга.

Злюсь, но очень благодарен ему. Я и правда мог ее убить.

— Какого хрена ты тут делаешь? Как ты тут оказалась? Кто тебя пропустил?

Ира смотрит на меня пустыми глазами слегка покачиваясь при этом.

— Где мой малыш? — вдруг говорит она, пытаюсь остановить на мне взгляд.

— Твой малыш? — переспрашиваю, и слышу, как мой голос гремит в стенах дома, — возможно в том притоне, где ты его пыталась продать? Почти восемь лет назад, помнишь? Твой малыш? Да как ты смеешь вообще упоминать нашего сына, после того, что из-за тебя с ним было?

— Скорая, Лех! — кричит Ромка. — Я открою ворота!

Мы остаемся втроем. Я и две женщины. Я смотрю на свою женщину из прошлого, и понимаю, что она могла уничтожить мое будущее.

— Напомню условия нашей сделки: я даю тебе на хлеб, а взамен, ты никогда близко не подходишь к сыну, моей маме и моему дому. Я даю тебе *на хлеб*, но я догадываюсь, на что ты тратишь на самом деле. — смотрю на ее пятна на руках. — И мне уже все равно. Слишком долго я пытался тебя спасти.

Хотя, сможет ли понять хоть что-то, из моей фразы, ее разрушенный мозг?

В дверь врываются два фельдшера с Романом.

— Что с ней? — наклоняюсь я над Мариной.

— Не мешайте работать! — огрызается один из врачей, отпихнув меня в сторону.

— Она беременна, — поясняю врачам, и чувствую, как Ромка поднимает на меня вопросительный взгляд.

— Какой срок? — деловито уточняет фельдшер.

— Около месяца, — мотаю головой, отвечая на не поставленный Ромкин вопрос. — Как она?

— Плохо. Повреждения позвоночника вроде не наблюдается. Но надо смотреть в больнице. Кровотечение тяжелое. Возможно, потеря ребенка. Везем в первую городскую.

— Нет, — прерываю я. — В «Вита-Мед» и быстро!

— Но это частная и дорогая...

— Это моя клиника! — прерываю я. — Марку сейчас позвоню.

Вытаскиваю телефон и быстро иду к дверям.

— погоди, — мне преграждает путь Ромка, — а менты? Я вызвал полицию, они мчатся. Но хозяин ты! Тебе и показания давать. Приедешь позже. Не переживай, я поеду с Маринкой. Предупреди Марка. И последи за этой... — он проглатывает слово, и кивает на сидящую на полу Иру, — чтобы не сбежала. Но не убей ее!

Когда дверь за фельдшерами закрывается, я перевожу взгляд на бывшую жену:

— У меня один вопрос: кто дал тебе пропуск?

Глава 38. Алексей

— Таким образом мы видим... — указка менеджера елозит по какому-то графику, про который она рассказывает больше часа. Но что это за график, убей не понимаю.

Устало тру глаза.

— Я понял, Ольга. Спасибо, коллеги. Давайте перенесем совещание, — бросаю взгляд календарь, — на следующий понедельник. Нам нужен выезд на стройку в ближайшие дни? — спрашиваю у подчиненных.

— Нет, я там вчера был, — вклинивается Ромка.

— Спасибо, Роман Евгеньевич. — киваю Ромычу, — Все свободны, всем спасибо.

В полной тишине народ покидает комнату. Ловлю на себе осторожные взгляды Олечки из проектного отдела и кого-то еще. Слухи наверняка расползлись по офису. Но мне все равно. Голова занята другим.

— Ты сегодня спал? — Ромка садиться на стол рядом со мной.

— Пару часов, в больнице. — бросаю в ответ.

— Леха, на тебе лица нет. Тебе надо...

— Что мне надо? — вспыхиваю я, — Отдохнуть? Поспать? Расслабиться?

— Для начала сходить в душ и не орать на друга.

— Извини, — устало тру глаза.

— Я так понял, новостей пока нет? — вздыхает Ромка.

— Нет. Марина не приходит в себя. За ребенка борются. За нее тоже. Марк предупредил, что шансов на сохранения мало. Каждый день в коме, огромный риск для Марины и малыша.

Ромка вздыхает и идет к бару.

«Хорошо ему, — думаю с какой-то злобой. — хорошо никого не любить. Можно спокойно спать ночами и ездить по разным бабам». И тут же с досадой бью кулаком по столу. Ромка мне пытается помочь, а я...

— Что говорят менты? Тебе плеснуть? — спрашивает друг, даже не обернувшись на звук удара.

— Я за рулем. — собираю документы в стопку, хотя дикое желание порвать все в клочья, — Нечего не говорят. Допросили Иру и отпустили. Доказательств, что она столкнула нет. Как прошла через ворота непонятно — говорит, случайно. Ну а про пропуск ты уже знаешь.

— Да, ребята из айти отдела ищут пути, как на компьютере охраны появился пропуск на ее имя. Как только появится информация, скажу. Слушай, Лех, — мягко говорит Ромка, — поезжай к себе. Ну хоть к матери. Поспи часочек. Давай я в больницу сам сгоняю, подменю. Ненадолго! На ночь у меня планы, учти!

Губы невольно сжимаются в полуулыбке. Ромка такой... Ромка!

— О! Отлично! — говорит друг, заметив, как искривился мой рот, — Давай, вали к себе на часик-два и потом в больницу.

Смотрю, как вода стекает в сливное отверстие. Смотрю долго. Ни одной мысли в голове. Боюсь думать.

Сейчас я сделал все, что мог. Марка знаю сто лет. Еще со времен, как пытался вытащить

Иру. Потом реабилитировал сына, и он советовал лучших неврологов. Когда Марк захотел основать свою больницу помог деньгами не раздумывая. Марина в хороших руках. Самых лучших в городе. Я знаю. Я уверен.

Хотя я так же был уверен, что в моем доме нечего не может случится.

Черт! Черт! Черт!

В исступлении бью кулаком кафель. По плитке растекается красная полоска. Кажется, сбил костяшки. Но никакая физическая боль не может заглушить внутреннюю. Я виноват. Я не уберег. И я сделаю все, чтобы найти того, кто стоит за этим.

А потом... А потом я уничтожу этого человека.

Разумеется, ни в какой сбой системы у охраны я не верю. Имя Иры появилось в списке пропусков. И это не случайность.

Выхожу из ванны, как раз, чтобы услышать, как открывается входная дверь в квартиру.

— Папка!

— Привет, сын! Привет, ма!

Васька скидывает кроссовки и бежит ко мне. Смотрит с выжиданием.

— Новостей нет, сын, — тихо говорю я, догадываясь, о чем он хочет узнать.

— Жалко, — вздыхает, — нам такую замену поставили, она такая...

— Вася! — прерывает мать, — За языком следим, руки с улицы моем.

— Иду, — бурчит сын и огибает меня, чтобы пройти в ванну.

Мать тихо подходит ко мне и прижимается.

— Как ты, сын? — одними губами спрашивает она.

— Плохо, мам. Но я делаю все, чтобы было хорошо.

— Я верю в тебя. Пошли поешь.

— Я не хочу, пора в больницу.

— А это не предложение. Это приказ. — совершенно серьезно отвечает мать. — Сейчас тут главная я. На обед суп и пюре с котлетой. Сколько ты не ел? Два, три дня? Тебе нужны силы. Поешь и потом больница.

Мать идет на кухню и замирает посреди коридора. Потом медленно оборачивается ко мне.

— Скажи, сын, — вдруг спрашивает она, не поднимая глаз, — а что ты будешь делать, если Марина тебя не простит?

Глава 39. Алексей

В кабинет Марка я могу зайти без стука, но все равно обозначаю свое присутствие.

— Войдите! О, Леша! — он встает на встречу ко мне, — ты как? Опять не спал. Я же обещал тебе позвонить, как только в ее состоянии что-то изменится.

— Я знаю, Марк, но не могу я быть дома, понимаешь?

— Понимаю. — серьезно отвечает врач. — Может тебе снотворное дать?

— Да иди ты со своим снотворным, — беззлобно говорю я, падаю в кресло и поднимаю на него вопросительный взгляд.

— Пока все по-прежнему. Как только выйдет из глубокого сна, можно начать давать препараты по сохранению. Пока нет, понимаешь? Нагрузка может быть огромной. Фатальной.

— К ней по-прежнему нельзя?

— Извини друг, но больше тебя в интенсивную терапию не пущу, — серьезно отвечает Марк. — Я на твои уговоры поддался. Ты ее видел вчера. Поверь, сейчас все то же самое. Будут изменения — ты узнаешь первым. Есть новости об Ире?

— Нет. Допросили и отпустили. Состав преступления отсутствует. Доказательств, что она столкнула Марину нет. Связь с Рогальским не доказана.

— Ты по-прежнему думаешь, что это его рук дело?

— Я доверяю фактам. До всей этой истории Ира близко не приближалась к нам уже много лет. Пару лет назад она даже стала снова думать лечь на реабилитацию. Мы даже встретились лично. Я сказал, если решится — помогу. Положим ее к тебе. Опять.

Марк грустно смотрит в стол и крутит в руках ручку. Я знаю все, что он мне может сказать про Иру. Обсуждалось это много раз.

— Но я думаю, ей просто снова хотелось надавить на жалость. Выбить себе больше денег. Естественно, ни в какую больницу она в реальности не хотела.

Марк вздыхает.

— Ты знаешь правила — только добровольно и только осознанно. И даже тогда не факт, что поможет. Впрочем...

— Впрочем, — перебиваю друга, — я потратил на нее слишком много сил и энергии. Я сделал все, что мог. Больше не интересно. А вот как ее имя появилось в списке у охраны — интересно. Она не просто так пробралась! У нее была цель. И кто-то ей эту цель дал. Я его найду. И разберусь.

Марк поднимает на меня серьезный взгляд.

— Только я надеюсь, разборки будут в рамках закона. Не хочу моего крестника один на ноги ставить!

Обвожу взглядом кабинет Марка:

— А что, не поднимешь? — я невольно улыбаюсь.

— Подниму! Но кто-то кажется о дочке мечтал? Так что давай — здоровье бери, все дела решай, а я Маринку твою на ноги поставлю. Обещаю.

— Спасибо, друг, — протягиваю руку Марку, — Пойду посижу в коридоре, как обычно.

Поднимаюсь на лифте. Сажусь напротив вереницы дверей. Интересует меня лишь одна. За ней — моя любимая.

Этот коридор у палаты стал мне родным за эти три долгих дня и три бесконечные ночи.

Офис — документы — звонки — больница — снова офис.

Я уже знаю, что, если соединить вот эти коричневые скамейки, на них можно лежать ночью и смотреть в потолок на мерцающую лампу. Да, Марк дал ключи от ординаторской, но она на первом этаже. А Марина на шестом. Мое место тут. Рядом с ней. Во всяком случае сейчас.

Смотрю на разбитый кулак. Я привык действовать. Ненавижу ждать. Но пока надо собрать всю информацию.

Марк и его команда делает свою работу. Отдел айти пробивает компы. Мама возится с сыном. Ромка ездит на объект.

Я хотел тряхнуть Ирку после ментов — сбежала. Нечего, я ее из-под земли достану. Но позже. Пока я хочу знать, что с Мариной все хорошо.

Поднимаю взгляд на закрытую дверь реанимации. Она опять рядом и опять так далеко. Прикрываю глаза.

— Тсс! — тонкая рука обвивает меня. Нежный запах таких знакомых волос окутывает меня с ног до головы.

Я подхватываю ее и сажаю к себе на колени. Она улыбается. Трётся носиком о мою колючую щеку. Прижимаю ее к себе, маленькую, беззащитную, такую манящую.

Погружаюсь пальцами в копну ее волос и привлекаю к себе поцелуем. Самые сладкие губы на свете отвечают мне, и я готов сорваться, и целовать ее шею, плечи, руки.

Ее пальчик вновь скользит по моим губам и останавливает мои поцелуй.

— Тсс! — повторяет она, — тебя надо поспать...

Резко открываю глаза. В воздухе еще витает аромат ее волос. Что за черт! Опять видел ее то ли во сне, то ли наяву. Не первый раз за эти дни. Видимо тихо схожу с ума.

Провожу ладонью по лицу. Холодная испарина. Который час?

Достаю телефон. Сообщение о пропущенном звонке от Ромки. Да, точно. Тут же не ловит телефон.

Бросаю взгляд на закрытую дверь палаты. Уйти вниз и позвонить? Вдруг там что-то важное, но тогда придется оставить ее одну. Почему-то совершенно не хочу этого делать сейчас. Словно что-то не дает мне уйти.

Дверь лифта открывается и на этаж выходит миловидная девушка в форме медсестры. Не встречал ее раньше.

— Девушка, — бросаюсь к ней. — Вы в реанимацию? Я хотел узнать о состоянии пациентки...

— Так я же иду туда, — волнуясь говорит она, — а не оттуда. У меня смена не началась еще, извините.

Смотрю, как она скрывается за дверью и пытаюсь на удачу набрать номер Ромки. Звонок не проходит.

Дверь палаты снова открывается и на порог выплывает грузная женщина лет пятидесяти. Мы уже примелькались друг к другу за эти дни.

— О, вы снова тут, — бросает она мне и перед заходом в лифт.

— Есть новости?

Женщина нажимает на кнопку лифта:

— Да, пока все по-прежнему. Хотя, вы знаете, кажется пальцами сегодня шевелила.

— Да? — бросаюсь к дверям лифта.

— Угу. Но так. Ели заметно. — она отступает и пропускает меня в кабину.

Бросаю взгляд на дверь палаты и на телефон, который верчу в руках.

Что ж, наверное, я могу оставить Марину одну на пару минут и позвонить Ромке. Вдруг информация от айтишников.

Медсестра нетерпеливо дергает кнопку лифта.

— Ну что, вы едите вниз? Или остаетесь?

В холле у регистратуры как обычно много народу. Стоит гул: записи, пациенты, родственники с передачами. Выхожу из больницы и заворачиваю за угол. В тень деревьев.

Набираю Ромке. Слышу короткие гудки.

Ладно подожду пару минут, если не ответит, пойду назад.

— Прощу прощения. — слышу за спиной спокойный вкрадчивый голос.

Я оборачиваюсь. Голос принадлежит высокому седовласому мужчине, лет за пятьдесят. Хороший костюм, кожаная папка в руках. Хм...

— Вы Алексей Артемьев? — продолжает он, отчего-то слегка смущаясь. Или мне только кажется?

— Да, а вы...

— Давид. — он протягивает мне руку, — Давид Григорьевич Рогальский. Могу я с вами поговорить?

Глава 40. Марина

— Спят усталые игрушки, куклы спят...

Я напеваю колыбельную, сжимая в руках малышку. Но ей совершенно не хочется спать. У нее другие планы. Она смотрит на меня снизу-вверх своими огромными глазами и тянет ко мне ладошки. Я ловлю губами ее пальчики и с наслаждением вдыхаю нежный молочный запах моей крошки. Маленькие ножки резво стучат по моей ноге.

— Не спит? — слышу я за спиной тихий мужской голос.

— Нет, ей нравится, когда ты поешь, а не я, — к моей спине прислоняется что-то большое, сильное и спокойное. И я сразу выдыхаю. Все будет хорошо.

Сильная крепкая рука опускается к моей крошке. Кладу голову на мужское плечо.

И тихая колыбельная в мужском исполнении начинает витать вокруг.

Вдруг опора за моей спиной резко исчезает, и я падаю в темноту. Изо всех сил, прижимаю к себе мою малышку. Только не бойся, моя милая. Я здесь! Мама рядом!

Темнота раскрывается перед моими глазами, словно пасть дикого животного и сильнейший порыв ветра старается вырвать из моих рук кричащего ребёнка. Я сильнее прижимаю ее к своей груди. Я не отдам тебя! Никому! Только держись! Только будь со мной! Плач ребенка сливается с моим криком ужаса.

И я падаю в пустоту. Мои руки пусты.

— Пить... — то ли шепчу, то ли думаю я.

— О! Очнулась! Моя ты хорошая! — мягкий голос рядом.

Моих губ касается трубочка, я пытаюсь сделать глоток.

Теплая нежная рука поддерживает мой затылок. Опускаюсь на подушку и наконец вижу перед собой молодую женщину в форме медсестры. Ее большие ясные глаза смотрят на меня с таким участием.

— Где я? — разлепляю засохшие губы.

— В реанимации, — осторожно говорит медсестра, — Уже четыре дня...

— Четыре? — я пытаюсь пошевелиться.

— Лежите! — в ее голосе появляются нотки беспокойства.

Малышка! Моя малышка! Мои руки еще помнят тепло ее крохотного тельца, мои губы ощущают сладость ее пальчиков. Где она?

Мои руки блуждают по плоскому животу.

— Мой ребенок, — шепчу я с ужасом, — что с моим ребенком?

— Вам нельзя волноваться! — красивые пухлые губки моей собеседницы поджимаются. — Сейчас позову врача...

— Что с моим ребенком? — холодея спрашиваю я и вижу, что медсестра отводит глаза.

Нет! Нет! Только не это!

— Я не могу вам ничего сказать. Мне нельзя. Но вы только не волнуйтесь! Сейчас врач освободится...

— Я не могу ждать врача! — мое тело подается вверх, но крик лишает меня остатков сил, я падаю на подушки. — Не могу ждать... Каждая секунда пока я не знаю правды... Это ужасно... Понимаете?

Я сойду с ума, если не узнаю правды! Неужели она не понимает?!

Моя собеседница бросает короткий взгляд на входную дверь и в нерешительности

теревит край своей фирменной футболки.

— Я не врач! Меня вообще могут уволить, — быстро шепчет медсестра, — вдруг я скажу что-то не то...

— Прошу, все что вы знаете... Пусть даже плохое... — мои дрожащие пальцы цепляются за ее руку.

Пусть самое страшное, но узнать сейчас, а не находиться в этих долгих муках незнания.

— Вы потеряли много крови, — мягко начинает она, — Но... Но вроде как угроза выкидыша миновала. Только пусть вам доктор все расскажет. А меня не выдавайте, пожалуйста. Я тут еще на испытательном сроке, а правила строгие. Давайте еще попьем.

Я жадно делаю глоток воды, ощущая, как влага растекается по моему сухому горлу.

— Больше пока нельзя, — медсестра убирает поилку от моего лица, — Сейчас позову Марка Антоновича!

Девушка быстро выбегает из палаты и мой взгляд начинает скользить по зеленым стенам помещения.

Я лежу в небольшой комнате. Жалюзи на окне колышутся от ветра.

Мои тонкие пальцы скользят по белой простынке. Замечаю, что в венах двух рук вставлены катетеры. На левом предплечье крепится какой-то механизм и провода тянутся к большой странной машине в углу комнаты.

Неприятное чувство.

И дико хочется пить. Я провожу кончиком языка по шершавым губам. Скорей бы пришел врач и все мне объяснил. Что произошло и как я тут оказалась.

Как я тут оказалась?

Медсестра сказала, что я тут целых четыре дня. Какой кошмар! А как же моя работа? Ладони сжимают тонкую простынь, но я тут же разжимаю пальцы. Нечего! Справятся без меня. Пришло время подумать только о себе.

Моя малышка! Я видела во сне девочку. Я уверена! Маленькую, сладкую девочку!

И рядом был мужчина. Я точно это помню. Пытаюсь вспомнить видела ли я во сне его лицо... Нет, только голос. Но мне было так хорошо с ним, так спокойно.

Это может быть только один человек! Только мой Леша.

Леша...

Стоило этой мысли промелькнуть в моей голове, как мозг услужливо вернул картинку воспоминания. Перед моими глазами лицо сумасшедшей, ступени лестницы в доме Леша.

Стоп! Что она сказала перед тем, как упала в темноту? Что-то очень важное! Что-то, что напугало меня до смерти... Но что...

Есть какая-то мысль, которая крутится у меня в голове. Я силюсь поймать ее, но она ускользает.

Мои пальцы холодеют.

Вот я и та сумасшедшая...

Сердце начинает стучать сильнее, и странная штука в углу комнаты начинает пищать.

Вот она спихивает меня с лестницы...

Нет! Я не хочу вспоминать, что было дальше, но я сама откапала в своем сознании эту фразу.

Такую страшную. Такую ужасную! Не честную!

Вот она наклоняется надо мной...

Не надо! Не вспоминай дальше! Пожалуйста!

Вот она говорит...

С моих губ срывается крик. Обида, страх, боль, ужас — все это смешивается воедино, и я начинаю рыдать. Некрасиво. Громко. Я всхлипываю от ужаса и мои пальцы начинают рвать простынь. Крик заполняет все помещение. Мой страшный крик.

Он женат! Женат!!

Как он мог? За что он так со мной? За что?

Глава 41. Глеб

— Во всяком случае это просто хамство, скрывать от тебя, где находится твоя жена. По его между прочим вине! Этот Артемьев должен получить по заслугам. Подумать только, твоя Маринка сбежала к нему, а его жена, столкнула ее с лестницы. Знаешь, я думаю, так Маринке и надо! За все её выходки в ресторане! Это же надо такое учудить! Давид рвет и мечет до сих пор.

Продолжает бубнить мать, когда мы входим в вестибюль больницы.

— Бывшая жена, они давно в разводе, — устало повторяю я.

— Ах, какой он благородный! Не смог бросить до конца эту наркоманку! Впрочем, нам это сейчас на руку.

Разумеется, я всё рассказал матери, как только узнал о развитии событий. Почти все. Не стоит ей знать, с чьей помощью бывшая жена Артемьева пробралась в закрытый поселок.

Правда мне пришлось дожидаться пока Ирку отпустят менты, а потом и просто, когда ее отпустит, но в конце-то она мне всё рассказала. Как миленькая. Но информацию я получил с опозданием на пару дней.

Мой план был задуман просто отлично. Шоколадка консьержке — и вот мы знаем, что Артемьев всегда привозит сына в квартиру накануне учебы, чтобы сынок поспал подольше. Хорошо, что Алексей такой предсказуемый отец.

Ну а что работников не будет, и дверь не закрывается — это прям повезло. Изначально я просто думал, что Ира перехватит Маринку в саду или ещё где-то. Это уже была не моя забота. Она получила деньги и должна была отработать.

С лестницей Ирка переборщила конечно. По плану, ей надо было просто объяснить мое жене на пальцах, что Алексей не так хорош, как кажется. Бросил жену, гад такой. Отобрал ребеночка, скотина этакая. А что жена наркоманка и давно вообще бывшая, говорить не обязательно. Тут главное, как рассказать!

Маринка должна была ужаснуться, испугаться, сбежать, ну и вернуться ко мне. Всё!

Я уже заготовил речь с покаяниями и уверениями, что с Ленкой все кончено.

Морщусь при воспоминании о Ленке. Эта дрянь начала визжать как резаная свинья, от моего вопроса, а точно ли бэбик мой и скрылась, хлопнув дверью. Второй день не отвечает на звонки. Нечего. И с ней разберёмся.

Сейчас главное разыграть всю ситуацию с Маринкой в свою пользу, чтобы отец наконец отстал.

— Да, да, Марина Рогальская, — уточняет мать в регистратуре, — в реанимации?

Она бросает на меня взгляд, и я пожимаю плечами. О том, что произошло в доме я узнал вчера вечером. Дальше дело техники. Раз упала — то больница, раз больница — то его. Артемьев соучредитель только этой клиники. Всё. Мы здесь.

— Да, как нельзя? — возмущается мать на медсестру, — это же наша доченька любимая! Вот муж её! Что значит нельзя?

Подхожу ближе и облокачиваюсь на стойку.

— Девушка! — бросаю улыбку регистраторше, — мы поняли, что нельзя попасть в интенсивную терапию. Но у главврача проконсультироваться можно? Все-таки жена моя...

Девушка растерянно хлопает ресничками.

— Так четыре дня у нас лежит, а вы...

— Каюсь, был в отъезде. Вот только узнал и сразу к вам. С другого конца страны приехал, а страна у нас большая. Двое суток не спал.

Обезоруживающе улыбаюсь.

— Понимаю, — бормочет работница, — вы поднимитесь на четвертый этаж, там кабинет Марка Антоновича. Он сейчас у себя. Он вашу жену лично ведёт. И он вам всё расскажет.

— Спасибо вам, вы моя спасительница!

Румянец покрывает щеки девушки.

— А реанимация у вас...?

— На шестом, но вам туда нельзя. Бахилы вот возьмите.

Протягивает в окошко синие кулечки.

— Ну что, поехали к этому главврачу? — по-деловому уточняет мать, цокая каблуками по коридору.

— Нет, давай сразу с шестого начнем. Посмотрим, как там.

Стоило нам выйти на этаже из открытых дверей лифта, как навстречу, из одной палаты, выбегает медсестра.

— Девушка! — останавливаю я её, — жена моя тут лежит. Марина Рогальская, подскажите?

— Ой! — вздрагивает она и смотрит на дверь откуда, только что, выскочила.

Слежу за взглядом медсестры и запоминаю куда она посмотрела. Отлично, значит Маринка там.

— Да, но она только что в себя пришла. Вот, сейчас Марка Антоновича позову. Вам пока туда нельзя!

— Конечно, конечно! — со всей заботой говорю я, — Как она?

— Вы знаете, лучше. И с ребёночком вроде дела хорошо! Четыре недели, еще такой срок опасный, но вроде всё обошлось!

Медсестра быстро запрыгивает в лифт и исчезает за закрытыми дверьми.

— Ребёнок? — переспрашиваю я.

— Четыре недели, Глеб! — мать прижимает руки ко рту.

И тут до меня начинает доходить.

— Она беременна от меня, что ли?

Пытаюсь вспомнить события месячной давности. Да, выходит мой. Ошарашено смотрю на мать.

— Это твой ребёнок, Глеб, — то ли уточняет, то ли спрашивает мать.

— Мой, — уверенно отвечаю я.

— Ну значит, пришло время с ней поговорить!

И расправив плечи, моя мать резко открывает дверь в палату Марины.

Глава 42. Марина

Я вытираю слезы и перевожу дыхание.

Пока нет сил думать. Надо просто успокоиться.

Вдруг дверь резко распахивается и походкой от бедра в палату заходит последний человек на земле, которого я бы сейчас хотела видеть. Моя свекровь.

Нет, предпоследний...

Следом вальяжно заходит мой муж и прислоняется к дверному косяку, сложив руки на груди.

Непроизвольно натягиваю простынь до подбородка. Мне хочется съёжиться и спрятаться. Я не готова воевать сейчас. Мне слишком больно сейчас и без них. И совершенно нет сил слушать еще и их оскорбления.

Но Изольда Марковна ведет себя необычно.

— Доченька моя родная! — кричит она и бросается ко мне.

— Уйдите! — я пытаюсь отодвинуться от ее навязчивых поцелуев.

— Ну что, ты девочка моя, — она садится рядом со мной и с усилием выдергивает мою руку, и крепко сжимает в своей ладони, — не признала? Кому как не мне тебя сейчас поддержать. Медсестра сказала, с малышом все в порядке.

Моя рука невольно дергается при этих словах, но цепкие пальцы моей свекрови еще сильнее сжимают мою кисть. Она хищно заглядывает мне в глаза:

— Почему же ты скрыла это от нас, а? Девочка, моя! Ну это же такая радость, да Глебчик?

Меня пробивает в холодный пот. Я что-то должна сказать им, но у меня хватает сил только безмолвно открывать рот.

Глеб продолжает стоять в дверях, глядя на меня сверху вниз.

Откуда они знают? Как они тут очутились?

И главное — как мне себя вести?

— Бедняжка, — причитает свекровь, — Сколько же ты натерпелась, моя девочка.

Изольда Марковна даже пытается обнять меня. Я сижу не шелохнувшись.

Сколько всего они знают? Кто привез меня сюда?

Кому я могу верить?

Свекровь выжидательно смотрит на меня и видимо не довольна моим молчанием. Она картинно вздыхает и переходит в наступление:

— Глеб весь извелся. Ночами не спал! Он так переживал, так переживал! — она наклоняется к моему уху и говорит громким шепотом, — Мы разберемся с Леночкой. Я конечно от нее в шоке! Я так рада, что ты нас поставила в известность! Глебу было так стыдно нам признаться в своем поступке. Он оступился. Он так сожалеет. Он так переживает!

Перевожу взгляд на мужа. Кажется, он только что подавил зевок.

Хочу одного — чтобы меня оставили в покое! Мне надо подумать и разобраться в себе. Но моя свекровь не дает мне и минуты опомниться:

— Ты знаешь, — доверительно продолжает Изольда Марковна, — хоть она и твоя сестра, но... Нам кажется, что ребенок не от Глебушки. Мы думаем, она могла ему что-то подсыпать. Ну ты понимаешь... И вот он ее... Ну того... оступился! С кем не бывает, да?

Может Лена вообще его приворожила! Ты прости, о твоей сестре конечно говорим, но вы прям с ней разные. Ты — умница и красавица, а она...

— Замолчите!

Свекровь поджимает губы и смотрит, на меня, как на расшалившегося ребенка.

— Мариночка, — бросается она на второй круг, — ты главное не переживай! Глеб за тебя ни за что не сердиться.

— Что?!

Они еще смеют «не сердиться» на меня? Внутри все клокочет от злости.

— Ну за Артемьева! — выпячивает глаза мама, — этот проходимец пытался вскружить тебе голову! Бедная девочка! А вдруг его сумасшедшая жена могла тебя убить? А если бы ты что-то случилось с малышом! Сколько же тебе пришлось пережить!

Я начинаю кусать губы. Да, действительно, упоминание про Лешину жену попало мне прямо в сердце и снова причинило боль.

Это был удар ниже пояса. Вся моя злость на свекровь отступает. Слезы подступают к глазам.

— Да, — муж наконец перестал подпирать стену и подходит ко мне ближе, — вот ведь как бывает. Иногда за маской приличного человека может скрываться такой подлец!

Мне хочется ответить ему, но я не могу подобрать слов. И главное, ведь пока выходит, что Алексей и правда подлец...

— А что ты так гневно смотришь на Глебшку? — вступает свекровь, — Ведь он прав! Да-да, этот Артемьев наверняка все это придумал, чтобы сорвать сделку Глеба. Я уже подумала про это! — тараторит она, — Ты что думаешь он в тебя влюбился? Нет, он просто подловил тебя! В сложную минуту этот мерзавец поймал тебя в свои хищные сети. Нет, я не оправдываю Глеба. — мать строго смотрит на мужа, — Глеб балбес, но он свой балбес! Он раскаялся Марин! Он ночами не спал. Мы так переживали где ты, как ты! Глеб, ну что ты молчишь?

— Мама выйди, нам надо поговорить наедине.

Свекровь быстро переводит взгляд с меня на мужа и встает с кровати:

— Хорошо, я подожду в коридоре.

Муж провожает ее взглядом, и когда дверь за его матерью закрывается подходит ко мне. Я невольно отодвигаюсь от него.

— Понимаю, что я не самый лучший муж, но обещаю, что исправлюсь. — вздыхает Глеб, — Ради тебя, ради нашего ребёнка. Понимаю, ты запуталась, и я повел себя не красиво с тобой. Сначала с этой глупой изменой. Потом запаниковал, что могу потерять тебя и наделал глупостей с банковскими карточками. Я не ценил тебя, и за это наказан.

Внимательно смотрю на мужа. Неужели он искренен со мной сейчас? Может я правда поспешила с выводами? Что я знаю об Артемьеве? Да мы знакомы с ним... Сколько? Неделю? Две?

А мужа я знаю уже несколько лет.

Как сказала свекровь, Глеб подлец, но это свой подлец!

Как же я устала. И запуталась. Мне надо подумать!

Я поднимаю на мужа глаза и задаю последний вопрос:

— А Лена? Если у нее все же твой ребенок, что мы будем делать?

— Если это мой ребенок, то я буду выделять на него деньги. Он не в чем не будет нуждаться. А для тебя я сделаю все, что могу — обещаю. Клянусь, ты забудешь этого

Артемяева. Я понимаю, ты еще так юна и наивна... И ему удалось обвести тебя вокруг пальца... Но сейчас я рядом. Я смогу тебя защитить. Тебя и нашего ребенка. И каждый день всей нашей будущей жизни я буду доказывать тебе свою любовь. Я обещаю!

Глеб наклоняется ко мне и целует меня в лоб.

Дверь в палату открывается. На пороге стоит медсестра и мужчина в костюме врача:

— Что вы тут делаете? — громогласно спрашивает он. — Выйдете из палаты!

Немедленно!

— Вообще-то я ее муж! — огрызается Глеб.

— Вообще-то сюда нельзя никому! Пройдите в коридор! — и продолжает, глядя на медсестру, — Юля! Как вы могли пустить посторонних! Почему вы оставили больную одну? Где Антонина Павловна?

Юля молча хлопает глазками.

— Отдыхай, любимая. Артемьев близко к тебе больше не подойдет. Я все улажу. Держите меня в курсе, доктор, — и добавляет громким голосом в дверях, — ради своей любимой жены я готов на все.

— Подлец, — одними губами бормочет врач, когда дверь за мужем закрывается, — Извините, Марина. Они не должны были сюда входить... Вообще у нас днем полный этаж медперсонала, не понимаю, как это произошло.

Он кидает быстрый взгляд на медсестру.

— Но разберусь! И, знаете... — он берет меня за руку и слушает пульс, — я бы не стал ему доверять.

— Вот как, — мои губы искривляются, и я сдерживаю слезы, — а кому бы вы доверились? Артемьеву?

Глава 43. Алексей

Долю секунды я смотрю на его ладонь Давида Рогальского. Что ж! Сын за отца не в ответе. Посмотрим, что ему надо.

Отвечаю на крепкое рукопожатие.

— Я хотел бы поговорить с вами, Алексей. Вы не против?

— Нет, Давид... — бросаю взгляд на его седины, — Григорьевич.

— Можно просто Давид. Я хотел узнать: как Марина?

Напрягаюсь. Старший Рогальский говорит очень спокойно, вежливо, но все равно ситуация щекотливая. И меньше всего на свете хочу, чтобы его сын знал, где сейчас Марина.

— Я понимаю ваше беспокойство, — вздыхает он. — Могу говорить откровенно?

Киваю. Кажется, разговор обещает быть интересным.

— Я не говорил никому о встрече с вами. И надеюсь, что этот разговор останется между нами. Во всяком случае какое-то время.

Молча киваю.

— Так как дела у Марины? Без изменений? Не удивляетесь, что я в курсе — у меня в этом городе много глаз и ушей. Я знаю, что произошло. В общих чертах.

— К сожалению, без изменений. Вы не довольны выбором больницы?

— Что вы! Я знаю Марка Антоновича не понаслышке. Тут хорошие специалисты. Марина в надежных руках. Скажите, Алексей, у вас есть в планах расторгнуть контракт с нашим заводом?

Мои брови взлетают вверх. Его так волнуют деньги? Ну и гнилая семейка.

Видимо все это отражает на моем лице, потому как Давид быстро себя поправляет:

— Я скверно выразился. Под ваш заказ были открыты новые рабочие места. Я хочу избежать увольнений. Я больше не руковожу всем, но мой голос решающий.

— Я понял! — останавливаю его, — Бизнес — это бизнес. Других людей это не касается. Я не собираюсь отзывать контракт. Мне это тоже не выгодно. Хоть и неприятно работать с...

Замолкаю. Передо мной его отец. И кажется, он порядочный человек.

— С подлецом! С мерзавцем! Продолжайте! Не стесняйтесь в высказывания, молодой человек! — вдруг прорывает моего собеседника.

Весь спокойный тон моментально исчезает, и я вижу, как гримаса злости отражается на красивом лице Давида.

Я невольно удивляюсь.

— Я вырастил подлеца! — продолжает он. — За свою жизнь я сделал много важных проектов, но завалил самый главный! Не смог вырастить из этого мальчишки достойного мужчину!

Давид Григорьевич поднимает отрешенный взгляд, и говорит, словно сквозь меня:

— Мы познакомились с его матерью, когда Глебу было почти тринадцать. Злой, ехидный, изворотливый — таким он достался мне. Я думал, это из-за того, что он рос без отца. Я любил его. Воспитывал. Старался не замечать его дрянные поступки и объяснять почему так нельзя. Изольда твердила, что он изменится, когда вырастит. Но становилось только хуже. Всю жизнь надеялся, что Глеб поймет, что значит быть мужчиной. А оказалось, что он научился только врать и сорить деньгами.

Я молчу в замешательстве. Вижу, что каждое слово дается Давиду Григорьевичу с трудом и болью. Его правая рука попеременно то сжимается в кулак, то невольно тербит ворот рубашки. В левой он по-прежнему держит папку.

«Хорошо, что мы в тени, — проскальзывает мысль, — как бы его еще сердечный приступ не хватил. Все-таки не мальчик»

Словно прочитав мои мысли, Давид лезет во внутренний карман пиджака и достает оттуда блистер с таблетками. Быстро отправляет одну под язык.

— Прошу прощения, Алексей! Нервы.

Сочувственно киваю.

— Да будет вам известно, что я пригрозил ему, когда он начал отношения с Мариной. Я, когда увидел эту девочку, такую чистую, такую хорошую, такую светлую... и умную! Да-да! не удивляетесь, Алексей! Я хорошо разбираюсь в людях. То, что Марина учительница начальной школы, не значит, что она не справилась бы с чем-то большим! Я хотел ей предложить начать свое дело — основать школу, или вообще попробовать себя в чем-то новом. Жена постоянно спорила со мной, мол главное для Марины — это родить внуков. А знаете, я так рад, что у них нет детей! Особенно в свете всех вот этих событий.

При упоминании о детях невольно вздрагиваю.

Давид Маркович переводит дух и протягивает мне папку.

— Тут документы. На квартиру. Она полностью принадлежит Марине в случае развода. Я думаю это придаст ей сил, когда она придет в себя, чтобы не бояться сделать правильный шаг.

Мои брови приподнимаются в удивлении.

— Понимаете, — продолжает Давид Григорьевич, свой долгий рассказ, — это я предложил купить молодым квартиру. Глеб рассказал, что Марина не хочет быть нахлебницей. Она продала свою долю в квартире, чтобы вложиться в совместное жилье. Тогда я предложил Глебу открыть счет на имя жены и положить туда эти деньги под процент. Но он все тянул. Деньги были у меня в офисе, и я сам вложил Маринины финансы в ценные бумаги. Глебу же сказал, что забрал деньги в счет квартиры.

Старший Рогальский вздыхает, словно ему крайне неприятно продолжать этот разговор со мной, но все еще не останавливается:

— Сделкой о покупке и оформлении квартиры занимался мой нотариус. А перед свадьбой, нотариус пишет мне, что Глеб оформляет квартиру только на себя. Я был взбешен! Попросил сказать моему пасынку, что все будет сделано, как он хочет. А сам забрал документы и приехал к Марине за подписью. Тут, — он протягивает мне папку, — документы на квартиру и выписка со счета. Деньги принесли хороший процент. Марина может очень уверенно стоять на ногах в будущем.

Кажется, за весь этот долгий разговор Давид впервые смотрит мне в глаза долгим взглядом:

— И я хочу сказать, вам, Алексей, Марина очень хорошая женщина. И если вы ее обидите...

— Я уже это сделал! — отвечаю со всей горечью, — не сумел ее защитить, и когда она придет в себя, не факт, что она захочет меня простить! Может она решит вернуться к Глебу...

— Что вы! Марина не глупая женщина! Главное, рассказать ей правду!

— Правду? — переспрашиваю я.

Мой телефон начинает пиликать в самый неподходящий момент. Ромка.

Я поднимаю глаза на Давида Григорьевича. Он кивает мне.

— Слушаю, Ром!

— Инфа от айтишников. Им удалось проследить путь, откуда пришёл запрос на внесение Иры в список гостей. Ты сидишь?

— Ром, не томи!

Выхожу из тени деревьев и бросаю взгляд на вход в клинику.

— Адрес: Изюмская, семьдесят три.

— Отлично, надо проверить, что там по этому адресу. Хотя вроде что-то знакомое.

— Конечно знакомое. И не надо нечего проверять. Ты там был. И не однократно.

Слышу за спиной мягкие шаги. Давид подходит по ближе.

— Это офис Глеба Рогальского! И теперь у нас есть доказательства!

— Вот...! — только наличие рядом отца этого гаденыша не позволяет мне сказать, все, что я думаю.

Давид кидает на меня взгляд:

— Думаю, вы сейчас узнали то же, что стало известно мне. Я не успел рассказать первым...

Дверь клиники распаивается, и мы оба удивленно смотрим, как на ступеньки выходят мать Глеба, и он сам, собственной персоной!

Я не знаю откуда он взялся тут в этот момент, но это не важно!

Мой телефон падает на землю, а я бросаюсь навстречу Рогальскому.

Глава 44. Марина

— Давайте мы вам сделаем укол успокоительного. — начинает врач, — Юля принеси...

— Не надо, — резко прерываю его. — Можно воды.

Вдох. Выдох.

За этот час я пережила буквально все эмоции: страх за ребенка, боль от предательства, ужас от появления Глеба.

Сейчас, когда дверь за Глебом закрылась, и ко мне возвращается состояние думать, я понимаю, что совершенно не могу ему доверять. Даже стыдно, что на долю секунды я могла ему поверить! Ах, как он и его мать умело пытались обыграть всю ситуацию с Лешей.

Хотя надо признать, что вопросов к Алексею у меня тоже много. Почему он скрывал, что женат?

— Отсоедините, вот это, пожалуйста. — я протягиваю руку врачу.

Марк Антонович смотрит на меня буквально секунду, но снимает с руки манжету.

— Вы удивительная женщина, пролежать четыре дня без сознания...

— Со мной уже было подобное в детстве, после смерти мамы, — прерываю врача, — я тогда проспала три дня подряд.

— Ну с лестницы вы тогда не падали и беременны не были. А то я смотрю, вы готовы встать и уйти!

— Готова! — так же резко отвечаю я.

— Ну уж нет! Мы будем вас наблюдать, надо убедиться, что с ребенком все в порядке. Катетер пока удалять не будем. Капельницы никто не отменял. И вам нужен покой.

— О! Покой! — чуточку на грани истерики восклицаю я, — Мне кажется, что покой ждет меня где угодно, но только не у вас в больнице!

Врач, поджав губы, молча трет переносицу.

Я забираю поилку из рук медсестры и снимаю крышку. Делаю большой глоток воды.

Невольно замечаю, что руки у меня немного дрожат. Может от слабости, может от нервов.

А еще мне стыдно признаться, что я действительно устала и хочу спать.

От взгляда Марка Антоновича это не ускользает.

— Марина, давайте мы возьмем кровь на анализы и перевезем вас в другую палату. И уже точно туда никого не пустим. И вы отдохнете.

— Хорошая мысль, — со вздохом соглашаюсь я.

— Юля, принесите пробирки, — говорит он медсестре, и ты быстро выходит из помещения. — Может немного проветрим?

Я киваю, и врач приоткрывает окно пошире и замирает, уставившись вниз на улицу.

До меня доносится фраза:

— ... Ты думал, что это останется неизвестным?..

Какой знакомый голос. Я приподнимаюсь на подушке. Алексей? Неужели это он? Но почему под окнами больницы?

— ... Ты просто подлец, если решился на такое!..

Да это точно он!

В ответ слышится какой-то невнятный гул. И громкий визг отдаленно напоминающий голос моей свекрови.

— ...Не смей! Ты не имеешь права!..

— ...Права?!... - снова гремит знакомый голос.

— Что там происходит? — в волнении спрашиваю я, пытаюсь опустить ноги с кровати.

— Лежите! Вам еще нельзя вставать!

— Да, да! А еще пить большими глотками, нервничать и переживать! Ой!

Ноги реально не держат, я падаю на руки врача, и он сажает меня на кровать.

— Марина! — восклицает он с укором.

— Сегодня все идет не по правилам! У всех! Помогите или не мешайте!

Марк секунду смотрит в мои наполненные решительностью глаза и говорит:

— Сидите спокойно!

Он снимает блокираторы с колес и подталкивает меня вместе с кроватью ближе к окну.

— Держитесь!

Я упираюсь руками за подоконник и осторожно подтягиваюсь, чтобы привстать. Врач поддерживает меня.

Под окнами больницы, перед крыльцом, стоит толпа народа, образуя почти ровный круг. За толпой топчутся охранники больницы, которые видимо не решаются вмешаться в противостояние нескольких человек в центре круга.

Я всматриваюсь в эти фигуры и с удивлением узнаю Глеба и Алексея. Первый нервно переступает с ноги на ногу, находясь почти за спиной квохчущей Изольды Марковны. Ну а второй, стоит совершенно спокойно, как скала. Правда почему-то за спиной Алексея, я вижу Давида Григорьевича.

— ...Хоть тут веди себя как мужчина!.. ... за свои поступки!

Доносится до меня обрывки слов, которые кричит мой свёкр.

— Что происходит? — задаю вопрос, совершенно не ожидая услышать что-то в ответ.

И тем больше мое удивление, когда мне отвечает Марк Антонович.

— Сдаётся мне, Леша узнал, с чьей помощью Ира пробралась в дом. Что вы на меня так смотрите, Марина? Вам предстоит еще много чего узнать. Неужели вы думаете...

— Я нечего не думаю! — прерываю я врача, — посмотрите сколько событий! У меня даже минуты нет просто подумать, и понять, что вообще происходит!

— Но согласитесь, это интереснее, чем просто лежать с закрытыми глазами, да? — улыбается Марк Антонович.

— Вы очень странный врач, — парирую я.

— Вы тоже не стандартная пациентка. Голова не кружится?

— Нет!

Я опускаю глаза вниз, и вижу, как Глеб вырывается из-за спины своей матери, и судя по жестам, начинает что-то говорить Алексею. К сожалению, я не слышу слова. Но Давид Григорьевич вырывается вперед с криком:

— Да как ты смеешь!

И в этот момент Алексей наносит точный удар в челюсть Глеба.

— Ах! — вскрикиваю я.

— О... — тянет Марк Антонович, — вы еще скажите, что вам его жаль.

— Ничуточки! — со злостью отвечаю я. — К сожалению, я не могу так сделать!

Глеб трогает свою челюсть. Алексей поворачивается спиной и начинает отходить от него, отдергивая рубашку. Глеб смотрит в спину Алексея, достает что-то из кармана пиджака и бросается на спину Леша.

С моих губ невольно срывается крик, и я высовываюсь в приоткрытое окно:

— Леша! — из-за всех сил кричу я, пытаюсь высунуться в окно, — Сзади!

Впрочем, последнее мое слово тонет о общем крике негодования людей.

Крепкие руки врача держат меня.

Мне кажется, что Леша на долю секунды поднимает взгляд на мое окно, но тут же оборачивает, и встречает своего противника. Через секунду Леша стоит, а Глеб лежит на асфальте. Мой свекр отбрасывает от своего сына что-то блестящее.

— Неужели это был кастет? — задается вопросом Марк Антонович, — в пиджаке у бизнесмена? Поразительно. Хотя я не удивлен.

Я без сил сажусь на кровать. Как хорошо, что она рядом.

— Что? — бросается ко мне врач, и берет за руку, — не хорошо? Голова?

— Как много событий, — шепчу я, — но если я сейчас не узнаю все от начала до конца, моя голова точно взорвется! Что тут происходит?!

Глава 45. Алексей

— Мерзавец! Присылай адвокатов. Поговорим в другом поле. Информацию по Ире, я передаю в полицию. И чтобы здесь я тебя больше не видел, тебе ясно?

Внутри все клокочет. Смотрю на Глеба сверху вниз.

Это все, что он может: пугать женщин, работать чужими руками и воевать, если противник повернулся к нему спиной.

И я еще пообещал не разрывать с ним контракт! Мерзко.

На мое плечо ложится чья-то рука. Оборачиваюсь.

Давид Григорьевич смотрит на меня с какой-то болью во взгляде.

— Раз Марина пришла в себя, идите к ней. Неизвестно, что они успели ей наговорить! Передайте, что я бы хотел ее видеть, но это терпит.

Врываюсь в стеклянные двери и не дожидаясь лифта взбегаю на шестой этаж. Адреналин в крови продолжает бурлить.

В коридоре меня уже ждет Марк.

— Какого хрена, Марк? — набрасываюсь на него с порога. — Ты как это можешь мне объяснить? Как?

Кажется, я приподнимаю его за ворот рабочей рубашки в воздух. Слышу, как трещит ткань.

— У тебя губа разбита, — бормочет друг.

— Не переводи стрелки! — рычу в ответ, — я тут спал на скамейках! Мне значит нельзя, а их ты пустил?

— Никто их не пускал! Они сами!

— Да как так сами? — трясусь друга от злости.

— Как Ира к тебе вошла, а? Ведь у вас там профессиональная охрана сидит на входе! А у нас только ЧОПовец на первом этаже. Ну не было такого никогда! Моя вина. Медсестра на десять минут отлучилась меня позвать, когда Марина в себя пришла. Новенькая. Инструкцию нарушила. Понадеялась на порядочность людей. Ее уволю.

Отпускаю Марка. Перевожу дыхание.

— Как Марина?

— Бодра, несмотря на ее состояние. Чуть в окно не выпрыгнула, так за тебя волновалась. По-хорошему, снотворное ей дать, чтобы спала и сил набиралась. — Марк машет рукой, — Иди уже к ней. Поговорите. Она не понимает, чему верить. Но не долго.

Бросаю на друга грозный взгляд и открываю дверь.

Марина полусидит на кровати. Бледная, худенькая. На ней больничная ночная рубашка. Она смотрит на меня своими огромными глазами.

Первое, что хочу — прижать ее к себе. Обнять и больше никуда не отпускать. Забрать, и чтобы весь этот кошмар закончился.

— Привет, — шепчу ей.

Обвожу глазами помещение, но не вижу стула. Подхожу чуть ближе и опираюсь руками на железную спинку в изножье кровати.

— Как ты?

Произношу это и понимаю, что хочу сказать совсем другое.

— Я так рад, что все обошлось! Я чуть с ума не сошел, когда думал, что могу потерять

тебя. Тебя и ребенка...

Уголки ее губ слегка дрожат, и она осторожно улыбается.

— Да, Марк Антонович сейчас рассказал мне в общих чертах, как я тут оказалась. Хотя что-то немного прояснилось. Но у меня все еще очень много вопросов.

— С чего ты хочешь начать?

— С основного. Почему ты не сказал, что ты женат? Почему скрывал свою жену? — Марина устало трет лоб.

— Я собирался все рассказать в тот вечер. Но немного опоздал.

Начинаю мерить шагами комнату и подбираю слова для неприятного рассказа:

— Мы познакомились с Ирой еще в институте. Я был влюблен и не сразу заметил, что она не такая как все. С чудинкой. Позже, когда мы съехались, я узнал название ее странного поведения. Но мне казалось, что я смогу ее спасти. Она ложилась в клиники и клялась, что все в прошлом. А я... Я хотел в это верить. В одну из ее долгих ремиссий, мне показалось, что все в прошлом и мы поженились.

Снова опираюсь руками на холодный металлический корпус изножья кровати. Смотрю на Марину, пытаюсь понять по ее глазам, что она думает сейчас.

— Она забеременела. — продолжаю со вздохом, — Я пахал, как сумасшедший, ради нее и будущего ребенка. Сын родился с небольшими отклонениями, и мама занималась его здоровьем. А через полгода, Ира пропала. В первый раз. Я поднял на уши всех, и мы нашли ее через неделю. В каком-то притоне.

Прикрываю глаза. Столько времени прошло, а мне все еще неприятно вспоминать все дальнейшие события.

— Потом была очередная клиника. Утверждения, что, она все поняла и завязала. Спокойная жизнь. Потом снова срыв. И так по кругу. Уходя на работу, я не знал, что увижу, придя домой. Мама жила с нами. Васька был на ней. Моя жизнь превратилась в череду скандалов. В какой-то момент, Ира сказала, что не хочет больше лечиться. И подала на развод. Это сейчас я понимаю, почему она так сделала. Кто-то из её новых друзей подсказал схему, как получать деньги на законных основаниях и спускать их на эту дрянь — алименты.

Мои пальцы сжимаются, но я продолжаю:

— К нам примчалась из деревни мать Иры. Плакала, просила, умоляла, не отнимать у Иры ребенка. Мол, Васька будет удерживать мою бывшую жену от срывов. Может ее мать верила в это, не знаю. Я согласился оставить сына, под ее присмотром. Приезжал каждые выходные, звонил каждый день. Через два месяца Ирка ушла гулять вместе с Васькой и не вернулась. Я сходил с ума. Забросил бизнес, ездил по всем городам, обошел все подобные места, чтобы найти ее и вернуть сына.

Замолкаю. Не хочу вываливать на Марину всю грязь с которой не пришлось столкнуться. Мы оба молчим.

— А что потом? — тихо спрашивает Марина, — где ты их нашёл?

— В какой-то ночлежке, в грязи, в невменяемом состоянии, — почти скороговоркой продолжаю я, — мой сын орал в куче вонючего тряпья. В больной голове моей бывшей жены родился гениальный план — продать сына попрошайкам.

Марина в ужасе закрывает рот ладошками.

— Не буду тебе пересказывать всю историю, — быстро меняю тему, — я вернул сына. Долго его лечил. Потом лишил ее родительских прав. Но она стала появляться рядом с нашим домом, садиком, больницей. По закону, ей запретили видеться с сыном, но она

грозила пойти в суд и снова вернуть своё право. А я не хотел, чтобы сына таскали по судам. Тогда, я согласился платить ей деньги, при условии, что она оставит нас в покое. Всё равно ей никогда не были нужны встречи с сыном, её интересовали деньги. Только мои деньги.

Поднимаю глаза на Марину. Кажется, она украдкой вытирает слезу. Только этого мне не хватало!

— Я не хотел тебя расстроить, — подхожу к ней ближе, — тебе хватило своих волнений.

— Лёшка, — Марина протягивает ко мне руки, — как это ужасно...

Присаживаюсь на край кровати, сплетаю ее пальцы со своими.

— Я так испугался, что не сумел тебя уберечь, — прикасаюсь к ее пальцам губами, — Мариш, солнышко, я не представляю своей жизни без тебя. Я так виноват, что не уберег тебя.

Пальцы Марины опускаются на мои губы.

— Не говори ерунды! Это не ты пустил её в дом. Ты не виноват.

Она опускается на мою грудь, и я слышу, как стучит ее сердце.

— Я люблю тебя, — тихо шепчет она.

Мое сердце переворачивается от этих слов.

Марина чуть-чуть отстраняется от меня.

— погоди, — вдруг её лицо делается серьезным, — но ты не рассказал, как Ире удалось пробраться к нам? Кто ей помог?

Глава 46. Алексей

— Да, я даже не знаю, что тебе на это сказать, наверное, я поступил бы так же. Не стал сворачивать заказ.

Олег, мой коллега по бизнесу, и хороший приятель, сидит напротив меня и задумчиво барабанит ручкой по письменному столу в моем домашнем кабинете.

Я перевожу взгляд на Ромку, который развалился в кресле.

— Глеб ведь так и не написал заявление о драке? — деловито уточняет тот.

— Разумеется нет. Он боится и старается сидеть тихонько, — я встаю со своего стула. — Что там по моему заявлению?

Свои последний вопрос я обращаю к Илье, четвертому члену нашего маленького домашнего совета.

— Я сейчас возьму у Марины показания, если ты не против. Но пока мы не найдем Иру и не допросим ее лично, тяжело доказать прямую связь. Адвокат Рогальского давит на то, что кто-то из отдела айти по собственной инициативе вписал имя твоей бывшей жены в списки.

Ромка в негодовании разводит руки в стороны.

— Во сколько у тебя оформление сделки? — деловито уточняет Олег.

— Встречаемся в три, — я машинально смотрю на часы, — Деньги?

— В банке все готово, — отвечает Ромка, — ждут номер счета для перевода. Документы с нашей стороны все перепроверены.

Стук в дверь кабинета заставляет нас всех обернуться.

Марина заходит к нам с большим подносом в руках.

— Ну что ты творишь, — подхожу к ней быстрыми шагами, и забираю поднос, — тебе сказали поменьше ходить и не носить тяжести.

— Это не тяжести, — улыбается она. — Всё! Я исчезаю.

Я ставлю поднос на стол, и Ромка тут же подскакивает к тарелке с дымящимися пирожками.

— Подожди, — останавливаю Маринку на пороге, — давайте я вас познакомлю.

Марина подходит ко мне, и я ее слегка приобнимаю.

— Итак, это Олег Молчанов, — указываю я на высокого темно-русого мужчину, — мой хороший приятель, коллега. Они с женой решили перебраться к нам в город и подыскивают себе дом в нашем поселке.

— Ну или по соседству, — Олег встает и изящно целует руку Марине, — будем дружить домами.

— С удовольствием, — с улыбкой отвечает Марина.

— Ну, Ромку ты знаешь. Ромыч, ты что там ешь пока мы не посмотрим? — смеюсь я.

— Вообще-то это очень вкусно, — бубнит он с набитым ртом, — а вы там общайтесь подольше. Мне больше достанется.

— Ну, а это Илья Родд, — жилистый худощавый и немного дерганый из-за своей работы, Илья, идет навстречу Марине, — тоже мой хороший друг. И он жаждет поговорить с тобой.

Илья протягивает руку удивленной Марине и крепко жмет ладонь.

— Я — следовательно, — поясняет он.

— А, понимаю. Но я вроде уже общалась в больнице...

— Это нечего, вдруг вы что-то еще вспомните, — он машинально достает блокнот, — где вам будет удобно?

— Пройдемте в гостевую комнату на первом этаже.

Мы провожаем их взглядом.

— Везет тебе, Леха, — говорит Ромка, когда дверь за Мариной и Ильей закрывается.

— Присоединяюсь, — вздыхает Олег, — какие ваши дальнейшие планы?

— Документы на развод Марины готовы, сейчас сделку завершим, и приступим. Но я очень надеюсь, что к тому моменту, нам будет что предъявить Рогальскому, — я вновь сажусь за стол, — Ну что, лёгкий перекус, обсудим наши дела и поедем?

Примерно минут через сорок, мы выходим из кабинета, и встречаемся с Ильей в коридоре.

Марина выходит следом.

— Ну как? — уточняю я, — Есть что-то новое?

— Да не особо, — вздыхает Марина, — но я старалась.

— Все отлично! Спасибо вам большое, Марина! Хотелось бы еще допросить Ирину, для полноты картины.

— Сомневаюсь, что там будет что-то дельное, — вздыхаю я. — Ну что ж, мы на выход. Олег, ты на такси?

— Да, уже вызвал, — отзывается друг.

— Рома, Илья — садитесь, я сейчас.

Друзья выходят, а я быстро подхожу к Марине и нежно целую нежные розовые губы и с упоением вдыхая запах ее волос.

— Удачной сделки, — она нежно проводит ладонью по моему лицу, и я прижимаюсь щекой к ее ладони. — Я понимаю, как тебе неприятно...

— Не переживай, милая. Я буду вечером. И возможно поздно. И вероятнее всего, мне будет что тебе рассказать.

Смотрю, как Марина насупливает брови и складывает руки на груди.

— Нет, нет, вечером! Не сейчас! — улыбаюсь я, — сейчас даже не проси!

Еще раз быстро касаюсь ее губ и иду к выходу.

— Да! — останавливаюсь на пороге, — Давид Григорьевич хотел сегодня заехать и переговорить с тобой.

— Ты знаешь, о чем? — хмурится Марина.

— Знаю, но не скажу.

— Интриган! — наконец улыбается она.

— И я тоже тебя люблю.

Мы выезжаем из поселка и меня тормозит охранник.

— Да? — удивляюсь я.

— Там с вами поговорить хотят. На территорию не пустили, но вас дожидаются.

Охранник показывает рукой на кусты у забора возле КПП, где на траве сидят два знакомых, не очень трезвых, мужика.

Притормаживаю на съезде и выхожу из машины.

— Ну что у вас? — спрашиваю у алкоголиков из парка.

— Так это, — начинает тот, у которого я выбил зуб, — Колян принес. Возвращай давай!

Он пинает второго мужика под бок и Колян вытаскивает золотую цепочку с

кулончиком.

Отлично! Марина будет рада. Прячу кулон в платок и убираю в карман.

— Молодцы! — я поворачиваюсь к машине.

— Погодите!

— Что еще? — удивляюсь.

— Да тут это... Баба одна. Ну... торчунья такая. Она у нас пару дней живет в заброшке.

Она все говорила, что кто-то ей приказал девку с лестницы сбросить и денег заплатил. Мы сначала не поняли, что она несет, а потом слухи-то дошли...

— Что? Где она?

— В заброшке, на окраине, ну там, за вокзалом. Ну, утром там была. Я еще Колянну говорю, давай сходим, расскажем, а он...

— Да погоди ты! — я поворачиваюсь к машине и вижу, что Илья уже направляется ко мне. Вот он профессиональных нюх, — Повторите ему все, что рассказали мне, понятно?

— Так это... мы-то не причем... — начинает лепетать Колян.

— Следственный комитет, — Илья разворачивает свое удостоверение в лицо алкоголиков. — Что, кажется мы нашли Ирину?

Глава 47. Марина

Забираюсь с ногами на диван в гостиной, прислоняюсь щекой к мягкой теплой обивке. Я укутываюсь в пушистый плед, и протягиваю руку к чашке с горячим шоколадом. В доме совсем не холодно, так просто уютней лежать, отдыхать, улыбаться своим мыслям. Выдохнуть после больницы.

Марк все же продержал меня почти неделю под присмотром, и убедившись, что все в порядке, отправил домой.

Ой! Я невольно улыбаюсь, ведь впервые подумала по это место, как про *мой* дом, а не просто Лешин, где меня пустили пожить в гостевую комнату.

Когда Леша забирал меня, он так и сказал: «Едем домой».

Как же мне повезло с ним, какая я молодец, что не поддаюсь на провокации свекрови и бывшего мужа. Да, да! В мыслях он уже бывший. Документы готовы, скоро нас разведут.

А ребенок... после всего, что сделал Глеб, этот ребенок только мой. И если Глеба посадят, я буду только рада. Мои руки сжимаются в кулаки, когда я вспоминаю, что он сделал пропуск Ире в наш дом. Трогаю свой животик. Из-за него я могла остаться без своей жемчуженки. Никогда не прощу!

Интересно, зачем Давид Григорьевич хочет меня увидеть?

Невольно хмурюсь. Наверное, будет просить за Глеба. Ну что ж, он отец, его можно понять.

Делаю глоток теплого чуть сладкого шоколада. Как прекрасно! Я совершенно забыла, как это — просто наслаждаться жизнью.

— Мариночка, ты где? — доносится голос из коридора, — О, ты тут!

— Елизавета Ивановна? Вы? — я отставляю чашку и порываюсь встать.

— Лежи, лежи!

Она мягко опускается рядом и гладит меня по ногам.

— Что-то случилось? — удивляюсь я ее приходу в середине дня, — Вася?

— Ой, да все хорошо! — щебечет она, — Отвела Ваську в школу, дома скучно, вот приехала. Дай, думаю узнаю, как ты, что ты, а то после выписки не виделись. Леша в офисе с утра?

— Час назад уехали.

— Так поздно?

— У них сделка во второй половине дня. С Глебом. — смотрю, как Лешина мама при упоминании этого человека закатывает глаза, — Приезжал Лешин друг. Следовательно, со мной общался.

— Вот никак они от тебя не отстанут. А тебе нервничать нельзя! — цокает она языком.

— Ну скажите тоже! — смеюсь я, — это их работа. Кстати, — с лицом заговорщика говорю я, — а хотите пирожков?

— Хочу! — восклицает Елизавет Ивановна, — Но за то, что ты пекла буду ругаться.

— Не ругайтесь, пойдете чай пить, — я опускаю ноги на мягкий ковер, — или шоколад? Пока Давид Григорьевич не приехал.

— А он еще тут зачем? — изумляется Елизавета Ивановна, догоняя меня у входа в кухню.

— Не знаю, — задумчиво отвечаю я, — Леша сказал, что он хотел со мной поговорить.

— Угу, поговорить, — фыркает Васина бабушка и поджигает губки.

Я бросаю взгляд в окно и вижу, как Степан открывает ворота. Во двор заезжает знакомая белая машина.

— О, а вот и он, — киваю на улицу, — надо достать три чашки.

— Обойдется твой бывший свекр и без твоих пирожков, — цедит сквозь зубы Елизавета Ивановна, — Вот еще! Хорошие продукты на него переводить.

— Вот тут вы не правы, — мягко говорю я, поглаживая ее по плечу, — Давид Григорьевич всегда ко мне хорошо относился.

— Яблоко от яблоньки, — вздыхает она, — ну вот посмотрим, что ему надо, а там и решим, поить чаем или нет.

— Марина, птичка? — доносится зычный голос из коридора.

Я выхожу на встречу Давиду Григорьевичу. Мы пару минут молча смотрим друг на друга. Моих губ касается грустная улыбка. Не знаю, как он относится, что я живу в другом доме. Мы не разговаривали с ним со встречи в ресторане. И тогда не общались лично и минуты.

— Я так рад, что с тобой все хорошо, — вдруг тепло говорит он, — можно я обниму тебя?

Я робко подхожу к свекру, и он заключает меня в сильные объятия. Мы стоим с ним в коридоре, и я чувствую, что от него не исходит ни зла, ни угрозы. Только тепло. Но зачем же он тут? Что хочет мне рассказать?

— Кх! Кх! — слышу я за спиной и резко оборачиваюсь.

— Здравствуйте, Давид Григорьевич.

Елизавета Ивановна выплывает из кухни, как истинная хозяйка дома.

— Это Елизавета Ивановна, — представляю я ее, — мама Алексея.

Давид Григорьевич расплывается в улыбке.

— Рад! Очень рад знакомству! Позвольте? — он подходит к ней и кажется хочет поцеловать ее руку.

— Ой, да бросьте, не в девятнадцатом веке живем, — мама Леши демонстративно выдергивает руку, но кажется она немного смущена.

— Пойдемте в гостиную, — пытаюсь я замять неловкую ситуацию.

Давид Григорьевич проходит за мной в комнату, и Елизавета Ивановна садится на диван рядом и берет меня за руку.

— Ну я же не оставлю нашу девочку вместе с вами! — отвечает она на немой вопрос.

— Как вам будет угодно. — разводит руками Давид Григорьевич и мягко опускается в кресло.

С минуту он рассматривает меня с легкой улыбкой, затем достает из внутреннего кармана пиджака свернутые в бумаги:

— У меня к тебе, птичка, долгий и интересный разговор, — начинает мой свекр.

Спустя примерно час, когда я уже стою у окна, задумчиво кручу документы на квартиру, и выписку с моего счета, Елизавета Ивановна выдает:

— А хотите чаю, Давид Григорьевич?

— С удовольствием, Елизавета Ивановна.

— Я вас догоню, — бросаю я им в след и снова опускаюсь на диван.

Собираю влажные бумажные салфетки. Елизавета Ивановна так почувствовалась от всего нашего разговора, что пару раз пустила слезу.

А сколько раз она возмущенно вскрикивала, про то, что я жила все эти годы с подлецом!

Ну, а когда вскрылась правда, что Глеб приемный сын Давида, тут даже я не выдержала и взялась за платок. Столько горечи было в словах моего свекра.

Надо ли говорить, что появление документов на жилье привело меня в шок! А когда я увидела цифры на счете в банке, я вообще, кажется, потеряла дар речи.

Я кладу документы на маленький стеклянный столик рядом с диваном. Да уж... Сказать, что за один месяц моя жизнь поменялась на сто восемьдесят градусов — это нечего не сказать.

— Марина! Птичка! Мы ждем тебя.

Я задумчиво бреду на кухню, обдумывая все свои мысли.

— Держи, я налила тебе зеленый, как ты любишь. Или тебе сварить шоколад? — хлопочет Лешина мама.

— Да, ты подумай в серьез, о том, чтобы открыть собственную школу. — продолжает свою мысль Давид Григорьевич, — С арендой я тебе помогу, учителей ты подберешь.

— Ну в ближайший год, Мариночке точно будет не до того.

— Что так? — удивляется свекр, — неужели Алексей будет против, чтобы ты начала свое дело?

— Конечно, нет! — Елизавета Ивановна садиться рядом и обнимает меня за плечи, — но малыша надо же на ножки хоть поставить! А там можно и за школу браться.

— Погодите, — ставит чашку Давид Григорьевич, — какого малыша?

Глава 48. Марина

Давид Григорьевич опускает чашку на стол и смотрит на меня.

— Ой! — круглые испуганные глаза Елизаветы Ивановны замирают на моем лице.

— А вам разве Глеб нечего не сказал? — удивляюсь я, — Или Изольда Марковна?

— Нет, — медленно тянет свекр, — не сказали. Я же поругался с ними у больницы в тот день. Ну, когда ты в себя пришла. И съехал в другую гостиницу. К телефону неделю вот не подхожу. Разбираюсь с документацией по заводу... Подождите-ка...

Он смотрит то на меня, то на маму Лёши.

— Вы хотите сказать, что ты и Алексей...

— Нет, — сразу перебиваю я и качаю головой, — я и Глеб. Я жду ребенка от Глеба.

В кухне воцаряется тишина.

— Ох! — рука Давида Григорьевича летит к вороту рубашки.

— Что? — резво подскакивает Елизавета Ивановна, — душно?

Мама Лёши быстро снимет тарелку с пирожками с подноса, и начинает махать им, как огромным веером, кружа вокруг Давида Григорьевича. Я вскакиваю за телефоном.

— Вы что это удумали, а? — покрикивает она нервно, — у вас внук скоро будет, а вы тут решили сердечный приступ устроить! Это же не дело! Марина, врача вызывай!

— Все хорошо! — с расстановкой говорит будущий дедушка, — Спасибо. Не надо врача. Водички бы.

Мы наперебой протягиваем два стакана с водой.

Давид Григорьевич с благодарным кивком залпом выпивает воду. Его губы медленно расплываются в улыбке.

— Это что же получается, что раз Глеб мой приёмный сын, то я стану приемным дедом? Как-то так?

— Почему сразу приемным? — с легкой подколкой отвечает бабушка Васи, видя, как лицо Давида Григорьевича снова обретает розовый цвет, — настоящим дедом, родным! Да, Мариш?

— Конечно родным дедом! — улыбаюсь я.

Теплая ладонь свёкра накрывает мою руку:

— Ну, птичка! Ну обрадовала!

— Может еще чайку, а? — ладонь Елизаветы Ивановны опускается на плечо будущего дедушки, и он с радостью соглашается.

Они заводят разговор о балете, цветах и детстве Алексея. Потом о собаках, путешествиях и юности моего свёкра.

Мне остается просто молча сидеть и наблюдать за ними. Кажется, мое участие в их разговоре уже и не требуется.

В какой-то момент в двери кухни осторожно заглядывает Людмила, но тихо скрывается, от моего маха рукой. Не сейчас! Я бы и сама ушла, но боюсь разрушить идиллию, возникшую здесь. Давно не видела Елизавету Ивановну такой воодушевленной.

— Ах! — восклицает бабушка Васи, взглянув на часы, — Ваську скоро из школы забирать. Пока такси вызову, пока обед ему разогрею, пора мне...

— Зачем такси, Елизавета Ивановна! Я еду в город, позвольте вас подвести.

— Уговорили, — с легким румянцем отвечает Елизавета Ивановна.

Я тепло прощаюсь с моим свекром в коридоре, целую в щечку Лёшину маму, и когда за ними закрывается входная дверь, ловлю на себе удивленно-лукавый взгляд Людмилы, выглянувшей из гостевой комнаты. Мы с ней молча переглядываемся, и я с улыбкой пожимаю плечами.

Все в таком же возвышенно-веселом настроении, я возвращаюсь в гостиную и собираю документы в папку. Надо будет вечером обсудить новости о квартире с Лёшей, хотя, кажется он был в курсе.

Хах! Но у меня все равно будет чем его удивить!

Мои мысли невольно кружатся вокруг Лёши и его сделки. Интересно, как там все у них проходит? Надеюсь, Глеб нечего не выкинет. Может у Лёши было пару минут и он что-то написал?

Взгляд падает на мигающий телефон. Пять пропущенных.

Быстро разблокирую и смотрю на список входящих. Странно! Об этом человеке я совершенно не думала.

Завуч. Ох... Что же ей-то от меня надо? Может что-то с ребятами?

Набираю номер.

— Марина Игоревна? — слышу слегка надменный знакомый голос.

— Да, Валентина Петровна, добрый день.

— Добрый. Как здоровье? Когда вас ждать?

— Я думаю, к концу... — начинаю я.

— У нас тут возник вопросик к вам, — тут же перебивает она меня, — дети писали контрольную по математике перед майскими праздниками, а оценки в журнале до сих пор не проставлены...

Ах! Сердце уходит в пятники. Точно! Как я могла забыть! Как стыдно!

Я не проверила тетради.

Перед глазами снова картина того дня: я так хотела побыстрее увидеть и обрадовать Глеба, что забрала тетрадки с собой, ну а дома застала его с Ленкой, и все завертелось.

Совершенно о них забыла из-за всех свалившихся событий! Очень неловко. Чувствую, как краснею.

— Так я говорю, вы их проверили? Алё, Марина Игоревна! — требовательно продолжает завуч.

— А... да, почти... Валентина Петровна, — неловко отвечаю я.

Как не крути, а тут я действительно виновата. Ребята старались, писали. Они не виноваты в моих приключениях и изменениях в жизни.

— Что значит почти, Марина Игоревна? — закипает моя начальница, — Вы конечно на больничном, такие неприятности, но без оценок мы ребят аттестовать не можем. А у некоторых, например, спорные оценки. Не могли бы вы сегодня-завтра проставить оценки в журнал? И тетради в школу принести. Может работы над ошибками надо проделать.

— Да, конечно, — соглашаюсь я. — Я постараюсь. Сегодня.

— Очень жду.

Завуч разъединяется, а я обхватываю голову руками. Ну как я могла забыть! Тетради стоят в прихожей, возле зеркала. Вряд ли Глеб их куда-то убрал в другое место.

Ну и что мне делать?

Я обещала не появляться в квартире одной, но Лёша на сделке и Елизавета Ивановна уже уехала.

Так, стоп. Если Лёша на сделке, то и Глеб вместе с ним. Значит мой муж точно не может быть сейчас дома.

Взгляд снова падает на документы. Ну и квартира теперь моя. Чего мне бояться там появляться?

Я быстро привожу себя в порядок и вызываю такси.

— Людмила, я в город, по делам. Буду к вечеру. Постараюсь вернуться до приезда Алексея.

— Хорошо, — отзывается домработница с кухни.

Чем ближе я к моей квартире, тем сильнее нарастает чувство беспокойства. А всё ли я делаю правильно?

Так! Хватит. Это мой дом, и я имею полное право там находиться. Мне сейчас надо исправить мою собственную ошибку. И я это сделаю. Пять минут. Зайти, забрать тетради и выйти.

А может и не пять.

«Это. Мой. Дом.» — отдельно по словам говорю я себе.

Такси вырывает на знакомую мне улицу к моему микрорайону, но вдруг ныряет внутрь дворов.

— Трубу прорвало, — разъясняет водитель, глядя на мое удивленное лицо, — сейчас дворами объехать придется, через соседний район, а то коммунальщики асфальт вскрыли на дороге.

Он продолжает что-то бубнить про то, у кого откуда растут руки.

Я задумчиво смотрю на внутренний двор и вдруг мой взгляд цепляется за что-то знакомое.

В кустах у домов, вижу, как мне кажется, знакомую фигуру. Первую минуту вообще не верю своим глазам. Потому что, этот человек, никак не может находиться здесь.

Это очень странно! Мне показалось?

— Остановите, пожалуйста! — быстро прошу я водителя.

— Так мы еще не приехали...

— Нечего, я дойду, спасибо.

Такси резко тормозит, я выпрыгиваю из машины и иду назад. Надо разобраться обманули меня мои глаза или все же нет.

Глава 49. Марина

Я дохожу до старой пятиэтажки, перед которой раскинулись заросли сирени и какого-то другого, не известно мне, кустарника с плотной зеленью. Всматриваюсь вглубь кустов, перешагиваю через низкий железный заборчик и замираю в нерешительности. Внутри явно кто-то затаил дыхание.

Сжимая ремешок от сумочки, и чувствуя себя немного глупо, я выдаю:

— Выходи, я тебя видела!

Тишина.

Я прислушиваюсь. Неужели показалось? Быть не может! Я не страдаю галлюцинациями.

— Ну, — говорю я чуть громче, — вылезай. Или я сейчас пролезу к тебе.

— Голову пригните, — слышу обреченный вздох.

Я раздвигаю руками чуть острые ветки и нагнув голову, шагаю вглубь кустов.

Эх, где мои десять лет! Я бы тоже тут устроила себе шалаш.

Над головой плотно сплетённая крыша из разных живых веток, земля плотно утрамбована, и устлана остатками картонной коробки, на которую я сажусь, по-турецки скрестив ноги.

Напротив, меня сидит Вася, собственной персоной.

— Итак, — начинаю я, — как ты тут оказался? Почему не в школе? Что ты тут делаешь?

Он смотрит на меня насупившись, исподлобья и молчит.

— Хорошо, — продолжаю я, потирая глаза, чтобы они привыкли к небольшим сумеркам внутри импровизированного шалаша, — давай разбираться частями. Вопрос первый — как ты сбежал из школы?

— Там дырка в заборе, — бубнит Вася.

— В каком?

— В школьном! Старшаки туда на переменах лазают, чтобы до магазина добежать.

— И ты полез в эту дырку, чтобы сбежать с уроков?

— Нет! У нас нет сейчас уроков! — отчаянно мотает он головой, — Нас новая училка гулять выгнала. Три урока отвела и хватит. Все на стадионе носятся.

— Хорошо, — соглашаюсь я, — но придет бабушка, а тебя нет? Учительница позовет всех в класс, а ты пропал? И что будет?

— Да нечего не будет! Меня Димон прикрывает, — начинает воодушевленно рассказывать Вася, — а потом я в школу бегу, через дырку залезаю и бабушку встречаю! Схема отработана! Я же не первый раз так!

«Замечательно! Он не первый раз так делает!» — мысленно вздыхаю я.

— И как давно ты так сбегаешь?

— Уже раза четыре! — он поднимает на меня ясные глаза, — и не разу меня не хватились! Пока вы меня не нашли. Вы-то откуда тут взялись?

— Не меняй тему, — не поддаюсь я на его провокацию, — следующий вопрос: а зачем ты сюда бегаешь?

— Друг у меня здесь!

— Друг?

Еще не легче! Кто тут может жить, что бы Вася с ним подружился?

Я опускаю взгляд на землю и только сейчас замечаю возле корней, небольшую, явно выброшенную, миску, наполненную с водой и пакетик с кошачьей едой.

Вася грустно вздыхает, достает из-за спины коробку и протягивает ее мне.

— Он спит.

Я приоткрываю верх коробки и вижу комок шерсти, через секунду мне в руку утыкается мокрый нос мохнатого дворового щенка.

— Это щенок. Тут два было. Их выбросили. А мы нашли. — тараторит Вася, — Одного Толик забрал. А этот мой. Я его Рексом назвал.

Глубоко вздыхаю и Вася продолжает меня убеждать:

— Как он тут без меня один? Я и вечером сюда бегаю, когда во дворе играю. Слежу, чтобы его не забрал кто-то.

Вася осторожно достает комочек и прижимает к себе.

— Что-то я не слышала от Елизаветы Ивановны, что вы решили собаку завести... — как можно мягче произношу я.

— Конечно не слышали! — бубнит Вася в ответ, — Бабушка говорит, я мал еще, а папа только породистую предложил. За хорошие оценки.

— Кстати, про оценки... Вылезай, я провожу тебя до школы. Клади щенка на место и пошли.

— Вы бабушке не расскажете? — вздыхает Вася, набрасывая на спину рюкзак для сменки.

— Не расскажу. И попробую уговорить Лешу, чтобы разрешил завести собаку. И вы выберете...

— Не надо выбирать! Я уже! Он знает какой смышлёный! — теплая ладошка Васи, вдруг касается моих пальцев. Он берет меня за руку и захлеб начинает рассказывать свои планы, — Я его фокусам обучу, и он у меня на задних лапах ходить будет! А вы потом куда? После школы?

— Я к себе заскочить хочу, у меня дома есть неоконченное дело. Ты чего встал?

Я останавливаюсь и с удивлением смотрю на сердитое лицо мальчика.

— Вам туда нельзя одной.

— Там сейчас никого нет, я быстро заскочу...

— Нельзя, — стоит он на своем, — папа и бабушка ругаться будут, если узнают, что вы туда одна пойдете. Я слышал, как они разговаривали.

Минуту молча смотрю в его яркие, как у Алексея глаза и вижу, как в них искорками загорается хитрющий план.

— У меня идея!

— Ну, — улыбаюсь я, — и что ты предлагаешь?

— Вы попросите, чтобы мне разрешили забрать этого щенка, а я не скажу, что вы к себе ходили! — улыбается Вася.

— Ты знаешь, как это называется?

— Взаимовыгодное соглашение?

— Василий! — одергиваю я его.

— Марина Игоревна! — сопит Вася, — Я честно буду его выгуливать! И вести себя хорошо. Я сейчас!

Он срывается с места и исчезает в кустах. Через секунду он снова подбегает ко мне, уже держа щенка на руках.

— Подержите!

Я прижимаю к себе пухлый теплый комочек. Рекс, ну да, конечно. Барбос, в лучшем случае.

Вася снимает со спины рюкзачок, осторожно кладет щенка внутрь и вещает рюкзак себе на грудь.

— Мы договорились, что я поговорю о щенке, а не то, что ты его заберешь.

Вася вздыхает.

— Ему тут страшно одному, как вы не понимаете? Я его спрячу сейчас, не волнуйтесь. Вы к школе подойдете, с бабушкой поговорите, она конечно, будет сомневаться, а тут я ей Рекса и покажу, и она согласится.

Вася делает огромные глаза и с мольбой смотрит на меня:

— Ну пожаааалуйста!

Кажется, меня ждет неприятный разговор с Васиной бабушкой на тему воспитания детей и что я потакаю их капризам. Ладно, это битву я проиграла.

— Пойдем, — соглашаюсь я, но сохраняю серьезное лицо, — Я отведу тебя в школу.

— Нет, я с вами! Раз мы идем к вам домой, значит вам нужна охрана. А потом в школу. Вы же тут рядом живете, — он снова берет меня за руку, — Я вас одну не отпущу.

Мой маленький рыцарь! И как я могу отказаться?

Щенок вытаскивает свою любопытную мордочку из рюкзачка, и Вася утыкается в него лицом.

Консьержки в моем подъезде нет на месте, чему я очень рада. Удастся быстро проскочить к лифту и избежать лишних расспросов.

Надо же, я почти месяц не была дома. Совершенно, не скучала по этому месту. Ну, разве что по вещам. И сейчас не буду нечего брать. Хотя нет! Можно забрать паспорт и тогда не писать заявление об утере, как я хотела сделать.

— А что нам надо забрать? — подает голос Вася.

— Ваши тетради с контрольными работами.

— Ааааа, — разочарованно тянет Вася, — я думал что-то важное...

— Это быстро, — улыбаюсь я, — они в коридоре, сейчас заберем и пойдем в школу.

Странно, знаю, что никого дома не может быть, но сердце начинает неприятно биться, когда мы выходим на этаже. Достāju ключи из сумочки.

«А вдруг там Изольда Марковна?» — вдруг проносится мысль в моей голове.

Я в секундном замешательстве кручу ключи.

Мокрый собачий язык скользит по моей руке.

— Мы с вами! — бодро произносит Вася, словно читая мои мысли.

И я открываю дверь.

Глава 50. Марина

Мы заходим в квартиру и первое, что бросается в глаза — слой пыли на всех поверхностях. Странно, вроде прошло немного времени, а квартира выглядит заброшенной.

— Можешь не разуваться, — говорю Васе, — мы на пять минут.

Я сразу иду к зеркалу и понимаю, что тетрадей в коридоре нет.

Так! Куда Глеб мог их поставить? В кабинет?

Прохожу в кабинет, отмечая про себя, что все в комнате пропиталось затхлым табачным дымом.

— Фуууу! — громко констатирует Вася.

— Согласна! — соглашаюсь я и открываю окно, чтобы пустить в комнату свежего воздуха.

— А можно воды?

— Тебе или Рексу?

— Можно обоим! Рексу еще можно сосиску...

— Пошли на кухню. Насчет сосиски не уверена, что она есть.

Завернув по коридору на кухню, я останавливаюсь, как вкопанная. Да как он мог? За пару недель? Моя чистая, когда-то кухня, выглядит, как огромное мусорное ведро. Ну как так можно? И это при работающей посудомойке.

— Я никому не расскажу, честно! — громко шепчет Вася, глядя на ворох посуды с остатками еды, стоящей по всем поверхностям.

— Что ты не расскажешь? — спрашиваю я, ища чистую чашку в шкафу.

— Что вы дома держите свинью!

— Василий!

— Если я чашку не помою, бабушка говорит, что она живет с поросенком, — вздыхает он, и поднимает на меня ясные глаза, — Ну а тут кто-то явно побольше водится.

Я ставлю чашку с водой перед ним на стол, и Вася залпом ее опустошает.

— Держи, Рекс! — опускаю блюдце для щенка на пол, — Мне нужно пять минут. Я поищу ваши контрольные.

Кажется, Вася меня уже не слышит. Ну что ж, хорошо, что современным детям все еще интересны живые собаки.

Я быстро пробегаю глазами кабинет. Так, а что если Глеб запихнул пакет в шкаф? Открываю — точно. Он стоит на самой нижней полке.

Отлично! Осталось взять паспорт, и мы выходим.

Быстро открываю ящик с документами и нахожу все мне нужное. Что ж! Это было легче, чем я думала. Я набираю воздуха в грудь, чтобы покричать Васе, что мы свободны и в этот момент слышу, как открывается входная дверь.

Мое сердце делает резкий кульбит в район горла и начинает быстро стучать.

Я знаю, что я в своём праве быть здесь, но так не хотелось бы ругаться сейчас при Васе.

Замираю посреди комнаты с пакетом тетрадей в руках.

Стою напротив открытого дверного проема, вижу, как в квартиру заходит Глеб и останавливается посреди коридора, увидев меня.

— Так, так, так... — медленно произносит он. — И что же ты забыла в моей квартире?

— Ну, во-первых, не в твоей, а в нашей, — парирую я, быстро взяв себя в руки, — и уж

если на то пошло, в моей квартире!

— С чего бы это? — Глеб швыряет ключи на тумбочку, промахивается и они со звоном летят на пол.

— С того, что ко мне заходил твой отец и показал очень интересные документы. На мою квартиру.

— Да как ты смеешь? — он кидает своей кожаный портфель на пол в прихожей и заходит ко мне в комнату.

— Смею что, Глеб? — я делаю шаг к нему на встречу, — Прийти в *свой* собственный дом? Забрать *свои* вещи?

Глеб стоит напротив меня, хочет что-то сказать, но начинает хватать ртом воздух. Он сейчас похож на рыбу, выброшенную на берег. Большого надутого леща.

— Это моё! — кричит он, и его лицо становится красным, — это всё мое! Тут твоего вообще нечего нет!

Нет, он скорее похож на маленького мальчика, ему осталось только топнуть ногой и потребовать, чтобы я отдала ему машинку, иначе он позовет маму.

— Хорошо! — спокойно отвечаю я, — вот тетради школьные заберу, а всё остальное — твоё!

— Да ты... Да ты... — он пытается подобрать слово, — ты вообще...

Я уже с нетерпением смотрю на него, мне даже хочется его подбодрить, настолько он сейчас выглядит нелепым.

Так странно, от меня вдруг отступает весь страх. Я просто смотрю перед собой и вижу жалкого, опустившегося мужчину.

— Мама права! — вдруг кричит Глеб, словно уцепившись за мысль, — Ты — дрянь!

— Знаешь, Глеб, мне сейчас так стыдно, — говорю я, — за себя...

В его глазах вспыхивает гордость:

— Конечно, тебе должно быть стыдно!

— За то, что я доверяла тебе все эти годы, — продолжаю я, не обращая внимания на то, как меняется его лицо, — за то, что действительно думала, что ты — хороший человек, Глеб.

Я чувствую, что наконец могу ему сказать всё, что накопилось у меня на сердце. И с каждым словом, я чувствую, как мне становится легче.

— За то, что боялась тебя потерять, — спокойным голосом говорю я, — Ты жалок, Глеб. Ты можешь возвышаться только за счет тех, кто слабее тебя. Мне стыдно, что я чуть-чуть поверила тебе и твоей матери в больнице. А знаешь, ты даже ногтя Алексея не стоишь... Мне стыдно за свою доверчивость. А тебя мне просто жаль.

— Что? — начинает орать Глеб, — Ты... да ты давно меня обманывала! Это Лена любит меня! А ты давно спелась за моей спиной со своим Артемьевым! Мама была права! Вот и убирайся со своим выродком! Он мне не нужен! Это не мой ребёнок! И никогда не станет моим! Только Лена любит меня по-настоящему!

Кажется, Глеб пытается замахнуться на меня, но тут в комнату влетает маленький быстрый вихрь и встает передо мной.

— Не тронь её! — голосит Вася и пинает его ногой в колено.

— Ах ты поганец! — воет от боли Глеб.

— Она нам нужна! Понял? А ты сиди в своей вонючей квартире! Один! А у меня сестра скоро будет! Понял? И я их буду защищать! Сестру и Маринку! А тебя папка в порошок сотрет! И я добавлю, когда вырасту!

Глеб обескуражено смотрит на Васю, потом на меня.

Мой маленький рыцарь кипит от злости, и я мягко отодвигаю его себе за спину.

— Мы сейчас уйдем Глеб, — выхожу я вперед перед ребенком, — И увидимся только в суде.

— Рекс! Фу! — вдруг кричит Вася.

Я перевожу взгляд в коридор, и вижу, как на забытый у стены кожаный портфель Глеба, подняв лапу, льет свою струю Рекс.

— Это еще что?! — орет Глеб.

Он хватает маленький комочек поперек тельца и поднимает над головой так высоко, словно хочет ударить его об пол.

— Не тронь собаку! — кричу я.

Вася вырывается из-за моей спины и бросается на Глеба с диким криком:

— Нееееет! Рекс!

Глава 51. Марина

Вася молнией бросается к Глебу и виснет у него на руке. Они начинают вертеться, словно волчок. Я не знаю кого из них оттаскивать из этого клубка. Вдруг, Глеб издает дикий крик, словно кто-то его укусил, и щенок оказывается в руках Васи, мой муж пытается замахнуться...

— Не смей трогать ребёнка! — кричу я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал от волнения.

Вася прячется у меня за спиной, что-то приговаривая Рексу. Я пытаюсь успокоить сердце, которое стучит, как сумасшедшее.

— Да вы тут все с ума посходили что ли? — верещит Глеб, — Это же Луи Виттон! Личный заказ! Какой-то безродный щенок нассал на Луи Виттона?

Глеб поднимает портфель и трясет им в нашем направлении:

— Ты хоть понимаешь сколько это стоит? У меня половина завода в год не получают столько, сколько стоят эти вещи! Он же теперь воняет! И на ботинки капнуло...

Глеб быстро расстёгивает молнию сумки и вытаскивает документы. Один листок, самый «поврежденный», летит на пол.

— Это же документы по сделке! С твоим отцом, между прочим!

— Извините, — бормочет Вася, высунувшись из-за моей спины, — Он не специально, правда!

— Что извините?! Заехал за печатью, называется!

Глеб быстро подходит к письменному столу, открывает верхний ящик и достает коробку с печатью.

Я сторонюсь его, по-прежнему, прикрывая Васю, когда он направляется назад.

— Я ненавижу тебя! — говорит Глеб из коридора и показывает на меня пальцем. — Тебя! — он переводит палец на Васю, — и тебя, мерзкая собака!

Он подбирает ключи с пола и уходит громко, хлопнув входной дверью.

Мы остаемся одни.

— Хорошая собака, — выдыхаю я, — надо брать!

Спустя минут двадцать, когда я уже осмотрела щенка и Васю, убедилась, что со всеми детьми все в порядке, нашла тряпку, убрала лужу в коридоре, мы, наконец, выходим из подъезда.

Меня потихоньку отпускает. Очень надеюсь, что остаток вечера, уже не принесет никаких потрясений и можно просто выдохнуть.

— Пошли в школу.

— А Рекс? Вдруг с ним не пустят? — тихо спрашивает Вася.

— Со мной пустят. Я проверю тетради в учительской, вы на стадионе побудете. Скоро Елизавета Ивановна за тобой придет.

— Марина Игоревна, — так же тихо продолжает Вася, — я...

И замирает на полуслове.

— Что такое? — немного пугаюсь я.

Может он ударился и молчит? Или Глеб его задел в потасовке?

— Можно я вас обниму?

И не дожидаясь ответа, его голова упирается в меня. Вася обхватывает меня руками, и

прижимается ко мне. Крепко-крепко.

Мои руки глядят его взъерошенный затылок, и мы стоим, замерев посреди двора.

— Я так испугался...

— Ну что, ты, — успокаиваю я его, — с Рексом все будет хорошо. Правда.

— Я за вас испугался! Он плохой. Но я вас защищу... защищу... Спасу короче!

Вася поднимет на меня свое лицо, и я понимаю, что у него мокрые глаза.

— Ты чего, — бормочу я, — все же хорошо...

— Я вас очень люблю... очень-очень, понимаете!

Я чувствую, что не могу на него смотреть, потому что мои глаза предательски увлажняются. Понимаю, что сейчас буду плакать и совершенно некрасиво шмыгаю носом.

— Я тоже, — шепчу я, перебирая его волосы, — я тоже очень тебя люблю...

— И сестричку люблю! Ее нет, но я ее уже люблю!

— А если братик будет?

— Конечно будет! Но потом, сейчас сестричка. Я ее во сне видел, — совершенно серьезно говорит Вася.

Я чувствую, что готова разреветься прямо тут на улице. Но стараюсь держать себя в руках.

Мы опускаемся на скамейку возле какого-то подъезда, и сидим, обнявшись в тишине.

Потом Рексу надоедает в рюкзаке, и он высовывает на улицу свой любопытный нос.

— Ну что, — предлагаю я, — пошли уже в школу.

Мы идет по тротуарам во внутренних дворах, и мимо нас то и дело едут машины, водители которых пытаются обогнуть пробку на центральной улице.

— За нами слежка, — вдруг говорит Вася, — не оборачивайтесь.

— С чего ты взял? — удивляюсь я.

— Вот тот черный мерс, едет за нами и не сворачивает.

— Вася, ему и некуда свернуть — тут выезд всего один.

Вдруг машина немного выезжает вперед и тормозит перед нами.

— Что я говорил? — торжествующе спрашивает Вася.

Я с волнением беру его за руку. Это еще что такое?

Дверь со стороны водителя распахивается, и я вижу утреннего гостя Алексея.

— Все в порядке — выдыхаю я, — это друг твоего папы — Олег.

— Марина, Вася! Вы куда? Вас подвести?

— Мы до школы, — поясняю я, — да нет, мы дойдем. Тут десять минут.

— Марина, у вас сумка огромная, садитесь. Дорогу только покажете? А то я в вашем городе еще не все дороги знаю.

Мы садимся в машину: я рядом с водителем, Вася с рюкзаком сзади. Сумка с тетрадями тоже переезжает назад.

— Правильно, что согласились, нечего тяжести носить! Вы какими судьбами тут оказались?

Я начинаю свой рассказ. Опускаю встречу с Васей и Глебом. Просто рассказываю, что забыла проставить оценки и пришлось идти за тетрадями. Вот такая я забывчивая к концу учебного года.

Олег внимательно слушает и вдруг начинает принохиваться.

— Прошу прощения, видимо с улицы пахло. Сейчас окна закроем и кондиционер включим.

Я начинаю краснеть. Совершенно забыла про щенка в рюкзачке у Васи, будет крайне неловко, если он опять...

— Это Рекс, — сокрушенно говорит Вася. — Но он сейчас нечего не сделал! Я просто тот лист взял, который он обоссал и под него подстелил в рюкзак. Наверно поэтому пахнет.

Олег с удивлением смотрит на меня и переводит взгляд на Васю:

— Рекс?

Вася вытаскивает мордочку щенка из рюкзачка:

— Это Рекс, — знакомит он, — и у него сегодня был сложный день.

— Что так? — удивляется Олег.

И тут мы уже на перебой рассказываем наши приключения полностью. В какой-то момент, Олег съезжает с дороги, чтобы посмеяться.

— Ну показывай, своего зверя.

Вася достаёт щенка, Олег осторожно берет его на переднее сиденье.

— Хороший зверь! И знает толк в Луи Витоне. Молодец! Мордастый! Прямо волк!

Ну не знаю, по мне, это просто шерстяная булочка, но я молчу.

— Ты посади его на пол, Вась, не страшно.

— Угу, я листочек подстелю.

Мы подъезжаем к зданию школы, и я замечаю припаркованную машину Давида Григорьевича.

— Пошли в школу, Вась, пока тебя бабушка не потеряла. Спасибо вам большое Олег!

— Донести сумку? — уточняет он.

— Не стоит. Посторонний мужчина на территории школы... Завуч и так мной не довольна.

— Понимаю. Ну что ж, был рад случайно встретиться!

— Бабушка! — кричит Васи и срывается с места.

Я провожаю его взглядом и вижу, как по аллее увлеченно разговаривая, идут Елизавета Ивановна и Давид Григорьевич. Вот Вася к ним приближается и до меня доносятся его возбужденные возгласы. Надо пойти и поддержать идею с собакой.

— Марина, — слышу серьезный голос Олега.

Я поворачиваюсь. Он держит в руках помятый листок, который Вася подстелил под щенка.

— Откуда это у вас?

— Это Глеб выбросил, — поясню я, — сказал, что документы к сделке с Лёшей, а что?

— А то, — медленно говорит Олег, — что это поддельные документы.

Глава 52. Алексей

— Чай, кофе, — щебечет Леночка, наклоняясь надо мной так, что мой взгляд невольно попадает в ее декольте.

Вздыхаю. Не люблю дешевые приемы.

— Воды без газа.

— Хорошо, — еще ближе придвигается она.

Мне хочется отстраниться от ее навязчивых духов, безвкусного выреза на блузке, ярко накрашенного рта.

Как Глеб может с ней жить? Хотя может его все устраивает.

— Глеб Давидович просил передать, что он задерживается, — щебечет она, стараясь казаться милой.

Я смотрю на большие настенные часы на стене. Мы сидим за большим переговорным столом в кабинете Рогальского. Сидим уже достаточно долго, и ждем его хозяина.

— Не переживайте, — встревает Арсен, — сейчас Глеб приедет, и мы начнем.

— Банковский перевод надо осуществить до конца рабочего дня, — устало говорит Ромка и трет глаза, — что ж у них вечно все через...

— Ваша вода, — всплывает в кабинет Леночка с подносом и бутылкой Перье, — Глеб Давидович скоро будет, он уже подъезжает.

— Подъезжает он, — раздражённо вздыхает Ромка.

Я устало хожу по кабинету. С каждой минутой вся эта затея нравится мне все меньше. Чувствую, как в пиджаке вибрирует телефон.

— Да, Илюх! Есть новости? Ты узнал что-то?

— Узнал, — отвечает следователь, — но не по телефону. Как у вас там? Все по плану?

— Угу, — задумчиво отвечаю я, — ждем Глеба.

— Не отвлекаю. На связи.

— А скажи, Роман Евгеньевич, — нависаю над другом, вертя в руках телефон, — нет у тебя ощущения, что мы совершаем ошибку?

— Какую ошибку, — вскидывается Арсен, — почему?

— Ну, не знаю, — задумываюсь, — можем ли мы доверять нашему Глебу Давидовичу, как-никак у нас с ним много личных разногласий.

Леночка кидает на нас испуганный взгляд.

— Вот опять же, — продолжаю, — то, что мы сейчас сидим в его офисе, а не в нашем, наводит меня на неприятные мысли.

— Да какая разница, в чьем офисе, — оправдывается Арсен, — мы так долго шли к этой сделке. Заключили первичный контракт, стройку начали. Сейчас мы им финансы переведем и дело в шляпе будет.

— Ну да, ну да...

— А что ты так Рогальского защищаешь, Арсен? — поднимет глаза Ромка, — ты же вроде мой зам и должен быть на нашей стороне.

— А я и на нашей, — быстро говорит Арсен, — просто хочу, чтобы все получилось: им деньги, нам материал. Хорошо же, да?

Сажусь на свое место и нетерпеливо барабаню пальцами по столу.

Леночка испуганно переводит взгляд с меня на Ромку. Мне кажется, она старательно

пытается не смотреть в сторону Арсена.

В кабинет влетает Глеб. Бросаю на него взгляд и отмечаю, что крайне зол. Он кидает на меня полный ненависти взгляд и быстро идет на свое место. Руки никто не подает, это понятно.

— Прощу прощения, — бормочет он невнятно, — пробки в городе.

Он падает за свой рабочий стол и протягивает портфель секретарше.

— Там все с печатями, и подписями, кроме одного листа. Его надо еще раз распечатать. Займитесь.

Леночка кидает встревоженный взгляд на его портфель, потом, словно выдыхает и быстро уносится прочь.

— А что же случилось с тем листом? — равнодушно спрашивает Ромка, чтобы скрасить нависшую паузу.

— Нечего, — отвечает Глеб, глядя на нас исподлобья.

Вновь виснет пауза. Ромка таращится в потолок. Глеб демонстративно не смотрит в мою сторону. Арсен елозит на стуле.

Наконец Леночка всплывает в кабинет. Ее глаза немного бегают.

— Вот, все рассортировала. Я правда все заново напечатала, решила, что так будет удобнее, — она протягивает документы Рогальскому.

— Зачем? — недоумевает он.

— Так бумага по цвету отличалась, я хотела, чтобы все было красиво, — хлопает она ресницами.

Глеб нервно выхватывает у нее бумаги.

— Прощу прощения, за задержку. Мои подписи и печати первые и передаю вам все на проверку.

Глеб неврно оформляет документы и наконец передает их нам.

— Изучайте.

Рогальский откидывается на спинке стула, скрестив руки на животе.

Арсен быстро пролистывает документацию:

— Вижу, тут все в порядке.

Он передает их Ромке и тот уже внимательно все просматривает.

— Да, все верно, — протягивает их мне на подпись.

Я пробегаю глазами листы и достаю ручку из внутреннего кармана пиджака.

Леночка расставляет чашки с чаем перед нами. Вообще-то я не просил, ну ладно. Отодвигаю чашку и начинаю ставить на каждой странице свою подпись. Леночка собирает лист за листом в папку, постоянно приседая, так, что у моего лица периодически маячит вырез ее блузки. Документов остается все меньше. Вот список с банковскими реквизитами — на автомате отмечаю я, как вдруг...

— Ой, я такая неловкая!

Чай растекается по документам, немного попав мне на светло-серый пиджак.

— Елена Игоревна! — вскидывается Глеб.

— Извините, простите, я сейчас все перепечатаю! Простите, я сегодня такая неловкая!

— Нечего! — встревает Арсен. — Бывает. Мы подождем. Сейчас все на нервах.

Ромка чему-то улыбается в стол.

Я вновь невольно смотрю за минутной стрелкой на настенных часах, но Леночка появляется очень быстро с новым комплектом документов.словно, он уже был заготовлен

заранее.

— Извините, Глеб Давидович, вам опять надо везде...

— Давайте уже, — он выхватывает бумаги, и не глядя бегом ставит везде свой автограф, — Я очень надеюсь, что это скоро закончится! Прошу!

Ромка бросает на меня быстрый взгляд.

— Надо бы проверить, — начинает он.

— Ой, да проверяли же, — начинает слегка кипятиться Арсен, но берет документы, быстро пролистывает, — я уверен, что там все хорошо.

Ромка передает стопку бумаг мне. Я поворачиваюсь к Леночке:

— И правда, все устали, не будем снова перепроверять, да? — улыбаюсь я.

Мне только кажется, или сейчас ручки Леночки дрожат больше обычного, когда она собирает листы с моей подписью в папку?

Листов остается немного. Вот опять мелькают банковские реквизиты, я подношу ручку...

Сильный грохот останавливает меня.

Дверь резко распахивается и в кабинет вваливаются люди в бронежилетах и с автоматами наперевес.

Глеб поднимает испуганные глаза.

Ромка продолжает сидеть не шелохнувшись.

Арсен бледнеет и резко вскакивает со своего места.

На лице Леночки застывает безмолвный крик.

Я спокойно кладу ручку вниз.

— В помещении работает Следственный комитет, — в центр кабинета выходит невысокий коренастый мужчина и раскрывает свое удостоверение, — просьба всем оставаться на своих местах.

Глава 53. Алексей

— Ну наконец-то, — потягивается Ромка, — я уже заждался.

— Старший следователь Константин Иверцев, — представляется коренастый мужчина, — просьба остановить сделку и оказать содействие следствию. У нас есть несколько вопросов к каждому из присутствующих. Начнем с вас, Елена Игоревна?

— А я что? — испуганно вскрикивает Леночка, и продолжает с нотками истерики, — Я нечего не знаю! Я ради него! Я все ради него... понимаете? Это его идея! Я делала все, что он говорил! Я вообще ребенка от него ждууу!

Ее крик переходит в судорожное рыдание. Она всхлипывает и закрывает лицо ладонями.

— Да что ты несешь? — вскакивает Глеб, — что ты «ради меня»? Я вообще не понимаю, о чем речь!

Его голос явно дрожит. Он нервно теревит манжеты рубашки.

— Ты — то тут причем? — срывается Лена, — Ты вообще тупой валенок! У тебя мозгов бы не хватило такое придумать! Дурак!

— Что? — бледнеет Глеб, — Я не понимаю...

— Что слышал, придурок! — не унимается она, — Не понимает он! Тебя можно было только за нос водить! А ты что молчишь? Ну скажи хоть что-то?

Мы все переглядываемся, пытаюсь понять к кому же, если не к Глебу, обращается Леночка.

— Я больше нечего не скажу! — вдруг меняет свое поведение его любовница, — Понятно вам!

— Вы уверены, Елена Игоревна?

Иверцев кивает головой и к ней направляются люди в штатском.

— Уберите руки, козлы!

— Увидите ее, — буднично вздыхает старший следователь, когда полицейские ведут ее к выходу.

— Нет! Нет!

Лена резко поворачивается в дверях кабинета, и окидывает нас всех взглядом полным ненависти.

— Почему ты молчишь, Арсен?! — вдруг кричит она.

Все взоры устремляются на лицо Ромкиного зама.

— Действительно, Арсен, вы нам что-то хотите рассказать? — поднимает на него взгляд Иверцев, — Например, что вы не Арсен?

— Что? Ты не Арсен?

Леночка пытается вырваться из крепких рук полицейских. Рот Ромкиного зама расплывается в зверином полуоскале.

— Ты мне врал? Чего еще я о тебе не знаю? Отпустите! Отпустите меня!

Остатки ее крика затихают где-то за пределами кабинета.

Я перевожу взгляд на лицо Арсена, и замечаю, какими вдруг острыми и жестокими стали его глаза.

— С адвокатом моим общаться будете, — зло бросает он. — Нечего вам говорить не собираюсь.

— Это, как водится. Забирайте его. — спокойно отвечает старший следователь, и кивает

своим людям на Глеба, — Этого тоже на выход.

— Что тут происходит? Что это вообще такое? — пытается качать свои права Глеб, — По какому праву?

— А происходит, тут то, что вскрыта преступная схема изъятия денежных средств в особо крупном размере и последующего вывода их за границу. А вы товарищ Рогальский имеете к этому самое прямое отношение.

— Я никуда не пойду! Вы не имеете права! — кричит Глеб с ужасом, — Я тут не причем! Я нечего не понимаю!

— Пока мы считаем, что вас использовали в темную. В ваших же интересах проехать с нами и все обсудить. Не заставляйте нас думать, что вы соучастник. Проводите его!

— Я сам! — шипит Глеб, — Уберите руки!

Я выхожу на улицу вслед за Иверцевым.

Свежий воздух. Как же хорошо!

Ромка закуривает чуть в стороне. Мимо нас проходят полицейские с коробками документами.

Делаю глубокий вдох и расслабляю галстук. Неужели вся эта история подошла к концу?

Ну, почти к концу.

Я ищу взглядом знакомое лицо в толпе полицейских, но не нахожу.

— Вам тоже надо будет проехать с нами, — напоминает Иверцев.

— Разумеется, — соглашаюсь я, и наконец замечаю Илью.

Он пробирается через своих коллег, чтобы подойти ко мне поближе.

— О, Илья! — Иверцев протягивает ему руку, — ну что узнал?

— Да, Илюх, какие новости? Нашел Иру? Она что-то сказала?

— И да и нет, — вздыхает он.

— Не томи, — бросает старший следователь.

— Иру я нашел. Сказать она нечего уже не сможет, — и тихо добавляет, — Как освободишься, Лёх, надо чтобы ты заехал в морг на опознание.

Все эти годы я был готов к такому повороту событий. Иногда даже ждал этого. Но все равно в первую минуту сердце сделало кульбит.

Всё. Теперь я точно вдовец. Что ж, свою жизнь и свою смерть Ира выбрала себе сама. Не мне ее судить. Но и прощать я её не намерен.

— Конечно, — глухо отвечаю, — все расходы я возьму на себя.

У здания офиса резко тормозит черный мерседес. Следом на парковку выруливает белый джип. Дверь первой машины распаивается и на встречу ко мне выбегает Маринка.

Она-то тут откуда?

— Марина? — удивляюсь я, когда она бросается мне на шею.

— С тобой все в порядке? Я так волновалась!

— Как ты тут очутилась? — прижимаю ее к себе, — Нечего от тебя не скрывать! Я хотел тебе все вечером рассказать.

— Ой и мне есть что рассказать! Вася забыл документ в машине у Олега, и твой друг понял, что это подделка. Говорит какой-то номер не тот. Я так испугалась. У тебя же сделка, а Глеб сказал, что это документы для тебя.

— А у вас этот документ с собой? — заинтересованно встречается Иверцев.

— Да, только на него Рекс немного сделал лужу. А так документ у Олега!

Марина поворачивается в сторону парковки, и мы все видим, как Олег выходит следом

из машины.

— Погоди! — спрашиваю я Марину, — Какой Рекс? Что Вася делал в машине у Олега и где ты видела Глеба?

— Да, если можно, нам бы тоже хотелось это все знать, — говорит Иверцев, — Особенно касательно документов.

Марина быстро пересказывает историю встречи с Васей и сцены дома. Брови Иверцева сдвигаются ближе к переносице.

— Еще раз, — уточняет старший следователь, — Глеб просто выбросил лист? И сам сказал, что это документы для сделки с Алексеем?

— Да, — Марина бросает на меня взволнованный взгляд.

— Нам действительно предстоит разобраться — соучастник ваш муж или пешка в чужой игре. В любом случае, в ходе этой обманной сделки, Артемьев мог потерять почти все свои деньги. И возможно у Глеба был мотив его подставить.

Марина в страхе закрывает рот руками.

— Был... — шепчет она через минуту и кидает на меня испуганный взгляд, — А что если это из-за меня? Вдруг Глеб решил так отомстить?

Глава 54. Марина

Время за полночь, но у нас в доме горит яркий свет.

Ромка возится со щенком вместе с Васей. Степан стоит рядом, и до меня доносятся его рассуждения о строительстве вольера для собаки.

Елизавета Ивановна сидит в кресле, с бокалом коньяка для успокоения нервов.

Людмила периодически выбегает из гостиной на кухню и сервирует стол к ужину в столовой. Я хотела помочь, но она только отмахнулась от меня.

В соседнем кресле, возле камина, отдыхает Давид Григорьевич. Я встречаюсь с ним взглядом, и мы обмениваемся улыбками.

Из коридора доносится голос Ильи, они с Олегом только что приехали из отделения, и Лёша встречает их в коридоре.

Ромка с Лешей молчали как партизаны и ждали, когда соберутся все. Поэтому мы просто изнываем от любопытства.

— Итак, — Илья заходит в гостиную, — Всем добрый вечер. Вот теперь мы готовы вам всё рассказать.

— Началось это все, — вздыхает Олег, — почти полтора года назад. Мой компаньон перевел деньги мне в банк, но они так и не дошли. Документы были сто раз перепроверены нашими юристами до сделки, а после выяснилось, что один банковский номер для перевода не настоящий. И деньги ушли на офшоры. Начали копать под меня, конечно. А я реально не сном не духом.

— Глава нашего отдела подумал, — рассказывает Илья, — а что, если в схеме задействованы не сами бизнесмены, а их окружение. Тот, кто печатает документы, проверяет их, оформляет в банке. Стали разбирать цепочку, искать связи и нашли. Секретарша Олега и работница банка были в отношениях с одним и тем же человеком.

— Да, да! С моим помощником — Искандером, который загадочно исчез, сразу после окончания сделки, — продолжает Олег.

— Через полгода он объявился у нас в городе. Я взял его к себе в замы. Каюсь. У него было прекрасное резюме. И новое имя — Арсен, — вздыхает Ромка.

— Дальше наш Искандер — Арсен, начал искать девушек чтобы повернуть уже знакомую схему, и нашел секретаршу Глеба, — продолжает Лёша.

— Погодите, — восклицаю я, — это что, выходит моя сестра...

— Была любовницей и Глеба, и Арсена, — грустно говорит Давид Григорьевич, — и ее ребенок совсем не от моего сына.

— Совершенно верно. Она уже во всем призналась, — подтверждает Илья. — Арсен уговорил Лену участвовать в схеме вывода денег. Сначала она была против. У вашей сестры были планы выйти замуж за Глеба, но он устроил ей допрос, и Лена испугалась, что он догадается, что ребенок не от него. И Лена согласилась подставить одного любовника, чтобы заработать с другим.

— Лена должна была подменить документы. Первый комплект документов на сделке проверяется тщательно. Потом что-то случается, и приносят второй экземпляр, точно такой же. Только банковский код слегка изменен. Затем документы отправляются в банк своему человеку и деньги уходят на левые счета. Всё! — вздыхает Лёша, — один без денег, второй в тюрьме. Доказать, что не участвуешь в такой схеме и тебя подставили достаточно сложно.

— Но можно! — завершает Олег.

Людмила горестно качает головой:

— Как хорошо, что их поймали.

— Да, — улыбается Илья, — Мы планировали эту операцию достаточно давно...

— Ты знал? — удивляюсь я.

— Илья позвонил пару дней назад и мы встретились, — кивает Лёша.

— Сначала мы думали, что Глеб в деле, — разводит руками Илья, — но потом поняли, что он не причем.

Давид Григорьевич грустно кивает головой.

— Боюсь, на такую схему у него бы не хватило мозгов.

— Олег, а как вы поняли, что документ поддельный? — изумляюсь я.

— Из-за номера банковского кода! Прошлый раз был такой же номер, и я его на всю жизнь запомнил: там нули и дата рождения моей жены. Согласитесь, редкое совпадение.

— Леночка напутала и распечатала сразу поддельный договор. Отдала на подпись Глебу. Он не стал проверять и просто подписал, — говорит Илья.

— Болван! — вздыхает Давид Григорьевич.

— Зато у нас появилась новая улика! — добавляет Илья. — Когда Глеб вернул ей поддельные документы, она пропустила их через шредер. И распечатала новые. Ну а дальше вы всё уже знаете.

— А мы скоро пойдем есть? — подает голос Вася.

И мы всей толпой идем в столовую, чтобы рассесться за огромным столом.

Я обвожу взглядом всех за столом и чувствую, что я тут на своем месте. Улыбка не сходит с моего лица всю ночь. Мы расходимся под утро.

Я со всеми прощаюсь у входных дверей. Жму руку Игорю, обещаю Олегу навестить его жену, как только они переедут к нам поближе.

Крепко обнимаю Давида Григорьевича на прощание и что-то мне подсказывает, что он будет частым гостем в нашем доме.

- Ты хочешь подавать на Глеба в суд за историю с Ирой? — Лёша поворачивается ко мне, когда за Давидом закрывается дверь, — Илья говорит, что шансов мало, но попытаться доказать его участие можно.

— Реши сам, любимый, — вздыхаю я, — Давид убирает его с поста директора. И вообще собирается уволить. Я хочу поскорее с ним развестись, и чтобы его больше не было в моей жизни. Никогда.

Я заглядываю на подстилку, где должен спать Рекс. Пусто.

— Вася утащил щенка к себе, — тихо говорю я.

— Ну и хорошо! К ветеринару я щенка записал.

Странно, но ноги сами выносят нас на кухню. Мы стоим у окна, обнявшись и смотрим, как вот-вот начнется рассвет.

Новый день. Новая жизнь.

— У меня кое-что есть для тебя, — тихо говорит Лёша и мне на шею опускается золотая цепочка со знакомым кулончиком.

— Ах, Лёша! — крепко обнимаю его, — Мамин.

Я прижимаюсь к его большой груди и чувствую себя спокойной и защищённой.

— А что нас ждет, как ты думаешь? — спрашиваю я, заглянув в его глаза. — Например, завтра?

— Ты будешь долго спать, а я буду сторожить твой сон.

Он касается губами моего лба, нежно опускается поцелуем на закрытые веки. Вот его губы встречаются с моими, и я обвиваю его шею, провожу пальцем по колючей щетине на щеке, отстраняюсь:

— А потом?

— А потом мы будем счастливы. Долго-долго. Всю жизнь.

Солнечные лучи пробиваются вокруг плотных штор на окне.

Я потягиваюсь на большой кровати, провожу рукой по соседней подушке и понимаю, что Леша уже встал.

Беру с кресла халат, подхожу к окну и распахиваю шторы. За окном ясное летнее утро.

Где там мои любимые мальчики? И не только мальчики?

Выхожу босыми ногами на балкон. Елизавета Ивановна сидит под зонтиком в шезлонге, на газоне и держит в руках какую-то книгу.

Софийка носится по лужайке с Рексом. Она безмерно обожает эту собаку и это взаимно. Ведь они выросли вместе.

Сейчас Софье уже пять, и она точная моя копия.

Где же мои любимые е мужчина? Наверное, у причала.

Я иду одеваться, открываю комод, чтобы вытащить футболку и взгляд невольно падает на нашу свадебную фотографию.

Мы поженились осенью, и я была самая красивая невеста. Я вспоминаю, нашу выездную церемонию в кругу друзей. Вася с Рексом вели меня к Лёше по проходу между гостей. Ромка был нашим шафером. Это был самый счастливый день в моей жизни!

Этот или все же другой?

Рядом с фотографией со свадьбы стоит наше совместное фото из роддома: я, Леша и Софийка.

Лёша был со мной каждый поход к врачу, каждое УЗИ. Мы рассматривали нос Софийки на черно-белом мониторе и гадали какого цвета у нее будут глаза. И да, она теперь точная моя копия. Во время родов он не отходил от меня ни на минуту. Как же я ему благодарна! Я была такой трусихой. В первый раз.

А вот и мой второй раз. Второй поход в роддом и снова самый счастливый день. На этой фотографии мы уже все вместе: Вася, бабушка, дед, Софийка, я и Леша с Егором на руках.

И да, мы опять прошли этот путь вместе. Леша был рядом со мной в родовой и даже первым взял сына на руки.

Я мысленно улыбаюсь.

Сбегаю вниз по лестницы на кухню.

— За маму, за папу, — приговаривает Людмила, и старается накормить Егорку.

— Как мы сегодня? — я целую сына, — Кушай не отвлекайся. После завтрака мама вся твоя!

— Кушаем просто отлично! — улыбается Людмила, — отдыхайте. Мы сейчас еще две ложки съедим и к бабе в сад пойдем. Да? Пойдем к бабе? Будем с сестрой играть, да?

— Дядяя! — лопочет Егор и стучит кулачком по столику для кормления. Ему скоро два, он во всю пытается бегать за Софией и собакой. И обожает быть рядом с Васей.

Как хорошо, что у Васи еще есть время на маленького. Но скоро, я чувствую, этого времени уже не будет. Вчера Вася пришел поздно. У него было свидание с Олей. Да-да! Той самой, с которой они дрались в третьем классе, ругались в пятом и вот, а в конце десятого они пошли в кино. Не в первый раз.

И вчера вечером, мы с Лёшей слышали, как Вася делился с другом, что они с Олей поцеловались.

Эх, как быстро растут дети. Хорошо, что у меня есть еще вот эти малявки!

— Спасибо, что поспали сегодня с Егоркой в детской, Людмила. Где наши мужчины?

— На пристани. С удочками с утра возились.

— Отлично! Они взяли с собой еду?

— Нет, конечно. Вот думала докормить Егорушку и отнести.

— Я сама!

Беру корзинку с едой, которую приготовила с вечера. Достаяю из холодильника бутылочку холодного пенного. Наш дед его просто обожает во время рыбалки.

Перехватываю корзинку двумя руками и выхожу во двор.

— Утро доброе! — кричу всем на лужайке.

— Мама! — отзывается Софийка и летит ко мне, следом весело лая устремляется Рекс.

Ставлю корзину и подхватываю дочь на руки. Кружу ее и конечно глажу собаку. Куда же без него?

— Как там Егор? — приподнимается на лежаке наша бабушка.

— Прекрасно! Доедает свое вкуснейшее пюре и сейчас выйдет гулять с Людмилой.

— Урааа! — кричит Софа, — а ты куда мам?

— Отнести еду нашим мужчинам. Они сегодня плывут на остров на рыбалку. Мы будем дома одни!

— Ну дед, туда уплыл еще с вечера, хотел всё приготовить и печь в домике растопить. Я ему звонила, но видимо телефон с собой не взял. Ладно, пусть отдохнёт. Слушай, Марин, — просит бабушка, — ты захвати ему из холодильника...

— Уже всё захватила! Всё, девочки, целую. Скоро буду!

Я спускаюсь вниз к нашей пристани и уже издали замечаю фигуры моих любимых мужчин. Невольно замираю, чтобы полюбоваться с ими. Вася так вырос, ростом почти с отца. И такой же крепкий, мускулистый. Они тренируются каждый свободный день. Люблю их. Егорке будет с кого брать пример.

А возможно и не только Егорке.

— Лёшаааа! — зову я и они оборачиваются.

Лёша быстро поднимается ко мне по склону. Обнимет за талию одной рукой и приподняв в воздух, целует.

Вася фыркает и отворачивается к лодке. Я выразительно смотрю на Лёшу.

— Нечего! — смеется мой муж, — Надо передавать знания молодым. Кто как не мы?

— Ну, пааап, — басит Вася.

— А я нечего не рассказал! — муж слегка подмигивает мне.

— Как вы вчера погуляли с Олей? Как кино?

— Ну мааам! Вы сговорились что ли?

— Вообще нет. Мне реально интересно, что за фильм, — спрашиваю я.

— Хороший!

Мы с Лёшей переглядываемся и стараемся не улыбаться.

— Я принесла вам еду. Грузи в лодку, Вась.

Сын забирает корзинку.

— Как там дед?

— Прекрасно! Наш Давид рыбачит. Я утром ему позвонил, говорит ждет нас, всё готово.

— Позвонил? Мама сказала, что он не отвечает. Она думает, что он телефон дома где-то оставил, — улыбаюсь я.

— Вот и пусть так думает. Иногда ему от мамы то же надо отдохнуть,

— Так, — с напускной серьезностью говорю я, — если вы, Алексей Васильевич, будете так же себя вести...

— Ну что вы, Марина Игоревна, — Лёша обнимает меня, — Я никогда-никогда не буду так делать!

— Я вам верю! — смеюсь я.

— Как там школа?

— Все отлично! Просмотрела резюме нескольких новых педагогов, хочу набрать еще один первый класс. В понедельник проведу собеседование.

— Отлично! Я могу тебя добросить.

— Пап, — прерывает нас Вася, — лодка готова. Поплыли?

У Лёши играет телефон.

— Что случилось, Олег? Да, хорошо, постараюсь, — муж отключает телефон, — У Олега проблемы. Что-то не ладится с семьей. Просил на днях заехать и пообщаться. Поучиться у нас с тобой, так сказать.

— Пап, ну ты скоро? — кричит Вася.

— Сейчас, Вася! — я беру мужа за руку, — Можно я тебя еще задержку на секунду, любимый?

— Да, конечно.

Лицо Лёши моментально делается серьезным. Мы немного отходим от Васи.

— Что-то случилось, Марин?

— У меня для тебя кое-что есть, — говорю я и протягиваю Лёше сине-белый «градусник».

Он секунду рассматривает его, крутя в руках.

— Так... — медленно говорит Лёша, — и это не тест на ковид, да?

— Да!

— И тут две полоски?

— Да!

— Маринка!

Лёша опять хватается меня за руки и начинает кружить.

— Ой, тебя больше не хватать? — он ставит меня на землю, — Тебя нужно целовать!

Лёша наклоняется ко мне и нежно касается моих губ:

— Мальчик или девочка? — шепчет он мне.

— Не знаю... — шепчу я в ответ, — ты кого больше хочешь?

— Кого ты мне подаришь. Моей любви хватит на нас всех.

— Я люблю тебя, Лёш.

— А я тебя, Маринка. Ты мое счастье.

Я обнимаю своего мужа. И понимаю, что я сейчас совершенно счастлива.

Больше книг на сайте - Knigoed.net